

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

1/2023

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021 г.) по историческим наукам, по научным специальностям:
5.6.1 — Отечественная история, 5.6.2 — Всеобщая история*

2023

Издается 4 раза в год

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук, доцент **И. А. Буданова**

(*ответственный секретарь*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021 г.)
on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2023

4 issues a year

№ 1

Founded in 2001
by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

---

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasily Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Assoc. Prof. **Irina Budanova**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of Sc. (History),
Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

© Ivanovo State University, 2023

Редакционный совет:

Ю. М. Воронов	Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
О. В. Золотарев	Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
И. В. Кондаков	Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Г. Н. Кочешков	Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
И. В. Купцова	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
В. А. Мансуров	Институт социологии РАН (Москва)
И. И. Осинский	Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
С. Н. Полторак	Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Д. И. Польшвинный	Ивановский государственный университет
В. А. Порозов	Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Е. М. Раскатова	Ивановский государственный университет
А. В. Ренников	Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
В. Г. Рыженко	Омский государственный университет
И. В. Сибиряков	Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
Г. С. Смирнов	Ивановский государственный университет
Ф. Х. Соколова	Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
А. А. Соловьев	Костромской государственный университет

Editorial Board:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Климович Л. В., Галкина Е. П.* Роль преподавания гуманитарной дисциплины «История» в формировании исторической памяти молодежи (по материалам социологического исследования в г. Ульяновске) 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Кириухин Д. В., Кириухина Е. М.* Придворные художники династии Тюдоров в контексте становления культурно-интеллектуального сообщества 28
- Магадеев И. Э.* «Интеллектуальная демобилизация» во франко-германских отношениях в 1920-е гг.: основные этапы, инструменты реализации, итоги 52

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Давыденко М. В., Чередникова А. Ю.* Проблема художественности в философско-эстетических воззрениях П. А. Флоренского 79

ДЕБЮТ

- Зазнобина П. А.* Сравнительный анализ систем общего образования в зарубежных странах: обобщение опыта изучения 97

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Ованесян С. Г.* Страницы дружбы Сергея Городецкого с семьей Ованеса Туманяна (на материале документов Ереванского Музея литературы и искусства им. Е. Чаренца и семейного архива Нвард Туманян) **124**
- Ватлин А. Ю.* Конфликты и компромиссы: заключение советско-германского соглашения об обмене военнопленных 24 июня 1918 г. Документальный очерк **155**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Зябликов А. В.* Юбилейные Зиновьевские чтения в Костроме: итоги и впечатления **179**
- Поздравление члену международной редакционной коллегии журнала «Интеллигенция и мир» Зориславу Паунковичу **193**
- Информация для авторов* **194**

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Klimovich L. V., Galkina E. P.* The role of teaching
the humanitarian discipline “History” in the formation
of the historical memory of young people
(based on the materials of a sociological study in Ulyanovsk) 9

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Kiryukhin D. V., Kiryukhina E. M.* Creativity of the court
artists in the context of the formation and development
of the cultural and intellectual community in the period
of the Tudor dynasty 28
- Magadeev I. E.* “Intellectual demobilisation”
in the Franco-German relations of the 1920s:
phases, instruments and results 52

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Davydenko M. V., Cherednikova A. Yu.* The problem
of artistry in philosophical and aesthetic views
P. A. Florensky 79

DEBUT

- Zaznobina P. A.* Comparative analysis of general education
systems in foreign countries: synthesis of study experience 97

FROM ARCHIVAL FUNDS

- Hovhannisyan S. G.* Pages of friendship of Sergey Gorodetskii with Hovhannes Tumanyan's family (based on the documents of the Yerevan Museum of Literature and Art named after Y. Charents and the family archive of Nvard Tumanyan) 124
- Vatlin A. Yu.* Conflicts and compromises: signing of the Soviet-German agreement about exchange of prisoners of war 24-th June, 1918. Documents and comments 155

SCIENTIFIC LIFE

- Zyablikov A. V.* Anniversary Zinoviev Readings in Kostroma: results and impressions 179
- Congratulations to Zorislav Paunkovich, member of the International Editorial Board of the "Intelligentsia and the World" magazine 193
- Information for authors* 194

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ**
**URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY
INTELLIGENTSIA STUDIES**

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 9—27.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 9—27.

Научная статья

УДК 372.893

DOI: 10.46725/IW.2023.1.1

**РОЛЬ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ» В ФОРМИРОВАНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ
(по материалам социологического исследования
в г. Ульяновске)**

Людмила Валерьевна Климович¹,

Елена Петровна Галкина²

¹ Ульяновский государственный педагогический университет имени
И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия,
lusek84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

² Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия,
pyh2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6283-6653>

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования исторической памяти в молодежной среде. Актуальность исследования обусловлена выявлением факторов, влияющих на воспитание патриотических ценностей у молодого поколения. Ведущим методом в исследовании данной проблемы являлся метод анкетирования, который позволил выявить уровень интереса к изучению истории у студентов города Ульяновска и факторы, содействующие формированию патриотических ценностей и положительного отношения к историческому прошлому родного края и страны. Выборка исследования включала 400 респондентов от 18 до 23 лет,

обучающихся в вузах города Ульяновска. В статье показано, что более половины опрошенных проявляют интерес к изучению истории и считают, что знание и понимание исторических процессов прошлого необходимо для анализа ситуации в настоящем. Большинство студентов сошлись во мнении, что наибольшее влияние на формирование взглядов на российскую историю оказывают учителя и преподаватели. При этом отмечалось, что опрошенные хотят участвовать в живых дискуссиях и обсуждениях. Все это требует высокого профессионализма от преподавателей истории, которые активно влияют на мировоззрение современных студентов.

Ключевые слова: история России, историческая память, патриотизм, молодежь, студенты, социологическое исследование, преподаватели

Для цитирования: Климович Л. В., Галкина Е. П. Роль преподавания гуманитарной дисциплины «История» в формировании исторической памяти молодежи (по материалам социологического исследования в г. Ульяновске) // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 9—27.

Original article

THE ROLE OF TEACHING THE HUMANITARIAN DISCIPLINE “HISTORY” IN THE FORMATION OF THE HISTORICAL MEMORY OF YOUNG PEOPLE (based on the materials of a sociological study in Ulyanovsk)

***Liudmila V. Klimovich*¹,
*Elena P. Galkina*²**

¹ Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russia, lusek84@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

² Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia,
pyh2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6283-6653>

Abstract. The article deals with the problem of the formation of historical memory in the youth environment. The relevance of the study is due to the identification of factors affecting the upbringing of patriotic values among the younger generation. The leading method in the study of this problem was the questionnaire method, which revealed the level of interest in the study of history among the students of the city of Ulyanovsk

and the factors contributing to the formation of patriotic values and a positive attitude to the historical past of the native land and the country. The sample of the study included 400 respondents from 18 to 23 years old studying at universities in the city of Ulyanovsk. The article shows that more than half of the respondents are interested in studying history and believe that knowledge and understanding of historical processes of the past is necessary to analyze the situation in the present. The majority of students agreed that teachers and university professors have the greatest influence on the formation of views on Russian history. At the same time, it was noted that the respondents want to participate in live discussions and debates. All this requires high professionalism from history teachers who actively influence the worldview of modern students.

Keywords: history of Russia, historical memory, patriotism, youth, students, sociological research, teachers

For citation: Klimovich, L. V., Galkina, E. P. (2023), 'The role of teaching the humanitarian discipline "History" in the formation of the historical memory of young people (based on the materials of a sociological study in Ulyanovsk)', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 9—27 (in Russ.).

Введение

Актуальность. История как общеобразовательная гуманитарная дисциплина преподается во всех высших учебных заведениях для всех направлений подготовки именно потому, что история занимает особое место в формировании личности специалиста. Курс истории является важным звеном гуманитарной составляющей обучения всех специальностей, так как направлен на формирование исторического сознания и способствует осмыслению происходящих событий и процессов.

Понимание общности исторического прошлого необходимо для становления гражданской и национальной идентичности многонационального народа России. В деле преподавания истории в вузах страны накоплен большой опыт, изданы десятки учебников, реализуются различные подходы в отношении географических и хронологических рамок.

В последнее время все чаще на государственном уровне поднимается вопрос о необходимости увеличения количества часов в вузах на изучение «Истории России» [Минобрнауки предложило ввести общий формат изучения истории в вузах].

Действительно, от объема часов аудиторной подготовки и качества преподавания зависит не только знание исторических фактов и событий, но и умение молодежи выявлять причинно-следственные связи, прогнозировать развитие исторических событий, искать закономерности [Минобрнауки намерено ввести общий для вузов формат изучения дисциплины «История России»]. В этой связи разработан и проходит обсуждение проект «Концепции исторического образования», основная цель которой «воплощение идей гражданственности, патриотизма и общероссийского единства» [Проект «Концепция...»].

Особая роль в процессе образования принадлежит педагогам, задача которых, «оставаясь на позициях объективности и историзма, отмечать по преимуществу созидательный характер деятельности Российского государства и населяющих его народов по хозяйственному освоению обширных территорий, достижений в сфере культуры и науки» [Проект «Концепция...»].

Концепция исторического образования предполагает увеличение объема часов на предмет, что позволит четко и глубоко «отражать совокупность наиболее важных проблем, их причин и сущности, путей и способов разрешения, исторического значения» [Проект «Концепция...»].

Все это должно способствовать формированию исторической памяти у молодежи. В настоящее время проводится много социологических исследований, посвященных этой теме. В них подчеркиваются проблемы качества исторических знаний у молодежи, сложности формирования патриотизма, осознания многогранности исторического процесса [Широкалова, 2020: 28—37; Артемьева, 2020; Сорокина, 2020: 144—152.; Лебедев, Шаповалова, Рошупкина, Шкапенко, 2020: 3—18].

В связи с этим интерес представляет современное отношение студентов к преподаванию истории, к наполняемости курса и в целом потребности в исторических знаниях. Очевидно, что в региональном измерении отношение студентов к обучению истории имеет различия.

Постановка вопроса. В настоящей статье предпринята попытка провести анализ результатов исследования состояния исторической памяти и отношения к истории студентов, обучающихся в вузах г. Ульяновска.

Методология и методы исследования

С января по июнь 2022 г. в рамках реализации социального проекта «Трудовой подвиг ульяновцев в годы Великой Отечественной войны: связь времен и поколений»¹ было проведено авторское социологическое исследование «Историческая память молодежи: отношение к изучению истории, пониманию проблем исторического прошлого и настоящего (на примере студенческой молодежи города Ульяновска)». Эмпирической базой исследования выступили результаты массового анкетного опроса среди студентов города Ульяновска в возрасте от 18 до 23 лет (n=400 человек, выборка квотная).

Из опроса намеренно были исключены студенты, обучающиеся по программе «История» (Ульяновский государственный университет), программе «История. Обществознание» (Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова).

В ходе исследования были поставлены задачи: определить уровень интереса к изучению истории своей страны и выделить факторы, содействующие формированию патриотических ценностей и положительного отношения к историческому прошлому родного края у студенческой молодежи города Ульяновска в возрасте от 18 до 23 лет.

Одним из ключевых понятий в исследовании являлось понятие «историческая память», трактовки которого у исследователей различны. Некоторые ученые рассматривают это понятие

---

¹ Проект реализуется Ульяновской региональной ассоциацией молодежных общественных объединений «АсМО» при поддержке Правительства Ульяновской области социально-ориентированных некоммерческих организаций в 2022 г.

В опросе приняли участие студенты вузов: Ульяновский государственный университет (УлГУ), Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (УлГПУ), Ульяновский государственный технический университет (УлГТУ), Ульяновский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина (УлГАУ), Ульяновский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ул. фил. РАНХиГС)

в междисциплинарном аспекте. По мнению Л. П. Репиной, понятия «память» и «история» не тождественны. Необходимо также учитывать индивидуальный и коллективный уровни формирования и восприятия «образов прошлого» [Репина, 2016: 82—99]. Исследователь Т. И. Снегирева анализирует историческую память как элемент коллективного сознания народа [Снегирева, 2000: 48—54].

Учеными подчеркивается важное место средств массовой информации и системы образования в процессе создания целостного исторического сознания у молодого поколения [Соснин, 2009: 102—105]. Здесь огромную роль играют историки, которые выстраивают объективную картину исторической реальности и транслируют ее в общество.

Основная часть

Результаты исследования

Анализ полученных данных массового опроса показал степень интереса студентов к дисциплине «История», качеству ее преподавания. Общий вопрос «Как Вы считаете, в какой степени важно изучать, знать и понимать историю?» был призван продемонстрировать в целом ответственное отношение к прошлому, осознание необходимости его изучения, принятия событий прошлого как негативных, так и позитивных. Именно осознанное отношение к прошлому формирует историческую память человека и способствует появлению связи конкретного индивида с народом и страной, в которой он живет. Показательно, что ответы на этот вопрос разделились практически пополам: более 50 % респондентов выбрали вариант «Всем надо развивать эрудицию в этой области и уметь разбираться в исторических процессах и событиях». На втором месте оказался вариант: «Обычным гражданам достаточно общих исторических сведений, которые дает школа» (40 %).

Следует отметить, что, чем выше уровень получаемого образования, тем более ответственно подходят респонденты к вопросу о важности исторических знаний. Так, 16,7 % магистров отметили, что изучать, знать и понимать историю должны историки (бакалавры — 3,7 %, специалитет — 8 %), 66,6 % ответивших магистров считают, что всем надо развивать эрудицию в области исторических знаний (бакалавры — 50,4 %, специалитет — 54, 8%).

Большое значение для складывания положительного отношения к своей стране и любви к своей родине имеет уровень интереса к ее истории, ответственности и сопричастности за ее судьбу.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«А насколько Вас лично интересует история Вашей страны?»
(в % от условий; n=400)**

№	Варианты ответов	Количество выборов, %	Ваш пол	
			мужской	женский
1.	Очень интересует	25,1	33,6	19,6
2.	Интересует, но не очень сильно	57,9	48,3	63,8
3.	Для меня это не представляет интереса, думаю о сегодняшнем дне	14,5	14,1	15,0
4.	Меня это совершен- но не интересует	2,5	4	1,6
5.	Итого	100	100	100

Результаты исследования демонстрируют, что очень интересуется историей своей страны четверть опрошенных (25,1 %); не очень сильно интересуются 57,9 %; совершенно не интересуют около 2,5 % опрошенных. Каждого третьего из числа опрошенных мужчин очень интересует история, в то время как лишь только для 1/5 девушек история представляет сильный интерес (см. табл. 1). Таким образом, наблюдаются гендерные различия в проявлении интереса к истории.

В целом интерес к событиям прошлого у студентов достаточно высокий и у большинства респондентов этот интерес зародился еще в школе (в 5—11 классах). Кроме истории родной страны, студентов интересует история Америки, Китая, Великобритании, Германии, Испании и других стран Европы и Азии. Опрос не предполагал дальнейших вопросов по истории других стран, поэтому остается неясным, реализуется ли интерес к истории зарубежных стран в конкретные действия (чтение исторической литературы, просмотр документальных фильмов) или же ограничивается просмотром новостей.

Основные исторические знания закладываются в рамках школьной программы, университетский предмет «История России» для студентов неисторических специальностей предполагает краткое повторение всего курса истории России чаще всего за один семестр. Поэтому объективно стоит признать, что самооценка современных знаний по истории студентами приводится по курсу школьной программы, с кратким повторением в университете. Около 63,4 % респондентов считают, что историю «знают на среднем уровне, но хуже товарищей по учебе». Лишь 12,1 % опрошенных «знают больше, чем дали в школе, вузе». То есть целенаправленно повышает свой уровень знаний по истории лишь небольшая часть студентов, остальным достаточно того, что им дала система среднего и высшего профессионального образования.

Мужчины-студенты выше среднего оценивают свой уровень знаний по истории, чем женщины-студенты (20 % против 7 %). Девушки же чаще считают, что их знания скудные и недостаточны (22 % против 14 % ответов мужчин). Однако в любом случае оба пола больше всего отметили, что их уровень знаний по истории находится на среднем уровне (60 % мужчин и 65 % женщин).

Как отмечалось выше, большинству опрошенных студентов достаточно тех знаний, которые они получают в системе среднего и высшего профессионального образования. В такой ситуации актуальным становится вопрос о качестве преподавания. На вопрос «Как Вы оцениваете преподавание в школе?» 61 % респондентов ответили, что в школе историю преподают на отлично и хорошо; 24 % оценивают преподавание на удовлетворительно. При сравнении оценки преподавания истории в школе и вузе выяснилось, что преподавание истории в вузе на отлично и хорошо оценили 67 %, что на 6 % больше, чем аналогичная оценка преподавания в школе; а преподавание истории на удовлетворительном уровне в вузе на 4 % меньше. Таким образом, студенты субъективно считают, что в вузе историю преподают лучше. Это утверждение стоит воспринимать критично, так как студенты сейчас учатся в университете, который для них является следующей более высокой ступенью образования, чем школа, поэтому, возможно, они и предполагают, что и преподают в вузе лучше. Второй фактор, повлиявший на результаты ответов студентов, сам факт настоящего обучения и недавнего прохождения курса

истории, тем более что он в обязательном порядке завершается зачетом или экзаменом. Исходя из этих обстоятельств, мы не можем однозначно утверждать, что в университете студенты получили больше знаний по истории, чем в школе.

Во всех вузах Ульяновска преподавание истории ведут квалифицированные историки, кандидаты и доктора наук, но при этом оценка качества преподавания по вузам различается. В вузе преподавание истории оценили отметкой «отлично» больше всего студенты УлГТУ (Ульяновского государственного технического университета) (42,9 %), меньше всего — студенты УлГУ (Ульяновского государственного университета) (16,3 %). Оценивают на хорошо обучение по данному предмету больше всего студенты УлГПУ (Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова) (46,7 %). При этом оценку «плохо» не поставили студенты Ульяновского филиала РАНХиГС (Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), а «очень плохо» — студенты УлГАУ (Ульяновский государственный аграрный университет) (см. табл. 2). Таким образом, отмечается, что не во всех вузах города Ульяновска, по мнению респондентов, преподавание истории заслуживает высоких оценок.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы оцениваете преподавание истории в вузе?»
(в % от условий; n=400)**

	Варианты ответов	Учебное заведение					
		УлГПУ	УлГУ	УиГА	Ул. фил. РАНХиГС	УлГТУ	УлГАУ
1.	Отлично	35	16,3	38,9	25	42,9	30,6
2.	Хорошо	46,7	32,5	27,8	25	35,2	45,8
3.	Удовлетворительно	13,3	32,5	27,8	37,5	12,1	12,5
4.	Плохо	1,7	12,2	5,5	0	6,6	4,2
5.	Очень плохо	3,3	6,5	0	12,5	3,2	6,9
6.	Итого	100	100	100	100	100	100

Один из главных вопросов — это содержание программы обучения. Так, более половины опрошенных студентов отметили,

что их вполне устраивает программа по истории, которую изучают в вузе (54,3 %). 12,3 % считают, что программа в целом удовлетворительна, но ее надо несколько расширить. 10,3 % респондентов считают, что существующую программу можно взять за основу, добавив спецкурс по выбору. 5,8 % студентов предлагают сократить аудиторные часы истории и перейти на дистанционное преподавание этого предмета. Еще 8 % полагают, что историю в неисторических вузах можно совсем отменить.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Что Вы можете сказать по поводу программы по истории,
которую Вы изучаете в вузе?» (в % от условий; n=400)**

	Варианты ответов	Учебное заведение					
		УлГПУ	УлГУ	УиГА	Ул. фил. РАНХиГС	УлГТУ	УлГАУ
1.	Она меня вполне устраивает	80	41,9	50	56,3	57,6	51,4
2.	Программа в целом удовлетворительная, но ее надо несколько расширить	8,3	16,9	19,4	6,3	6,5	12,5
3.	Существующую программу можно взять за основу, добавив спецкурс	6,7	11,3	8,3	12,5	10,9	11,1
4.	Надо сократить аудиторные часы истории и перейти на дистанционное обучение	0	6,5	8,3	18,8	6,5	4,2
5.	По-моему, историю в неисторических вузах можно совсем отменить	1,7	7,3	11,1	6,1	14,1	5,5
6.	Затрудняюсь ответить	3,3	16,1	2,9	0	4,4	15,3
7.	Итого	100	100	100	100	100	100

Студенты УлГПУ более других удовлетворены программой в целом — за этот ответ проголосовали 80 % опрошенных данного вуза. Студенты УиГА чаще отмечали, что следует расширить программу преподавания истории (за этот ответ проголосовали 19,4 %). При этом студенты Ульяновского филиала РАНХиГС больше всех считают, что следует наоборот сократить аудиторные часы истории и перейти на дистанционное образование (18,8 %) (см. табл. 3).

Показательно, что студенты Ульяновского филиала РАНХиГС низко оценивают качество преподавания истории, и они же высказываются за возможность дистанционного обучения, что еще раз подтверждает необходимость усиления роли педагога, необходимость повышения качества преподавания для появления интереса к изучению истории и, как следствие, стремления получать дополнительные знания вне рамок образовательной программы.

Респонденты выделили наиболее эффективные формы учебной работы: живое обсуждение и дискуссии (60,6 %), лекции (56 %). Меньше всего они выделили работу с электронными пособиями (9,8 %). Стоит отметить, что дистанционный формат обучения, связанный с ограничениями из-за коронавируса, внес в обучение большой объем работы именно с электронными источниками информации. Но, как показывают результаты опроса, такой формат поддерживают менее 10 % обучающихся (см. табл. 4). Мужчины больше, чем женщины, предпочитают самостоятельное изучение отдельных вопросов (27,7 % и 18,7 % соответственно).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос: «Какие формы учебной работы в наибольшей степени удовлетворяют Ваши познавательные интересы в вопросах по предмету «История»»
(в % от условий; n=400)**

	Варианты ответов	Количество выборов, %
1.	Живое обсуждение, дискуссии	60,6
2.	Лекции	56
3.	Семинарские занятия	29,6
4.	Самостоятельное изучение отдельных вопросов	22,1
5.	Работа с электронными пособиями	9,8
6.	Другие	2,3

* Сумма ответов больше 100 %, так как возможно несколько вариантов ответов.

Какие источники используют студенты для получения дополнительных знаний по истории или уточнения тех или иных исторических фактов — ответ на этот вопрос демонстрирует стремление молодежи расширять свой кругозор, увидеть дополнительные исторические факты, суждения, необходимые для построения объективного мнения об исторической ситуации.

Студенты ульяновских вузов чаще всего пополняют свои знания по истории с помощью документальных (46,8 %) и художественных (40,3 %) фильмов на исторические темы, а также читают учебники по истории (39,3 %). 1/4 ответивших читают популярную литературу, 1/5 — биографии исторических деятелей. Скорее всего, ответ «чтение учебника» предполагал подготовку к сдаче зачета или экзамена. Можно сказать, что современные студенты предпочитают видеоформат получения исторической информации.

В ответах на вопрос об интересе опрошенных студентов к истории проявляется гендерный аспект. Так, лица женского пола в большей степени, чем лица мужского пола, смотрят художественные фильмы на историческую тематику (44,4 % и 36,5 % соответственно) и читают учебники (32,8 % и 24,8 % соответственно). В свою очередь, опрошенные мужчины предпочитают читать специальную литературу практически в два раза чаще, чем женщины (25,5 % и 14,5 % соответственно). С чем это связано, остается неясным, возможно, в силу психологических особенностей мужчины склонны искать дополнительные источники информации, из которых им легче получить необходимые знания. А также это можно объяснить тем, что они серьезнее интересуются историей, а некоторые вопросы еще не реализованы в визуальной форме (см. табл. 5).

Несмотря на привлечение дополнительных источников к пополнению своих исторических знаний, большинство студентов сошлись во мнении, что наибольшее влияние на формирование взглядов на российскую историю оказывают учителя и преподаватели, так ответили 52,9 % респондентов. Именно на преподавателя накладывается ответственность за формирование позитивного отношения к истории своей страны, положительного отношения к ее прошлому, принятию всех событий и ответственности за ее будущее.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы пополняете свои знания по истории?»
(в % от условий; n=400)**

	Варианты ответов	Ваш пол	
		мужской	женский
1.	По возможности смотрю документальные фильмы	49	46,1
2.	Смотрю художественные фильмы на исторические темы	35,6	44,4
3.	Читаю дополнительно популярную литературу и историческую публицистику	29,5	23,2
4.	Иногда читаю специальные работы по вопросам истории	25,5	14,5
5.	Читаю учебник	24,8	32,8
6.	Специально никак не пополняю	14,8	17,4
7.	Читаю книги, статьи с позиций альтернативной истории	12,8	12,9
8.	Читаю исторические романы	8,1	12,4
9.	Читаю мемуары, биографии исторических деятелей	8,1	8,3
10.	Участвую в НИР (клубы исторической реконструкции)	0,7	2,1

* Сумма ответов больше 100 %, так как возможно несколько вариантов ответов

Немалую роль в этом процессе, по мнению опрошенных студентов, играют исторические фильмы — 38,1 %, затем учебная литература — 34,8 %. По мнению 28,1 % респондентов, наибольшее влияние оказывают СМИ. Также 22,8 % опрошенных считают, что больше всего их взгляды формируются благодаря самостоятельному чтению научной литературы. Примерно одинаковое влияние оказывают друзья и знакомые — 15,9 %, исторические рассказы и повести — 14,1 %, беседы с членами семьи — 14,8 %. Наименьшее влияние на формирование взглядов оказывают мнения, высказываемые известными людьми, а также чтение мемуаров, выступления (высказывания) государственных деятелей (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Кто оказал или оказывает наибольшее влияние на формирование Ваших взглядов на российскую историю?» (в % от условий; n=400)

	Варианты ответов	Количество выборов, %
1.	Учителя, преподаватели	52,9
2.	Исторические фильмы	38,1
3.	Учебная литература	34,8
4.	СМИ	28,1
5.	Самостоятельное чтение научной литературы	22,8
6.	Посещение музеев, памятных мест	16,1
7.	Друзья, знакомые	15,9
8.	Беседы с членами моей семьи	14,8
9.	Исторические повести и рассказы	14,1
10.	Вся окружающая обстановка	10
11.	Личный жизненный опыт	9,5
12.	Публицистика и другие произведения	6,4
13.	Зарубежные источники (включая Украину, Белоруссию и др.)	3,1
14.	Выступления (высказывания) государственных деятелей России	2,3
15.	Чтение мемуаров	1,8
16.	Мнения, высказываемые известными людьми	1,8

* Сумма ответов больше 100 %, так как возможно несколько вариантов ответов

Как демонстрируют результаты опроса, около 1/3 респондентов получают знания по истории из учебной литературы. В настоящее время существует большое количество учебников по «Истории России», и не всегда студент может сориентироваться в значительном, зачастую противоречивом, потоке информации. Здесь встает вопрос о необходимости существования единого учебника российской истории. Дискуссии по этой теме уже несколько лет идут как в научном, так и общественно-политическом сообществе.

Половина респондентов (48,2 %) ответили, что в целом необходим единый российский учебник истории, но лишь в качестве некоего общего ориентира, наряду с которым могут использоваться и другие учебники, лишь бы они концептуально не противоречили основному. Считают, что единый учебник российской истории,

несомненно, должен существовать 23,1 % респондентов. В свою очередь, 20,4 % опрошенных высказались за существование разных учебников и выраженных в них концепций (см. табл. 7).

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос: «Должен ли, с Вашей точки зрения, существовать единый учебник российской истории?»
(в % от условий; n=400)**

	Варианты ответов	Количество выборов, %
1.	Несомненно, должен	23,1
2.	В целом, да — но в качестве общего ориентира при использовании	48,2
3.	Могут существовать разные учебники и выраженные в них концепции	20,4
4.	Затрудняюсь ответить	8,3
5.	Итого	100

Программа обучения отечественной истории направлена на складывание ясной картины развития российского государства, общества, появление причастности и соучастия в судьбе народа и страны. Поэтому ответы на вопрос о наличии представления об историческом пути России позволяет сделать вывод о сформированности исторической памяти и общем уровне исторического сознания студенческой молодежи.

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы утверждать, что у Вас есть достаточно ясное представление об историческом пути России?»
(в % от условий; n=400)**

	Варианты ответов	Количество выборов, %
1.	Да	11,5
2.	Скорее да, чем нет	46,8
3.	Скорее нет, чем да	29,9
4.	Нет	5,3
5.	Затрудняюсь ответить	6,5
6.	Итого	100

Большинство респондентов считают, что они скорее имеют ясное представление об историческом пути России — это 46,8 % из всех ответивших. Это достаточно высокий процент, так как стойкий интерес проявляют примерно 1/4 опрошенных, и больше половины интересуются историей своей страны. При этом 29,9 % респондентов скорее не имеют ясного представления об историческом пути. Однозначно «Да» ответили 11,5 % респондентов, а тех, кто не имеет достаточно ясного представления, наименьшее число — 5,3 % (см. табл. 8).

Заключение

Результаты исследования продемонстрировали, что более половины опрошенных студентов проявляют интерес к изучению истории и считают, что знание и понимание исторических процессов прошлого необходимо для анализа ситуации в настоящем. Большинство респондентов оценивают свой личный уровень исторических знаний как средний. Можно сказать, что потребность в знаниях истории у студентов достаточно высокая, они осознают их значимость для личности. Анализ ответов на вопросы о качестве преподавания в школах и вузах, а также о наполняемости учебной дисциплины «История России» подтвердили ее значительную роль в становлении мировоззрения подрастающего поколения, в формировании исторической памяти и позитивного отношения к истории родной страны и края.

Основными источниками информации по истории для респондентов являются документальные и художественные фильмы на исторические темы, а также чтение учебников по истории. Кроме того, студенты отмечали, что наибольшее влияние на формирование взглядов на российскую историю оказывают преподаватели, так ответили 52,9 % респондентов, и семейное окружение (30,7 %). При этом важно, что опрошенные хотят участвовать в живых дискуссиях и обсуждениях на исторические темы. Все это требует высокого профессионализма от преподавателей истории, которые активно влияют на мировоззрение современных студентов.

Респонденты также указали на необходимость единого российского учебника истории, но лишь в качестве некоего общего ориентира.

Историческая память граждан состоит из образов прошлого, знаний, традиций, ценностей. Все эти элементы в основном закладываются как семьей, так и институтом образования. Поэтому педагоги своей деятельностью расставляют акценты в формировании образов прошлого, поддержании традиций и формировании ценностных установок у современной молодежи. Это подтверждают ответы респондентов. Например, опрошенные в основном называли литературные произведения на исторические темы, которые проходят в школе, фильмы и сериалы, которые идут в кинотеатрах или на экране телевизора.

Таким образом, даже при влиянии СМИ главная роль в формировании исторической памяти у современной молодежи принадлежит педагогам по истории.

Список источников

- Артемьева Е. С.* Сохранение исторической памяти как актуальная проблема подрастающего поколения // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 106—110. URL: https://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2017/2_34/23.pdf (дата обращения: 23.11.2022).
- Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рощупкина Н. А., Шкапенко А. А.* Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 2. С. 3—18. doi: 10.18413/2408-9338-2020-6- 2-0-1.
- Минобрнауки предложило ввести общий формат изучения истории в вузах. URL: <https://rg.ru/2022/05/24/obshchij-format-izuchenii-istorii-v-vuzah-predlagaet-vvesti-minobrnauki.html> (дата обращения: 15.07.2022).
- Минобрнауки намерено ввести общий для вузов формат изучения дисциплины «История России». URL: https://tass.ru/obschestvo/14707717?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 15.07.2022).
- Проект «Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования». URL: https://historyrussia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_Of_Russia.pdf (дата обращения: 04.11.2022).

- Ретина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1. С. 82—99.
- Сорокина Н. Д. Историческая память современных студентов. Что происходит? // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 144—152. doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-144-152.
- Снегирева Т. И. Сохраним памятники, сохраним историческую память // Россия и современный мир. 2000. № 1. С. 48—54.
- Соснин В. А. Роль средств массовой информации и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 102—105.
- Широкалова Г. С. Историческая память молодежи: село vs город // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 28—37. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250010005-8-1> (дата обращения: 23.11.2022). doi: 10.31857/S013216250010005-8.

References

- Artemyeva, E. S. (2017), ‘Preservation of historical memory as an actual problem of the younger generation’, *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University], no 2: 106—110, available at: https://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2017/2_34/23.pdf (Accessed 23.11.2022).
- Lebedev, S. D., Shapovalova, I. S., Roshchupkina, N. A. and Shkapenko, A. A. (2020), ‘Social trauma and values of generations: The Great Patriotic War in the historical memory of students’, *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and Management], vol. 6, no 2: 3—18, doi: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1.
- Minobrnauki predlozhilo vvesti obshchii format izucheniia istorii v vuzakh* [The Ministry of Education proposed to introduce a common format for the study of history in universities], available at: <https://rg.ru/2022/05/24/obshchij-format-izucheniia-istorii-v-vuzah-predlagaet-vvesti-minobrnauki.html> (Accessed 15.07.2022).
- Minobrnauki namereno vvesti obshchii dlia vuzov format izucheniia distsipliny «Istoriia Rossii»* [The Ministry of Education and Science intends to introduce a common format for universities to study the discipline “History of Russia”], available at: https://tass.ru/obschestvo/14707717?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (Accessed 15.07.2022)

- Proekt "Kontseptsiiya prepodavaniia istorii Rossii dlia neistoricheskikh spetsial'nostei i napravlenii podgotovki, realizuemykh v obrazovatel'nykh organizatsiiaakh vysshego obrazovaniia"* [The project "The concept of teaching the history of Russia for non-historical specialties and areas of training implemented in educational institutions of higher education"], available at: https://historyrussia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_Of_Russia.pdf (Accessed 04.11.2022).
- Repina, L. P. (2016), 'Events and Images of the Past in Historical and Cultural Memory', *Novoe proshloe* [The New Past], no. 1: 82—99.
- Shirokalova, G. S. (2020), 'Historical memory of youth: village vs city', *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], no. 9: 28—37, available at: <http://ras.jes.su/socis/s013216250010005-8-1> (Accessed 23.11.2022). doi: 10.31857/S013216250010005-8.
- Snegireva, T. I. (2000), 'Preserve monuments, preserve historical memory', *Rossii i sovremennyi mir* [Russia and the modern world], no. 1: 48—54.
- Sorokina, N. D. (2020), 'Historical memory of modern students. What's happening?', *Vysseee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], vol. 29, no. 10: 144—152. doi:10.31992/0869-3617-2020-29-10-144-152.
- Sosnin, V. A. (2009), 'The role of the media and the education system in the upbringing of historical memory in modern Russia', *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], vol. 30, no. 4: 102—105.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 29.12.2022.

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 29.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Л. В. Климович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия.

Е. П. Галкина — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия.

L. V. Klimovich — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

E. P. Galkina — Candidate of Science (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 28—51.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 28—51.

Научная статья

УДК 94(410).05

DOI: 10.46725/IW.2023.1.2

ПРИДВОРНЫЕ ХУДОЖНИКИ ДИНАСТИИ ТЮДОРОВ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Дмитрий Вячеславович Кирюхин¹,
Елена Михайловна Кирюхина²

^{1,2} Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия,
Нижний Новгород, Россия

¹ bagerlock@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6585-497X>

² elenakiruhina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0498-6842>

Аннотация. Статья посвящена проблеме анализа творчества английских и иностранных придворных художников в контексте становления и динамики развития культурно-интеллектуального сообщества в эпоху правления династии Тюдоров. Авторы обращаются не только к известным художникам, но и к ряду оригинальных мастеров, знакомых узкому кругу зарубежных и отечественных исследователей. Новизна статьи обуславливается не только введением в научный оборот этих персоналий, но и подходом к анализу материала: помимо обращения к художественным особенностям творчества, авторов интересует также круг занятий рассматриваемых мастеров, их материальное положение, степень близости ко двору и ее причины. Цель работы: выяснить, насколько результаты их творчества способствовали возникновению и развитию уникального микроклимата существования культурно-интеллектуального сообщества

© Кирюхин Д. В., Кирюхина Е. М., 2023

при дворе монархов из династии Тюдоров. Использовались следующие методы: проблемный, сравнительно-сопоставительный, ретроспективно-перспективного анализа, а также культурно-исторический и иконографический методы искусствоведения. Авторы приходят к выводу, что английский королевский двор в рассматриваемый период привлекал на службу не только англичан, но и художников-иностранцев, многие из которых проявили себя одновременно в разных сферах деятельности: как портретисты, миниатюристы, архитекторы и инженеры. Особенности участия королевских особ в развитии придворной культуры, в степени и формах взаимодействия с придворными мастерами были разнообразными. Таким образом, творчество рассмотренных мастеров способствовало становлению и развитию культурно-интеллектуального сообщества данной исторической эпохи и демонстрировало потенциал их влияния на развитие придворного английского искусства в последующее время.

Ключевые слова: Тюдоровская эпоха, Генрих VII, Генрих VIII, Елизавета I, английские придворные художники, придворные художники-иностранцы

Для цитирования: Кирюхин Д. В., Кирюхина Е. М. Придворные художники династии Тюдоров в контексте становления культурно-интеллектуального сообщества // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 28—51.

Original article

CREATIVITY OF THE COURT ARTISTS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CULTURAL AND INTELLECTUAL COMMUNITY IN THE PERIOD OF THE TUDOR DYNASTY

Dmitriy V. Kiryukhin¹, Elena M. Kiryukhina²

^{1,2}Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia

¹bagerlock@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6585-497X>

²elenakiruhina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0498-6842>

Abstract. The article is devoted to the problem of analyzing the work of English and foreign court artists in the context of the formation and development dynamics of the cultural and intellectual community in the era of the Tudor dynasty. The authors refer not only to well-known artists, but also

to a number of original masters familiar to a narrow circle of foreign and domestic researchers. The novelty of the article is determined not only by the introduction of these personalities into scientific circulation, but also by the approach to the analysis of the material: in addition to referring to the artistic features of creativity, the authors are interested in the range of occupations of these masters, their financial situation, the degree of proximity to the court and its reasons. The purpose of the work is: to find out to what extent the results of their work contributed to the emergence and development of a unique microclimate, necessary for the existence of a cultural and intellectual community at the court of the Tudor monarchs. The following methods were used: problematic, comparative-collation, retrospective-perspective analysis, as well as cultural-historical and iconographic methods of art criticism. The authors come to the conclusion that the English royal court in the period under review attracted not only British, but also foreign artists, many of them showed themselves simultaneously in different fields of activity: as portrait painters, miniaturists, architects and engineers. The features of the participation of royal persons in the development of court culture, in the degree and forms of interaction with court masters, were varied. Thus, undoubtedly, the work of the considered masters contributed to the formation and development of the cultural and intellectual community of this historical era and demonstrated the potential of influencing the development of English court art in subsequent times.

Keywords: Tudor era, Henry VII, Henry VIII, Elizabeth I, English court painters, foreign court painters

For citation: Kiryukhin, D. V., Kiryukhina, E. M. (2023), 'Creativity of the court artists in the context of the formation and development of the cultural and intellectual community in the period of the Tudor dynasty', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 28—51 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Проблема становления и развития культурно-интеллектуального сообщества периода династии Тюдоров представляется весьма актуальной в настоящее время. При этом особую роль в этом процессе сыграло творчество придворных художников. Генрих VII (1457—1509), основатель новой династии Тюдоров, чье правление интерпретировалось придворными авторами как начало стабильности и процветания Англии, несомненно, нуждался в репрезентации собственной королевской власти. Понимая это, монарх поддерживал и развивал придворное искусство. Придворные

художники активно создавали прижизненные портреты короля, постепенно добавляя новые атрибуты власти и детали, которые должны были подчеркнуть его благородство, рыцарские качества, сакральную ценность королевской власти, а также преемственность этих традиций его сыном Генрихом VIII (1491—1547), чей королевский двор пополнился новыми талантливыми придворными художниками. Эта традиция успешно развивалась и дочерью Генриха VIII — королевой Елизаветой I (1533—1603).

Обращаясь к периоду правления династии Тюдоров, нельзя не отметить, что придворная живопись существовала и до воцарения Генриха VII, однако затянувшаяся гражданская война в Англии, именуемая в отечественной историографии войной Алой и Белой розы [Браун, 2010: 243—257], отнюдь не способствовала развитию культуры при королевском дворе. Но если говорить о непосредственных предшественниках Тюдоров, то представители династии Ланкастеров и Йорков имели тесные связи с Бургундским двором, одним из наиболее развитых на тот момент в Европе [Хачатурян, 2020: 1]. В настоящее время в Национальной галерее Лондона хранятся портреты английских дипломатов, написанные лучшими представителями ранней нидерландской живописи. Это портрет Эдварда Гримстона (ум. 1478), посла Генриха VI (1421—1471) при дворе герцога Бургундского Филиппа Доброго, выполненный Кристусом Петрусом (1410 / 1420—1475 / 1476) в 1446 г. во время путешествия Э. Гримстона по Кале и Брюсселю [Крылова, 2019: 40—52; Забродина, 2020: 21—32]; и триптих, заказанный в 1470-х гг. сэром Джоном Донном (ок. 1420-х — 1503) у Ганса Мемлинга (ок. 1430—1494), на котором изображены портреты как заказчика, так и членов его семьи — жены Елизаветы и дочери [Vorchert, 2005]. Кроме того, портретные изображения Джона Донна встречаются и на миниатюрах трех иллюминированных манускриптов [McKendrick, Lowden and Doyle, 2011].

Большинство авторов как британской, так и отечественной историографии единогласно связывают эпоху правления династии Тюдоров со временем небывалого расцвета придворной культуры, который был неосуществим в предшествующий период в первую очередь из-за нестабильности королевской власти и гражданских междоусобиц. Разумеется, воссоздание на английской земле королевского двора, который был бы ничуть не хуже,

а то и лучше бургундского, представлявшегося многими монархами в качестве некоего образца, было невозможно без привлечения талантливых авторов: поэтов, историков и, конечно же, художников [Kipling, 1977]. В зарубежной историографии необходимо отметить ряд работ, посвященных непосредственно придворной живописи Тюдоровской эпохи и Якобинской Англии [Strong, 1969; *Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630*, 1996], английской живописи с 1530 по 1790 гг. [Waterhouse, 1978], а также придворным художникам от Тюдоровской по Викторианскую эпохи [Gaunt, 1980]. В отечественной историографии уделяется внимание художественной интерпретации Генриха VII и его сына принца Артура [Окрошидзе, 2019: 138—145; Кирюхин, Кирюхина, 2019: 341—349], а также общей специфике английского ренессансного портрета [Троицкая, 2021: 635—646]. Что же касается отдельных художников, то наибольшее внимание исследователей как в зарубежной [Foister, 2006; Moyle, 2021], так и в отечественной историографии [Боровикова, 2021: 115—127] уделяется Гансу Гольбейну Младшему.

Постановка вопроса. К кругу придворной интеллигенции относились достаточно много оригинальных и интересных художников, к сожалению, известных лишь узкому кругу отечественных исследователей. Данная статья призвана ликвидировать эти лакуны, в чем заключается ее несомненная научная новизна. При этом целью является рассмотрение не столько специфики художественных произведений и манер исполнения, сколько анализ творчества этих мастеров в контексте становления и развития культурно-интеллектуального сообщества конкретной исторической эпохи: их материальное и финансовое положение, круг занятий, проблема авторства и атрибуции созданных произведений, степень близости ко двору.

Методология и методы исследования

Для решения поставленной цели использовались методы ретроспективно-перспективного анализа, сравнительно-сопоставительный и проблемный. Поскольку методология опирается и на методы искусствоведения, для характеристики отдельных произведений искусства нами также привлекались культурно-исторический и иконографический методы.

Основная часть

В первую очередь, важно обратить внимание на степень участия в развитии придворной культуры самого правителя. Основатель династии Генрих VII, безусловно, прекрасно понимавший важность процесса публичной репрезентации власти, не только приглашал ко двору многих иностранных авторов, но порой и лично контролировал выполнение ими отдельных работ, в частности, связанных с подготовкой к публичным мероприятиям, таким как турниры, пиры и маскарады [Kipling, 1982: 117—164]. Так, Гарри Уэнтуорт, распорядитель пиров, в 1508—1509 гг. должен был запаковать свои костюмы и реквизит, отправить их кораблем из Лондона в Ричмонд, «чтобы король мог сам увидеть весь реквизит», а затем направить их назад из Ричмонда в Лондон, чтобы его работа могла быть завершена¹. Открытым остается и вопрос авторства деталей одежды и символов власти на портретах самого короля: были ли они придуманы художниками, либо сам правитель принимал участие в конструировании собственного визуального образа [Окрошидзе, 2019]. Основными художественными интересами его сына Генриха VIII были музыка, строительство дворцов и гобелены, которых у него было более двух тысяч [Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630, 1996]. Елизавета I проявляла большой интерес к живописи, и, хотя не рисовала сама, хранила личную коллекцию миниатюр под замком. Существует мнение, что портреты королевы, которые, по ее мнению, не соответствовали запланированному образу правительницы, по ее распоряжению были преданы огню [Arnold, 1988].

В чем же состояла работа художника при дворе? В первых, это создание многочисленных парадных портретов короля. В рассматриваемый период мы можем наблюдать рост их числа, хотя набор символов власти, присутствующих в качестве элементов одежды и аксессуаров, остается практически неизменным (портреты Генриха VII) [Кирюхин, Кирюхина, 2019]. Однако если портреты монарха служили целям репрезентации его власти, то портретные миниатюры, также пользовавшиеся большим спросом, относились к предметам личного, частного пространства. Это были портреты небольшого размера, на которых были

---

¹ Public Record Office. MS LC 9/50. Fol. 152^v.

изображены как сами заказчики, так и члены их семей. Зачастую портретная миниатюра использовалась при заключении брачных союзов (хрестоматийной является история с портретом Анны Клевской, четвертой супруги Генриха VIII кисти Ганса Гольбейна Младшего: выполненный по нормам парадного портрета, идеальный облик будущей жены короля не совпадал с ее реальной внешностью) [Ивонин, 2008: 28—36]. Помимо портретных изображений монархов, к рассматриваемому периоду относятся и скульптурные изображения в виде бюстов, которые могли использоваться также как часть декора в королевских дворцах и резиденциях.

Кроме портретной миниатюры существовала и миниатюра книжная, наиболее ярко представленная в рассматриваемый период не столько в виде гравюр на страницах печатных книг, сколько как иллюстрации в т. н. иллюминированных манускриптах. Широко распространена была презентационная миниатюра, на которой был запечатлен акт дарения книги ее заказчиком правителю. В некоторых книгах, таких как, например, «Книга астрологии» Генриха VII, иллюстрации могли носить и политический контекст [Кириухин, 2020: 41—46]. В целом, отмечая актуальность книжной иллюстрации на страницах иллюминированных манускриптов, необходимо подчеркнуть единство визуальной составляющей и нарратива, первая из которых представляла собой определенный набор сложившихся символов королевской власти, размещенных опять же с целью репрезентации последней.

Нельзя забывать и о том, что очень много работы ждало художников и во время подготовки придворных празднеств, таких как пиры, маскарады и турниры. Это изготовление геральдических эмблем, самых разнообразных изображений и даже «праздничных построек» или «праздничных машин» (*pageant cars, pageant vehicles*) — сооружений, изображавших фантастических существ, геральдических животных или элементы ландшафта [Anglo, 1960—1961: 17—48]. Праздничные конструкции могли быть как стационарно установленными в определенном месте (зале, улице) в виде особого павильона с декорациями, так и быть подвижными, чаще всего с второстепенными действующими лицами театрального действия или маскарада. Уолтер Альвин, распорядитель пиров Генриха VII, уже в 1493—1494 гг. создал «ужасного и огромного Красного дракона, который в иссушенных

солнцем местах холла, проходя мимо, выдыхал огонь из своей пасти» для маскарада, где Уильям Корниш (который затем сменил У. Альвина в должности распорядителя пиров) играл Святого Георгия [Chronicles of London, 1905]. Это были большие подвижные сцены в форме кораблей, беседок, фонарей, замков, гор и двухместных тронов. Как сообщает хроника «Прием леди Екатерины», эти конструкции были способны выдержать не только нескольких актеров, представляющих одну короткую сценку, но также восемь, двенадцать или даже двадцать четыре танцора [The Receyt Of The Lady Kateryne, 1990].

Кто же занимался подобной разноплановой художественной деятельностью при дворе, и как регламентировалась их работа? Наиболее привилегированной при дворе считалась должность художника короля или королевы (“the king’s painter”, “the queen’s painter”) [Moyle, 2021]. Далее следовал т. н. сержант-художник или сержант-живописец (“sergeant painter”), чья работа заключалась в росписи дворцов, карет, барж, изготовлении всевозможных праздничных украшений. Должность впервые появилась в 1511—1512 гг. и прекратила свое существование к XVIII в. [Gaunt, 1980]. Несмотря на то, что в отличие от художников короля многие занимавшие данную должность авторы малоизвестны, определенная социальная мобильность существовала: так, в 1527 г. лучшие из них получили статус художников короля. Роль сержанта-живописца была гибкой в плане выполняемых обязанностей: она включала не только создание оригинальных портретов, но и их копирование для других королевских дворов, копирование и восстановление портретов других художников из королевской коллекции, а также множество декоративных задач, например, роспись знамен.

В подготовке праздничных мероприятий принимал активное участие и распорядитель празднеств или пиров (“master of the revels”), хотя данная должность требовала скорее не творческого подхода, а знаний и умений управления ресурсами и персоналом и администрирования [Chambers, 1906]. Многие совмещали при дворе сразу несколько разных должностей. С одной стороны, сделать это им позволяла квалификация, с другой стороны — имевшиеся связи. Например, авторы женщины, о которых речь пойдет далее, вполне успешно занимали при дворе как должность художника короля, так и придворной дамы и фрейлины королевы.

Обратимся к финансовой стороне вопроса. Источником сведений о заработной плате и вознаграждениях художников при дворе могут являться королевские счета, однако их далеко не всегда легко интерпретировать: в платежи часто входит не только работа самого автора, но и цена за дорогостоящие материалы и труд ассистентов и помощников. Впрочем, придворный художник, также как и придворный поэт, мог заслужить благосклонность монарха в виде отдельной денежной выплаты за подарок к Новому году или на день рождения.

Рассмотрим примерную заработную плату отдельных придворных художников: 100 шиллингов за полгода получил Мейнард Вьюик в 1525 г. [Foister]; 33 фунта 6 шиллингов (62 фунта 10 шиллингов) — Лукас Хоренбот с 1525 г. до своей смерти [Strong, 1983: 34]; 30 фунтов в год — Ганс Гольбейн Младший с 1536 г. (имел много других источников дохода помимо работы при дворе) [Illuminating the Renaissance, 2003: 434]; 40 фунтов в год — Левина Теерлинк с 1546 г. пожизненно [Ibid.: 52]; 400 фунтов получил Николас Хиллиард в 1591 г. в качестве подарка, с 1599 г. — 40 фунтов в год (известно, что он установил плату за портретную миниатюру на члена королевской семьи в 3 фунта) [Ibid.: 72]. Несмотря на то что одним из самых известных художников при дворе Тюдоров являлся Ганс Гольбейн Младший, за свою работу при дворе он получал меньше, чем его преемница Левина Теерлинк. Сохранившиеся счета и записи о выплатах из королевской казны придворным художникам не всегда просто интерпретировать, так как в указанную сумму помимо труда автора входили и дорогостоящие материалы, а также заработная плата подмастерьев и помощников. Однако то, что многие авторы в дополнение к своей работе при дворе нередко выполняли частные заказы на портреты зажиточных дворян и горожан и работали как портретистами, миниатюристами и иллюстраторами, так и архитекторами и инженерами, свидетельствует о том, что их материальное положение, далекое от идеального, заставляло совмещать несколько смежных профессий.

Еще одной сложнейшей проблемой является вопрос авторства и атрибуции сохранившихся произведений. Многие работы по разным причинам не сохранились, например, сегодня достаточно трудно по описаниям из хроник представить себе, как

выглядели «праздничные машины и постройки», вероятнее всего, они разбирались и много раз перестраивались. Отдельные произведения до сих пор могут находиться в руках частных коллекционеров и быть неизвестны мировой общественности. Многие изображения очень плохо сохранились или были неудачно реставрированы. Зачастую мы просто не можем точно определить автора: не все художники подписывали свои работы, картины могли быть обрезаны, подписи могли быть повреждены или уничтожены. Мастерские художников часто делали копии работ своих мастеров, выполняя спрос на портреты. В настоящее время достоверно установлено, что лишь инициалы «Н. Е.» принадлежат Гансу Эворту [Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630, 1996: 63]. В случае с портретными миниатюрами современный исследователь сталкивается с двойной проблемой: необходимо не только ответить на вопрос, кто автор произведения, но и кто именно изображен.

Профессиональное сообщество художников, сформировавшееся к рассматриваемому периоду, вполне можно назвать международным, об этом свидетельствуют миграционные процессы: число авторов-иностранцев среди придворных художников тюдоровского двора крайне высоко. Большую роль в самом сообществе, безусловно, играли семейные и профессиональные связи. Так, благодаря отцу, известному фламандскому художнику Герарду Хоренботу (1465—1540 / 1541), при дворе Генриха VIII трудились Лукас Хоренбот и его сестра Сюзанна. Считается, что именно Лукас Хоренбот обучил Ганса Гольбейна Младшего искусству миниатюры на велени, хотя в настоящее время этот вопрос является дискуссионным [Rowlands, 1985: 88—90]. В Брюгге Герард Хоренбот работал вместе с Александром (Сандресом) Бенингом и его сыном Симоном. Старшая дочь Симона Левина Теерлинк заняла должность художницы короля после смерти Гольбейна и Хоренбота, а также обучала Николаса Хиллиарда, у которого учился Джон, сын другого придворного художника Джона Бетса Старшего. Один из самых известных учеников Хиллиарда, Исаак Оливер, был женат на племяннице Маркуса Герардса Младшего [Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630, 1996: 130].

Сложно построить грамотную классификацию придворных художников тюдоровского периода, исходя из выполнявшихся ими работ, так как многие совмещали несколько смежных должностей и занимались совершенно разными задачами. Попробуем в качестве более точных критериев выделить национальность, происхождение, время пребывания и работы в Англии, отметив отдельно тех, кто трудился при дворе постоянно, либо достаточно длительный период, и тех, кто работал лишь в качестве приглашенного гостя.

Нидерландский художник Мейнард Вьюик работал при дворе Генриха VII и его сына Генриха VIII с 1502 г. до своей смерти в 1525 г. Вьюик являлся одним из первых придворных художников династии Тюдоров, его авторству приписывают портреты Генриха VII, его матери Маргариты Бофорт, королевы Елизаветы Йоркской, Генриха VIII [Kipling, 1982: 135—137]. Интересной деталью портретов Генриха VII, королевы Елизаветы Йоркской (ок. 1479—1498) и принца Генриха (ок. 1509 г.) является использование в качестве атрибутов розы, имеющей символический подтекст: белая роза Йорков в руках Елизаветы Йоркской и алая роза Ланкастеров у Генриха VII и роза Тюдоров у их сына и наследника Генриха.

Фламандец Лукас Хоренбот (ок. 1490 / 1495—1544), художник короля с 1527 г. до своей смерти в 1544 г., автор многих портретных миниатюр (возможно, первый художник-миниатюрист при английском дворе), как и его сестра Сюзанна (1503—1545), вероятно, первая женщина в Англии, профессионально занимавшаяся живописью. Несмотря на то что оба пользовались известностью и уважением при дворе, сейчас трудно оценить их творчество ввиду доступности лишь небольшого количества сохранившихся работ.

Нунциато д'Антонио ди Доменико (1498—1554) — флорентийский художник и архитектор, обучал Ганса Гольбейна Младшего искусству портретной миниатюры. К сожалению, в настоящее время невозможно точно идентифицировать его работы, так что в оценке его мы вынуждены опираться на мнение Д. Вазари. Вот как о нем пишет Д. Вазари в жизнеописании флорентийского живописца Перино дель Вага: «В числе прочих был там один, который был для него как бы шпорой, постоянно его

подзадоривавшей, и которого звали Тото дель Нунциата. Со временем он также поднялся до лучших умов своего времени и, покинув Флоренцию, вместе с некоторыми флорентийскими купцами переправился в Англию, где и создал все свои произведения, получившие величайшее признание от короля этой страны, которому он служил также и в области архитектуры и, в частности, построил для него главный его дворец» [Вазари, 2008: 632].

Бартоломео Пенни — флорентийский художник, брат художников Луки Пенни и Джанфранческо Пенни, все три брата были из семьи ткачей. Бартоломео переехал в Англию с Антонио Тото между 1531 и 1533 гг. и стал придворным художником Генриха VIII [Norris, 1997: 388]. После 1538 г. большая часть его времени была посвящена совместной с Антонио Тото работе над отделкой не сохранившегося до нашего времени великолепного дворца в Нонсаче (Суррей).

Ганс Гольбейн Младший (ок. 1497—1543) — один из великих немецких художников и автор наиболее известных портретных изображений короля Генриха VIII и его семьи [Боровикова, 2021]. Обладая несомненным художественным талантом, предпочитал работать в жанре парадного портрета, отличавшегося точностью линейного контура и сочностью колорита.

Левина Теерлинк (1510-е — 1576) — фрейлина королевы и художница короля, фламандская художница, миниатюристка при дворах четырех правителей Англии: Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии I и Елизаветы I [Bergmans, 1934: 232—236], была высокооплачиваемой и известной придворной художницей. К сожалению, в настоящее время трудно атрибутировать ее работы, что связано не только с тем, что ее творческое наследие многообразно и включает как портретные миниатюры, книжные иллюстрации, так и эскизы печатей, вышивок, одежды, ювелирных украшений, но и с тем, что она не всегда подписывала свои произведения [Frye, 2011: 80]. Ее авторству принадлежит миниатюрный портрет молодой Елизаветы I (1565 г.): волосы королевы украшены алой и белой розами, стоячий по испанской моде воротник — жемчугами.

Джон Беттс Старший (ум. 1570) — английский портретист и миниатюрист, занимался росписью и украшением дворца в Уайтхолле с 1531 по 1533 гг. [Foister, 2006: 65—67] По своей

творческой манере очень близок к Г. Гольбейну Младшему: например, его кисти принадлежит психологически убедительный портрет Уильяма Кавендиша (1545 г.).

Герлах Флике (Гарлике) — немецкий художник, работавший в Лондоне с 1545 г. до своей смерти в 1558 г. [Hervey, 1910: 79—86]. Был заключен в тюрьму в Лондоне (1554 г.), возможно, из-за гонений королевы Марии I на протестантов, где написал первый в Англии автопортрет. Кроме того, стоит упомянуть портрет Марии I (1555 г.), являющийся наиболее известным изображением королевы. Она предстает в темно-коричневом наряде со стоячим отложным воротником, однако ни жемчуг на головном украшении, ни подвеска с большим драгоценным камнем не могут украсить ее немолодое усталое лицо.

Нидерландский художник Ганс Эворт (ок. 1520—1574) в период между 1545 и 1549 гг. перебрался в Англию, которую не покидал до своей смерти в 1573 г. Он стал одним из самых значительных портретистов своего времени, создав портреты короля Эдуарда VI, королевы Марии I, королевы Елизаветы I и их придворных, написанные в подражание манере Ганса Гольбейна Младшего [Троицкая, 2021]. Причем, в отличие от Герлаха Флике, портреты королевы Марии I (1554 и 1555 гг.) более многогранны: как по ракурсу изображения, так и по художественным атрибутам. Портрет королевы Елизаветы I (1569 г.) обыгрывает знаменитую мифологическую сцену выбора героем (героиней) будущего пути: перед королевой с яблоком в руках предстают три полуобнаженные богини — Юнона, Минерва и Венера. Гордостью Эрмитажа является портрет Эдуарда VI (1546 г.): одетый в пышные одежды юный король позирует на фоне колонны с драпировкой и открытого окна, его задумчивый взгляд контрастирует с уверенностью монументальных портретов отца.

Нидерландский скульптор и ювелир Стивен ван Хервейк (ок. 1530—1565 / 1567) известен своими портретами на медалях, впервые посетил Англию в 1562 г., где проживал с 1565 г. до своей смерти в 1567 г. [Goldring, 2014].

Стивен ван дер Мюлен (ум. 1563) — фламандский художник при дворе Елизаветы I, получивший гражданство в 1562 г. [Ibid.]. Среди его работ наиболее известен портрет Елизаветы I в полный рост (1563 г.), вероятно, создание его было связано

с брачными переговорами 1560-х гг. и потому отличается яркой пышностью наряда и непроницаемостью лица королевы.

Фламандский художник Маркус Герардус Младший (ок. 1561 / 1562—1636) прибыл в Англию, будучи ребенком, вместе со своим отцом, также художником, стал популярен в последние годы правления Елизаветы I. По мнению британского исследователя Роя Стронга, Маркус Герардус Младший «по качеству своих работ важнейший художник между Гансом Эвортом и ван Дейком» [Strong, 1969: 22]. Этот мастер был одним из первых английских художников, писавших портреты не на деревянных панелях, а на холсте. Это позволило ему создавать портретные композиции в полный рост, часто на открытом воздухе, с использованием реального пейзажа, пытаясь придать лицам объемность за счет использования светотени. На знаменитом портрете Елизаветы I (1592 г.) королева изображена в полный рост в белоснежном платье. Само платье, кружевной стоячий воротник и прическа украшены жемчугом, драгоценными камнями и розами, королева попирает ногами карту Европы, небо сзади нее разверзается молниями, в то же время лицо, хотя и густо набеленное, более объемно и живо, в отличие от портретов ранее рассмотренных художников.

Джордж Гауэр — английский портретист и сержант-живописец при дворе Елизаветы I [Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630, 1996: 107]. Среди его портретов королевы и придворных наиболее интересны два. На портрете 1579 г. в руке правительницы большое сито. Это отсылка к древнеримскому мифу о весталке Тучче, которую напрасно обвинили в нарушении целомудрия: дабы доказать свою невинность, она чудесным образом донесла воду из реки Тибр в сите. Сито на портрете символизирует девственность и непорочность королевы Елизаветы. На портрете 1588 г., насыщенном символическими атрибутами (корона, корабли и морская битва на заднем плане), глобус, на котором лежит ее рука, что подчеркивает положение лидера великой морской империи.

Николас Хиллиард (ок. 1547—1619) — английский ювелир и автор портретных миниатюр, наполненных свежестью и изысканностью исполнения, которые, по мнению Э. Уотерхауса, как нельзя лучше отражают елизаветинскую эпоху, мир ранних шекспировских пьес [Waterhouse, 1978: 38]. Таков романтический

«Юноша среди роз» (считается графом Эссексом, 1588 г.). Кроме того, его кисти принадлежат два больших портрета королевы Елизаветы I — «Пеликан» и «Феникс» (оба — ок. 1572—1576). Так, портрет «Пеликан» получил свое название от кулона в виде пеликана, клюющего грудь королевы: как самка пеликана кормит своей кровью птенцов, так и королева символизировала самоотверженность матери Англии. Подвеска из жемчуга ассоциируется с богиней Луны, охоты и девственности Артемиды. На обоих портретах встречается изображение тюдоровских роз.

Иеронимо Кастодис (ум. 1593 г.) — фламандский художник при дворе Елизаветы I с 1589 г. до своей смерти, писавший портреты придворных, многие из которых психологически убедительны (портрет Эдварда Талбота, восьмого графа Шрусбери, 1586 г.) [Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630, 1996: 27, 114; Strong, 1969: 195].

Сэр Уильям Сэгар (ок. 1554—1633) — английский портретист и герольд, главный король ордена Подвязки при Якове I [Frye, 2011: 76, 87—102]. Ему приписывают портрет Елизаветы I с горностаем (ок. 1585 г.): королевский зверь оттеняет пышный наряд Елизаветы I, символизируя ее добродетель и чистоту.

Среди художников-гостей можно отметить флорентийского скульптора Пьетро Торриджано (1472—1528), оформившего гробницу Генриха VII и выполнившего с посмертной маски его бюст, Гвидо Маццони (ок. 1445—1518), чьему авторству принадлежит терракотовый бюст принца Генриха в детстве, а также нидерландского художника Михеля Зиттова (1469—1525), ученика Мемлинга, автора одного из самых известных портретов Генриха VII (1505 г.) [Кирюхин, Кирюхина, 2019].

Итальянец Джироламо де Тревизо (1508—1544) был не только художником, но и военным инженером при дворе Генриха VIII. Он погиб во время осады Булони [Pouncey, 1953: 208—211]. Никколо да Модена (ум. 1569 г.) также родом из Италии, при дворе Генриха VIII стал известен украшением дворцов в Нонсаче и в Уайтхолле и росписями в них [Thurley, 1993: 107—108]. Он также известен изготовлением масок, костюмов, орнаментов и брони. Около 1527—1532 гг. до отъезда в Италию в Англии работал голландский портретист Лукас Корнелис де Кок (1495—1552) [Cornelisz Lucas, 1886: 310], написавший

в это время парадные портреты Джорджа Плантагенета, герцога Кларенса и Джона Гонта, герцога Ланкастера.

Нидерландский портретист Уильям Скротс (1537—1554) занимал должность художника короля Генриха VIII с 1545 г. до смерти Эдуарда VI в 1553 г. [Gaunt, 1980]. В художественной манере принадлежал к маньеризму, что выразилось в удлинении фигур (два портрета Эдуарда VI в полный рост, 1546 и 1552 гг., в позе Генриха VIII с портрета Г. Гольбейна Младшего) и в экспериментальном анаморфном портрете Эдуарда VI, хотя более психологически убедительны погрудные портреты исторических лиц — королевы Екатерины Парр (ок. 1546 г.) и короля Эдуарда VI (ок. 1550 г.).

Антонио Моро (Антонис Мор), (1517—1577), портретист династии Габсбургов, посетил Англию вместе с королем Филиппом II в 1553 г. [Woodall, 2006]. Причем до этого он создал королю для знакомства с будущей невестой портрет королевы Марии на троне с розой в руке. Известно, что было три версии этого портрета. Наиболее известная, 1554 г. (сейчас находится в музее Прадо) и легла в основу всех изображений королевы.

Среди иностранных художников при дворе Елизаветы I, работавших в относительно короткий промежуток времени, можно назвать фламандцев Квентина Массейса Младшего (1543—1589) [Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630, 1996: 85—86], известного портретом Елизаветы I с ситом в руках (1583 г.); художника, поэта и писателя Лукаса де Хера (1534—1584) [James, 1896: 533], оставившего подробные описания Англии и парадный портрет семьи короля Генриха VIII (1572 г.) — король восседает на троне в центре композиции; художника, гравера, миниатюриста, рисовальщика и торговца Йориса Хёфнагеля (1542—1601), оставившего реалистически точные акварельные рисунки Виндзорского замка и дворца в Нонсаче [Vignau-Wilberg, 1992: 15—28]; голландского портретиста и скульптора Корнелиуса Кетеля (1548—1616), прославившегося портретами английской знати и королевы Елизаветы I (1578 г.) [Waterhouse, 1978: 39]; итальянского художника и архитектора Федерико Цуккари (1540 / 1541—1609), создавшего по заказу от Роберта Дадли, графа Лестера, портрет Елизаветы I (1574 г.) [Goldring, 2007: 38] и других известных при дворе английских особ.

Заклучение

Итак, мы видим, что английский двор рассматриваемого периода был всегда открыт как для английских мастеров, так и для художников-иностранцев, многие из которых прекрасно работали сразу в нескольких профессиях, будучи и портретистами (создавая как живописные, так и скульптурные портреты), и миниатюристами (создавая портретные, книжные, презентационные миниатюры), и архитекторами, и инженерами (особенно необходимыми для подготовки костюмированных придворных мероприятий). Это подтверждается представленной в статье классификацией художников тюдоровского времени по их национальности, происхождению, продолжительности работы при английском дворе на постоянной должности или в качестве приглашенного гостя. Отметим, что наиболее сложными и дискуссионными остаются вопросы заработной платы, авторства и атрибуции сохранившихся произведений. Разумеется, участие самих монархов в развитии придворной культуры было разным. Основатель династии Генрих VII, осознавая важность репрезентации новой династии, не только приглашал ко двору известных художников-иностранцев, но и осуществлял тщательный личный контроль за процессом выполнения заказов, особенно публичного характера (пиры, маскарады, турниры). Генриха VIII, обладавшего музыкальными и поэтическими способностями, помимо музыки, привлекали портреты, гобелены и строительство пышных дворцов. Елизавета I, не умея рисовать, проявляла интерес к разным видам живописи (о чем свидетельствует ее личная коллекция миниатюр). Она поддерживала придворных художников и строго оценивала созданные ими портретные изображения. Таким образом, вне всякого сомнения, творчество рассмотренных нами придворных художников способствовало становлению и развитию культурно-интеллектуального сообщества тюдоровского времени и оказало огромное влияние на многие поколения художников последующих эпох.

Список источников

- Боровикова С. М.* К вопросу о существовании мастерской Ганса Гольбейна Младшего в периоды его работы в Англии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 4. С. 115—127.
- Браун Е. Д.* Войны Роз: сравнительный анализ подходов российской и англоязычной историографии // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Всеобщая история. 2010. № 18. С. 243—257.
- Вазари Д.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе / пер. с итал. А. Г. Габричевского и А. И. Бенедиктова. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2008. 1278 с.
- Забродина Е. А.* «Таинственное богословие» Николая Кузанского в портретах и алтарных картинах художников ранней нидерландской живописи // Человек и культура. 2020. № 4. С. 21—32.
- Ивонин Ю. Е.* Генрих VIII и Анна Клевская // Британские исследования. 2008. № 2. С. 28—36.
- Кирюхин Д. В.* Образы власти в политических предсказаниях и астрономии: «Книга астрологии» Генриха VII как визуальный источник // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 41—46.
- Кирюхин Д. В., Кирюхина Е. М.* Образ короля Генриха VII в изобразительном искусстве Англии XVII — начала XX века // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 341—349.
- Крылова А. А.* Портретные образы в нидерландских рисунках второй половины XV — начала XVI века // Научные труды. Проблемы развития зарубежного искусства. 2019. № 49. С. 40—52.
- Окрошидзе Л. Г.* Портреты Генриха VII и принца Уэльского Артура: легитимизация и глорификация власти в живописи // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2019. № 1. С. 138—145.
- Троицкая А. А.* Визуальная риторика английского ренессансного портрета: контексты и интерпретации // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2021. № 11. С. 635—646.
- Хачатурян Н. А.* Королевский двор в институциональной истории Западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 10. С. 1.
- Anglo S.* The Court Festivals of Henry VII // Bulletin of the J. Rylands Library. 1960—1961. Vol. XLIV. P. 17—48.

- Arnold J.* Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd. Leeds: W. S. Maney and Son Ltd., 1988. 396 p.
- Bergmans S.* The Miniatures of Levina Teerling // The Burlington Magazine for Connoisseurs. 1934. Vol. 64, no. 374. May. P. 232—236.
- Borchert T. H.* Memling's Portraits. L.: Thames & Hudson, 2005. 176 p.
- Chambers E. K.* Notes on the history of the Revels office under the Tudors. L.: A. H. Bullen, 1906. 92 p.
- Chronicles of London / ed. with introduction and notes by Ch. Lethbridge, M. A. Kingsford. Oxford: St. John's College, 1905. URL: http://www.archive.org/stream/chroniclesoflond00kinguoft/chroniclesoflond00kinguoft_djvu.txt (дата обращения: 03.07.2017).
- Cornelisz Lucas* // Bryan M. Dictionary of Painters and Engravers, Biographical and Critical (A—K). L.: G. Bell & Sons, 1886. Vol. I. P. 310.
- Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630 / ed. by Hearn K. N. Y.: Rizzoli, 1996. 253 p.
- Foister S.* Holbein in England. L.: Tate, 2006. 191 p.
- Foister S.* Vewicke [Waywike; Wewoke], Maynard. URL: <https://www.oxfordartonline.com/view/10.1093/gao/9781884446054.001.0001/oa0-9781884446054-e-7000089182> (дата обращения: 03.07.2017).
- Frye S.* Pens and Needles: Women's Textualities in Early Modern England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. 344 p.
- Gaunt W.* Court painting in England from Tudor to Victorian times. L.: Constable, 1980. 226 p.
- Goldring E.* Painting and patronage at the Elizabethan court: Robert Dudley, Earl of Leicester, and his world. New Haven: Yale University Press, 2014. 380 p.
- Goldring E.* The Earl of Leicester's Inventory of Kenilworth Castle, c. 1578 // English Heritage Historical Review. 2007. Vol. 2. P. 36—59.
- Hervey M. F. S.* Notes on a Tudor Painter: Gerlach Flicke // The Burlington Magazine for Connoisseurs. 1910. Vol. 17, no. 86. May. P. 79—86.
- Illuminating the Renaissance: The Triumph of Flemish Manuscript Painting in Europe / eds by T. Kren, S. McKendrick. Oxford: Oxford University Press, 2003. 592 p.
- James R. N.* Painters and their works: a dictionary of great artists who are not now alive. L.: L. U. Gill, 1896. 662 p.
- Kipling G.* Henry VII and the Origins of Tudor Patronage // In Patronage in the Renaissance / eds F. Guy Lytle, S. Orgel. Princeton: Princeton University Press, 1982. P. 117—164.
- Kipling G.* The Triumph of Honour: Burgundian Origins of the Elizabethan Renaissance. The Hague: Leiden University Press, 1977. 277 p.

- McKendrick S., Lowden J., Doyle K.* Royal Manuscripts, The Genius of Illumination. L.: British Library, 2011. 448 p.
- Moyle F.* The King's Painter: The Life and Times of Hans Holbein. N. Y.: Apollo, 2021. 400 p.
- Norris H.* Tudor Costume and Fashion. N. Y.: Dover Publications, 1997. 832 p.
- Pouncey Ph.* Girolamo da Treviso in the Service of Henry VIII // *The Burlington Magazine*. 1953. Vol. 95, no. 603. P. 208—211.
- Rowlands J.* Holbein: The Paintings of Hans Holbein the Younger. Boston: David R. Godine, 1985. 288 p.
- Strong R.* Artists of the Tudor Court: The Portrait Miniature Rediscovered 1520—1620. Victoria & Albert Museum exhibit catalogue. L.: Victorian & Albert Art Museum, 1983. 168 p.
- Strong R.* The English Icon: Elizabethan & Jacobean Portraiture. L.: Paul Mellon Foundation, 1969. 388 p.
- The Recept of the Lady Kateryne / ed. by G. Kipling. Oxford: Published for the Early English Text Society by the Oxford University Press, 1990. 276 p.
- Thurley S.* The Royal Palaces of Tudor England: Architecture and Court Life 1460—1547. New Haven and London: Yale University Press, 1993. 283 p.
- Vignau-Wilberg Th.* Joris Hoefnagel, the Illuminator // Hendrix L., Vignau-Wilberg Th. *Mira Calligraphiae Monumenta: A Sixteenth-Century Calligraphic Manuscript Inscribed by Georg Bocksay and Illuminated by Joris Hoefnagel*. Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1992. P. 15—28.
- Waterhouse E. K.* Painting in Britain, 1530 to 1790. Harmondsworth, England; New York: Penguin Books, 1978. 387 p.
- Woodall J.* Anthonis Mor; Art and Authority. Netherlands: Waanders, 2006. 512 p.

References

- Anglo, S. (1960—1961), 'The Court Festivals of Henry VII', *Bulletin of the J. Rylands Library*, vol. XLIV: 17—48.
- Arnold, J. (1988), *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd*, W. S. Maney and Son Ltd., Leeds, UK.
- Bergmans, S. (1934), 'The Miniatures of Levina Teerling', *The Burlington Magazine for Connoisseurs*, vol. 64, no. 374, May: 232—236.
- Borchert, T. H. (2005), *Memling's Portraits*, Thames & Hudson, London, UK.

- Borovikova, S. M. (2021), 'On the Question of the Existence of the Workshop of Hans Holbein the Younger During the Periods of His Work in England', *Vestnik rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, seriia: Filosofiia. Sotsiologiia. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities, series: Philosophy. Sociology. Art criticism], no. 4: 115—127.
- Braun, E. D. (2010), 'The Wars of the Roses: A Comparative Analysis of the Approaches of Russian and English-Language Historiography', *Vestnik rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, seriia: Istoricheskie nauki: Vseobshchaia istoriia* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities, series Historical Sciences: General History], no. 18: 243—257.
- Chambers, E. K. (1906), *Notes on the history of the Revels office under the Tudors*, A. H. Bullen, London, UK.
- Cornelisz Lucas (1886), in Bryan, M. *Dictionary of Painters and Engravers, Biographical and Critical (A—K)*, vol. I, G. Bell & Sons, London, UK: 310.
- Foister, S. (2006), *Holbein in England*, Tate, London, UK.
- Foister, S. *Vewicke [Waywike; Wewoke], Maynard*, available at: <https://www.oxfordartonline.com/view/10.1093/gao/9781884446054.001.0001/oa0-9781884446054-e-7000089182> (Accessed 03 June 2017).
- Frye, S. (2011), *Pens and Needles: Women's Textualities in Early Modern England*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA, PA.
- Gaunt, W. (1980), *Court painting in England from Tudor to Victorian times*, Constable, London, UK.
- Goldring, E. (2014), *Painting and patronage at the Elizabethan court: Robert Dudley, Earl of Leicester, and his world*, Yale University Press, New Haven, USA, Conn.
- Goldring, E. (2007), 'The Earl of Leicester's Inventory of Kenilworth Castle, c.1578', *English Heritage Historical Review*, vol. 2: 36—59.
- Hearn, K. (ed.) (1996), *Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England 1530—1630*, Rizzoli, New York, N. Y.
- Hervey, M. F. S. (1910), 'Notes on a Tudor Painter: Gerlach Flicke', *The Burlington Magazine for Connoisseurs*, vol. 17, no. 86, May: 79—86.
- Ivonin, Yu. E. (2008), 'Henry VIII and Anna of Cleves', *Britanskie issledovaniia* [British Studies], no. 2: 28—36.
- James, R. N. (1896), *Painters and their works: a dictionary of great artists who are not now alive*, L. U. Gill, London, UK.
- Khachaturian, N. A. (2020), 'The Royal Court in the Institutional History of Western European Medieval Statehood (On the Question of Continuity in the Development Process)', *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi*

- zhurnal "Istoriia"* [Electronic scientific and educational journal "History"], vol. 11, no. 10: 1.
- Kipling, G. (1982), Henry VII and the Origins of Tudor Patronage, in Guy Lytle, F. and Orgel, S. (eds), *In Patronage in the Renaissance*, Princeton University Press, Princeton, NJ: 117—164.
- Kipling, G. (ed.) (1990), *The Recept of The Lady Kateryne*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Kipling, G. (1977), *The Triumph of Honour: Burgundian Origins of the Elizabethan Renaissance*, Leiden University Press, The Hague, Netherlands.
- Kiryukhin, D. V. (2020), 'Images of Power in Political Predictions and Astronomy: Henry VII's "Book of Astrology" as a Visual Source', *Izvestiia Saratovskogo universiteta, novaia seriia, seriia: Istoriia, Mezhdunarodnye otnosheniia* [News of the Saratov University, new series, series History, International relationships], vol. 20, iss. 1: 41—46.
- Kiryukhin, D. V., Kiryukhina, E. M. (2019), 'The Image of King Henry VII in the Fine Arts of England in the XVII — early XX century', *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], iss. 67: 341—349.
- Kren, T. and McKendrick, S. (eds) (2003), *Illuminating the Renaissance: The Triumph of Flemish Manuscript Painting in Europe*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Krylova, A. A. (2019), 'Portrait Images in Dutch Drawings of the Second Half of the XV — early XVI century', *Nauchnye trudy. Problemy razvitiia zarubezhnogo iskusstva* [Scientific Works. Problems of Development of Foreign Art], no. 49: 40—52.
- Lethbridge, Ch. (ed.) (1905), *Chronicles of London*, St. John's College, Oxford, UK, available at: http://www.archive.org/stream/chroniclesoflond00kinguoft/chroniclesoflond00kinguoft_djvu.txt (Accessed 03 July 2017).
- McKendrick, S., Lowden, J. and Doyle, K. (2011), *Royal Manuscripts, The Genius of Illumination*, British Library, London, UK.
- Moyle, F. (2021), *The King's Painter: The Life and Times of Hans Holbein*. Apollo, New York, NY.
- Norris, H. (1997), *Tudor Costume and Fashion*, Dover Publications, New York, NY.
- Okroshidze, L. G. (2019), 'Portraits of Henry VII and Prince Arthur of Wales: Legitimization and Glorification of Power in Painting', *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia 8, Istoriia* [Bulletin of Moscow University, series 8, History], no. 1: 138—145.
- Pouncey, Ph. (1953), Girolamo da Treviso in the Service of Henry VIII, *The Burlington Magazine*, vol. 9, no. 603: 208—211.

- Rowlands, J. (1985), *Holbein: The Paintings of Hans Holbein the Younger*, David R. Godine, Boston, Mass.
- Strong, R. (1983), *Artists of the Tudor Court: The Portrait Miniature Rediscovered 1520—1620*. Victoria & Albert Museum exhibit catalogue, Victorian & Albert Art Museum, London, UK.
- Strong, R. (1969), *The English Icon: Elizabethan & Jacobean Portraiture*, Paul Mellon Foundation, London, UK.
- Thurley, S. (1993), *The Royal Palaces of Tudor England: Architecture and Court Life 1460—1547*, Yale University Press, New Haven, USA, Conn.
- Troitskaya, A. A. (2021), ‘Visual Rhetoric of the English Renaissance Portrait: Contexts and Interpretations’, *Aktual’nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Actual Problems of the Theory and History of Art], no. 11: 635—646.
- Vazari, D. (2008), *Zhizneopisaniia naibolee znamenitykh zhivopistsev, vaiatelei i zodchikh. Polnoe izdanie v odnom tome* [Biographies of the Most Famous Painters, Sculptors and Architects. Complete Edition in One Volume], Translated by Gabrichevskiy, A. G. and Benediktov, A. I., Izdatel’stvo AL’FA-KNIGA, Moscow, Russia.
- Vignau-Wilberg, Th. (1992), Joris Hoefnagel, The Illuminator in Hendrix, L. and Vignau-Wilberg, Th. (eds) *Mira Calligraphiae Monumenta: A Sixteenth-Century Calligraphic Manuscript Inscribed by Georg Bocksay and Illuminated by Joris Hoefnagel*, The J. Paul Getty Museum, Malibu, CA: 15—28.
- Waterhouse, E. K. (1978), *Painting in Britain, 1530 to 1790*, Harmondsworth, UK; Penguin Books, New York, NY.
- Woodall, J. (2006), *Anthonis Mor; Art and Authority*. Waanders, Netherlands.
- Zabrodina, E. A. (2020), ‘“Mysterious Theology” of Nicholas of Cusa in Portraits and Altarpieces by Early Netherlandish Painters’, *Chelovek i kul’tura* [Man and Culture], no. 4: 21—32.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 12.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 12.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Д. В. Кирюхин — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия.

Е. М. Кирюхина — доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия.

D. V. Kiryukhin — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of the Foreign languages, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia.

E. M. Kiryukhina — Doctor of Science (Culturology), Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Sociology, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia.

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 52—78.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 52—78.

Научная статья

УДК 94(4)"1924/1925"

DOI: 10.46725/IW.2023.1.3

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ» ВО ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1920-е гг.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ИТОГИ

Искандэр Эдуардович Магадеев

Московский государственный институт (университет) международных отношений, Москва, Россия, iskander2017@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

Аннотация. Цель статьи — выявить ключевые компоненты «интеллектуальной демобилизации» в отношениях Франции и Германии в 1920-е гг. Автор стремится обозначить основные этапы данного процесса, выделить инструменты и механизмы его реализации, дать краткую оценку итогов и достигнутых результатов к концу отмеченного периода. Под «интеллектуальной демобилизацией» понимается совокупность обстоятельств, связанных с деятельностью общественных, культурных, лоббистских организаций, СМИ и ассоциаций интеллектуалов двух стран, нацеленных на смягчение уровня взаимной вражды и неприятия между обществами стран-противниц. Учитывая начальный уровень изученности поставленных вопросов в российской историографии, автор стремится обозначить общие рамки и основные аспекты затронутой темы в надежде на более подробную разработку ее отдельных аспектов в дальнейшем. По результатам проведенного исследования был сделан вывод о том, что процесс «интеллектуальной демобилизации» во франко-германских отношениях развивался в 1920-е гг. нелинейным образом. Попытки примирения с противником были относительно редкими в первые послевоенные годы. Доминирующим оставалось представление о взаимной враждебности французов и немцев, о мстительности первых, ставших победителями в войне, и о сохранявшейся агрессивности вторых, потерпевших поражение, но не готовых нести бремя ответственности. Рубежом стали события 1924—1925 гг., озаменованные попыткой

© Магадеев И. Э., 2023

примирения Парижа и Берлина после Рурского кризиса. Попыткой, которая была зафиксирована в итоге в Локарнских соглашениях. Развитие официальных контактов придавало новый импульс деятельности интеллектуалов двух стран, однако к началу 1930-х гг. итоги их взаимодействия оставались противоречивыми, а перспективы сотрудничества внушали определенную тревогу. Можно констатировать, что если попытки по достижению «интеллектуальной демобилизации» и примирению между Францией и Германией после 1918 г. и не были обречены, то достигнутые к концу первого послевоенного десятилетия результаты отличались хрупкостью, а потенциал для их дальнейшего развития оставался ограниченным.

Ключевые слова: Франция, Германия, интеллектуалы, примирение, 1920-е годы, Мецгер, Граутофф, Ратенау, Жид, Дежарден, Санье

Для цитирования: Магадеев И. Э. «Интеллектуальная демобилизация» во франко-германских отношениях в 1920-е гг.: основные этапы, инструменты реализации, итоги // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 52—78.

Original article

“INTELLECTUAL DEMOBILISATION” IN THE FRANCO-GERMAN RELATIONS OF THE 1920S: PHASES, INSTRUMENTS AND RESULTS

Iskander E. Magadeev

Moscow state institute (university) of international relations,
Moscow, Russia, iskander2017@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

Abstract. The article aims to define the key elements of the “intellectual demobilisation” in the Franco-German relations of the 1920s. The author proposes his version of the chronology of this process, demonstrates the essential means of the “intellectual demobilisation” and the forms of its realisation, finally, he gives a brief estimate of the results achieved by the end of the first post-WWI decade. By the “intellectual demobilisation”, this article conceives the variety of factors and circumstances linked to the activity of the social, cultural, lobbying organisations, the media, the intellectual associations aimed to lessen the level of mutual animosity and hostility between

the French and German societies. Taking into account the paucity of the Russian historical research on this theme, the author tries to define the framework for the more detailed studies in the future. The research concludes that the process of “intellectual demobilisation” in the Franco-German relations of the 1920s developed in the non-linear way. The attempts of reconciliation were rather rare in the first post-WWI years. The perception of the mutual hostility between the French and the Germans dominated. The first ones, as the victors in the First World war, were regarded as revengeful, while the second ones, as the defeated side, were perceived as remaining aggressive and not prepared to bear the burden of the responsibility. The events of 1924—1925 which were marked by the efforts of the rapprochement between Paris and Berlin after the Ruhr crisis and culminated in the Locarno treaties, were critical. As the official contacts became warmer, the activities of French and German intellectuals received a new impulse. Nevertheless, by the beginning of the 1930s, the results of this process were contradictory, and the perspectives gave ground for anxiety. It is possible to notice that, even if the attempts to organise the “intellectual demobilisation” between France and Germany after 1918 were not doomed, by the end of the first post-WWI decade, their fruits were fragile, and the potential for further development was limited.

Keywords: France, Germany, intellectuals, reconciliation, 1920s, Metzger, Grautoff, Rathenau, Gide, Desjardins, Sangnier

For citation: Magadeev, I. E. (2023), ‘ “Intellectual demobilisation” in the Franco-German relations of the 1920s: phases, instruments and results’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 52—78 (in Russ.).

Введение

Постановка вопроса. Проблематика «выхода из войны» как комплексного социально-политического, экономического и культурного процесса достаточно активно разрабатывается в современной историографии. Примеры Первой и Второй мировой войны, а также периодов, последовавших за ними, были одними из ключевых в этом отношении [Sorties de guerre, 2007]. Сама постановка вопроса о «выходе из войны» как о продолжительном процессе, длившемся и после официального завершения боевых действий, проблематизировала устоявшиеся хронологические рамки вооруженных конфликтов, позволяла продемонстрировать, как их «тьень» годами и даже десятилетиями лежала на отношениях стран-противниц [Les sorties de guerre, 2016].

Актуальность. Пример отношений Франции и Германии, чья многовековая «наследственная вражда» берет свое начало еще «в эпохе раннего Нового времени» [Лазарева, 2018: 60], представляется релевантным для изучения вопроса о том, какую роль играли интеллектуалы в попытках преодоления прошлых противоречий между странами, каково было значение их деятельности для построения взаимодействия между государствами-антагонистами на новых началах. Учитывая текущую международную напряженность, поставленные вопросы представляются актуальными для анализа и прогнозирования схожих процессов в XXI в.

Краткая историография проблемы. Вопрос о роли, сыгранной в 1920-е гг. различными общественно-политическими и бизнес-организациями, а также ассоциациями интеллектуалов в попытках преодолеть прошлые франко-германские противоречия, весьма подробно разрабатывался в зарубежной историографии [Gorguet, 1999; Lorrain, 1999; Passman, 2008a]. Вместе с тем указанная проблематика, за исключением отдельных аспектов (прежде всего связанных с проевропейскими движениями и деятельностью австрийского графа Р. Н. фон Куденхове-Калерги) [Громова, 2007; Кораблева, 2009], оставалась за пределами пристального внимания отечественных исследователей. Учитывая начальный уровень изученности поставленных вопросов в российской историографии, автор стремится обозначить общие рамки и основные аспекты затронутой темы в надежде на более подробную разработку ее отдельных аспектов в дальнейшем.

Цель и задачи. Цель статьи — выявить ключевые компоненты «интеллектуальной демобилизации» в отношениях Франции и Германии в 1920-е гг. Автор стремится обозначить основные этапы данного процесса, выделить инструменты и механизмы его реализации, дать краткую оценку итогов и достигнутых результатов к концу отмеченного периода.

Методология исследования

Под «интеллектуальной демобилизацией» в настоящей статье понимается совокупность обстоятельств, связанных с деятельностью общественных, культурных, лоббистских организаций, СМИ и ассоциаций интеллектуалов Франции и Германии,

нацеленных на смягчение уровня взаимной вражды и неприятия между обществами стран-противниц. Подчас указанные виды деятельности в специальных исследованиях обозначаются как «гражданский активизм», дабы отличить их от усилий официальной дипломатии [Passman, 2008b].

Безусловно, процесс «интеллектуальной демобилизации» выходил далеко за пределы деятельности собственно интеллектуалов. Однако на те организации, в которые последние были активно вовлечены, в статье будет обращено повышенное внимание. При этом усилия интеллектуалов будут соотнесены с деятельностью официальных властей Франции и Германии, отмеченной после 1925 г. попытками примирения («дух Локарно»). Эти попытки ассоциировались, прежде всего, с деятельностью министров иностранных дел двух стран — А. Бриана и Г. Штреземана [Knipping, 1987].

Основная часть

Этапы «интеллектуальной демобилизации» во франко-германских отношениях

Процесс «интеллектуальной демобилизации» во взаимодействии Франции и Германии в первое десятилетие после окончания Первой мировой войны коррелировал с динамикой развития межгосударственных отношений Парижа и Берлина. Вместе с тем эти два процесса не были полностью идентичными, а их корреляция не была стопроцентной.

Все же, если пытаться наметить хронологические этапы «интеллектуальной демобилизации», то их рубежи будут близки к векам, хорошо знакомым из истории международных отношений. С точки зрения автора, представляется возможным выделить три основных этапа: 1) 1919—1923 гг.; 2) 1923—1925/1926 гг.; 3) 1925/1926—1930/1931 гг.

Первые попытки примирения

На первом этапе, начавшемся с подписания Версальского мирного договора и завершившемся Рурским кризисом, который был ознаменован вводом франко-бельгийских войск в Рур, проявления «интеллектуальной демобилизации» были заметны в наименьшей

степени за все первое послевоенное десятилетие. Напротив, своеобразное «эхо» войны и наследие взаимной враждебности во франко-германских отношениях были очевидны. В том числе, они находили свое отражение на страницах печатных трудов и в практической деятельности ряда интеллектуалов двух стран.

Примечательным, например, был более или менее выраженный антигерманский настрой некоторых публикаций журнала «Новая Европа» («L'Europe nouvelle») — одного из рупоров французского европеизма. Журнал был создан в январе 1918 г. Л. Вайс — журналисткой, активисткой феминистского движения и «бабушкой Европы», как называл ее канцлер ФРГ Г. Шмидт в 1979 г. [Fine, 1997: viii]. На протяжении своей долгой жизни она выступала сторонницей европейской интеграции, однако ее позиции по конкретным аспектам данного проекта эволюционировали. Если в мемуарах, опубликованных в 1968—1970 гг., Вайс стремилась предстать твердой сторонницей франко-германского примирения и сотрудничества, то в начале 1920-х гг. основанный ею журнал был «скорее англофильским, нежели германфильским» [Reytier, 2011: 35].

Тогдашние представления Вайс о способах выстраивания стабильности в Европе были близки к рецептам, предлагаемым официальной дипломатией Третьей Республики. Руководство Франции продолжало относиться к Германии с большим подозрением и стремилось создать разнообразные барьеры на пути возможной новой экспансии со стороны Берлина. Вайс, например, позитивно отзывалась о попытках добиться примирения стран-наследниц Австро-Венгерской империи, способных создать преграду на пути германского экспансионизма. Она поддерживала усилия генерального секретаря МИД Франции Ф. Бертело добиться укрепления в этих странах «нашего миролюбивого и конструктивного влияния» [Weiss, 1921: 876].

Другой пример, который отражал сохранявшееся в начале 1920-х гг. наследие отнюдь не преодоленной вражды между французскими и немецкими интеллектуалами, касался ситуации в Международном научно-исследовательском совете (International Research Council). Он был образован в июле 1919 г. и заменил довоенную Международную ассоциацию академий, объединявшую национальные научные учреждения. В первые годы своей

деятельности Исполнительный комитет совета, в который, среди прочих, входил математик и постоянный секретарь Французской Академии наук Э. Пикар, отстаивал идею бойкота и отказа от сотрудничества с научными организациями из стран-противниц Антанты в годы войны. Даже в июле 1925 г., на третьем заседании Ассамблеи совета, Пикар, потерявший на войне троих детей (двух сыновей и дочь), продолжал говорить о предполагаемом фундаментальном противоречии между менталитетом ученых из стран Антанты и бывших Центральных держав, о невозможности доверять последним [Schroeder-Gudehus, 2014: 146]. Из первых послевоенных научных мероприятий, организованных Международным научно-исследовательским советом, «составлявших $\frac{3}{4}$ от [научных] международных конгрессов во всем мире, были исключены немцы, а немецкий язык, базовый для ряда дисциплин в довоенный период, не принимался больше в качестве средства международной научной коммуникации. Ни одно [научное] международное мероприятие не должно было отныне проходить по ту сторону Рейна» [Rasmussen, 2007: 4].

Все же отдельные призывы к преодолению прошлой вражды, к выстраиванию диалога и конструктивного взаимодействия раздавались по обе стороны от Рейна вскоре после окончания Первой мировой войны. Так, в январе 1922 г. французский философ П. Дежарден, глава общественной организации «Союз за правду», образованной еще в 1906 г. на излете «дела Дрейфуса», выступил с инициативой возобновить довоенную практику публичных дискуссий между видными французскими и немецкими интеллектуалами по актуальным проблемам современности. Его призыв, обращенный, в том числе, к писателям Г. Манну и А. Жиду, привел к серии мероприятий — так называемым декадам Понтины, названным по месту их проведения (территория бывшего аббатства Понтины, выкупленная Дежарденом). Они продолжались до 1939 г. [Воск, 2010: 46—47]. Дежарден, имевший тесные связи с рядом французских социалистов, в том числе А. Тома, называл встречи в Понтины «зародышем будущей Европы» [Racine, Trebitsch, 1994: 35].

Призывы к франко-германскому примирению, воспринимавшемуся как основа для более широкой европейской интеграции, раздавались как с правого фланга общественно-политической

жизни, так и слева. Говоря об импульсах, исходивших справа, можно отметить, например, активность консервативных австрийских деятелей: во-первых, К. А. Рогана, который в 1922 г. основал организацию «Европейский культурный союз», ставший предшественником Международной организации интеллектуальных союзов (1924); во-вторых, графа Р. Н. фон Куденхове-Калерги, выпустившего в 1923 г. свой манифест «Пан-Европа» [Passman, 2008b: 102]. Говоря об инициативах, которые исходили от деятелей, стоявших левее, можно упомянуть взаимодействие французской и немецкой лиг по защите прав человека. Их совместная инициатива лежала в основе образования в 1922 г. Международной федерации за права человека, существующей поныне.

Своего рода прологом к образованию указанной федерации стали важные визиты: во-первых, визит в Париж в январе 1922 г. немецкой делегации во главе с политиком и журналистом Г. фон Герлахом, председателем Союза за новое Отечество, трансформировавшегося в германскую Лигу по защите прав человека; во-вторых, визит делегации французской Лиги во главе с политиком Ф. Бюиссоном в Берлин в июне 1922 г. [Gorguet, 1999: 23—25]. Совместно подписанное в Париже «Воззвание к двум демократиям» наметило программу примирения двух стран. Среди ее основных пунктов: восстановление Германией ущерба, принесенного Франции во время военных действий; активизация контактов между народами; откладывание вопроса об ответственности за Первую мировую войну до открытия архивов и беспристрастного исследования. Среди подписантов воззвания доминировали деятели левой политической ориентации: в их списке значился ряд французских левых депутатов, а также Э. Бернштейн, К. Каутский, А. Эйнштейн и другие [Guieu, 2016: 29—30].

Вместе с тем говорить о полном взаимопонимании между французскими и немецкими подписантами воззвания было сложно. Г. фон Герлах, известный пацифистской позицией еще во время войны, а затем неоднократно получавший угрозы от немецких националистов, был недоволен напористостью официального Парижа. В декабре 1922 г., выступая на заседании Центрального комитета германской Лиги по защите прав человека, Герлах предупреждал, что возможная французская оккупация Рура поспособствует росту германского национализма. С его точки зрения, «примирение

между двумя народами должно сопровождаться отказом от применения каких-либо санкций военного характера» [Ingram, 2019: 127]. В июне 1922 г., накануне запланированной совместно с Герлахом поездки в Париж, Эйнштейн также считал, что французская сторона не проявляет достаточного стремления к примирению. В письме от 6 июня, адресованном Герлаху, ученый с сожалением констатировал, что «ни [французский математик и государственный деятель Поль] Пенлеве, ни кто-либо из других известных представителей французского научного мира не будет присутствовать». В связи с этим Эйнштейн решил отменить одну из своих речей, в которой планировалось поприветствовать французских ученых [The Collected Papers, 2012: 180].

Ряд религиозных деятелей и сторонников христианско-демократических ценностей по обе стороны Рейна также выступал с идеями франко-германского примирения уже в начале 1920-х гг. Французский публицист и политик М. Санье, отстаивавший ценности в духе «социального католицизма» и возглавлявший партию «Лига молодой республики», выступил в декабре 1921 г. организатором Международного демократического конгресса в Париже.

Мероприятие, собравшее представителей от 21 страны (в том числе девять немцев и трех австрийцев), проходило под лозунгами примирения народов и «морального разоружения». С одной стороны, созыв конгресса символизировал следование Санье тем идеям, которые он отстаивал даже в годы Первой мировой войны, проходя службу младшим офицером. Однако, с другой стороны, в воззрениях Санье произошла определенная «интеллектуальная демобилизация». В лекциях, которые он читал французским солдатам в марте — апреле 1918 г., прослеживалась дорогая для него мысль о противопоставлении немецких республиканцев, католиков и демократов прусскому офицерству. Вместе с тем в тех же выступлениях Санье проводил указанную дифференциацию отнюдь не всегда, занимая подчас выраженную антигерманскую позицию. Он клеймил «германскую теорию силы», отказ Германии от соблюдения международного права, немецкие доктрины, «которые привели к преступлениям, из-за которых современный мир залит кровью» [Barry, 2005: 182].

Жест Санье, предоставивший в декабре 1921 г. право завершить конгресс немецкому католическому священнику, отцу

М. Й. Мецгеру, должен был иметь символическое значение: «Это был первый случай, когда немец публично выступил в Париже, начиная с 1914 г.» [Prat, 2010: 3]. Если значительная часть рьяных французских католиков, близких к националистическому и крайнеправому спектру, выступала оппонентами примирения с Германией, то в Веймарской республике ситуация во многом была обратной. Немецкие католики более активно, чем протестанты, были вовлечены в усилия по нормализации отношений с соседом по Рейну [Passman, 2008b: 103].

В начале 1920-х гг. также имели место попытки «интеллектуальной демобилизации» на основе апеллирования к общечеловеческим принципам, гуманизму и человеческому состраданию. Причем особую роль на этом направлении играли женские организации, которые, как подчеркивала одна из видных деятелей французского пацифистского движения А. Жув, стремились дистанцироваться от традиционных политических партий [Vellacott, 1993: 40]. Жув получила известность как активистка французского комитета Международной женской лиги за мир и свободу, основанной в 1915 г. и реорганизованной в 1919 г. Она выступала против идеи о единоличной ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны, критиковала тезисы в духе «боши заплатят» и полагала, что путь к примирению лежит через взаимные уступки и активизацию контактов низовых гражданских (в том числе женских) организаций [Doucet, 2018: 49—50].

О желании навести мосты с немецким комитетом Международной женской лиги за мир и свободу также говорила поездка другой французской активистки, Г. Дюшен, в Штутгарт в 1920 г. по приглашению видного члена немецкого женского движения Л. Г. Хейман [Bard, 2011: 204]. Их сотрудничество продолжилось в дальнейшем и приняло, например, форму выдвинутого совместной «экстренной резолюции» на конгрессе Международной женской лиги за мир и свободу (1—7 мая 1924 г.). Резолюция была обращена к правительствам Франции и Германии и призывала их к скорейшему разрешению Рурского кризиса и преодолению его последствий [Women's International League, 1924: 4].

***От Рурского кризиса к Локарно:
пути и перемены «интеллектуальной демобилизации»***

Рурский кризис 1923 г., поставивший Францию и Германию, да и всю Европу на грань нового вооруженного конфликта, продемонстрировал явное расхождение между официальным Парижем, с одной стороны, и рядом организаций, призывавших к «интеллектуальной демобилизации» и примирению, с другой. Глава политического отдела журнала «Новая Европа», англофил Ф. Милле, продолжал отстаивать идеи долгосрочного ослабления Германии, близкие к рецептам, предлагавшимся правым правительством Р. Пуанкаре. Милле не исключал навязывания Берлину обширных платежей по репарациям (свыше 3 млрд марок ежегодно в течение 30—35 лет), установления постоянного международного контроля над Рейнской областью, передачи угольных шахт Саара в вечное пользование Франции [Millet, 1923].

Однако значительная часть интеллектуалов отреагировала на Рурский кризис (особенно по мере его затягивания и углубления) совсем иначе. События 1923 г. продемонстрировали, что динамика развития настроений интеллектуалов, с одной стороны, и официального взаимодействия Парижа и Берлина, с другой, совпала не во всем.

Особая активность в попытках навести мосты и проявить солидарность между французским и немецким социумами в условиях Рурского кризиса наблюдалась среди представителей левого и левоцентристского спектров общественно-политической жизни двух стран. Тема противодействия «рурскому преступлению и военной угрозе» активно обсуждалась на международной конференции компартий и революционных профсоюзов во Франкфурте-на-Майне (15—18 марта 1923 г.). На ней были сформированы международные профсоюзные органы, стремившиеся сорвать французские действия в Руре, а также международный комитет во главе с немецкой коммунисткой К. Цеткин и французским писателем А. Барбюсом, ставшим членом Коммунистической партии Франции незадолго до этого. В обращении, принятом на конференции, тема солидарности рабочих Германии, Франции, Бельгии и других стран соседствовала с критикой предполагаемого сговора германских «патриотов-процентщиков»

и «французского капитала» [Советско-германские отношения, 1977: 137—140].

Усилия по сближению французского и германских социумов, символически противопоставленных политике официальных властей, предпринимали не только коммунисты. Примечательным было решение М. Санье организовать в августе 1923 г., в разгар Рурского кризиса, 3-й съезд провозглашенного им Демократического интернационала именно на территории Германии (в г. Фрайбург-им-Брайсгау). Съезд прошел под знаком поиска выходов из кризиса и был озаглавлен символической «жертвой ради примирения». Немецкие женщины, делегаты съезда, передали французским представителям драгоценности, демонстрируя готовность идти на жертвы ради восстановления разрушенных департаментов северо-востока Франции [Guieu, 2016: 30—31].

В ходе Рурского кризиса призывы к примирению со стороны женских организаций двух стран, действительно, стали звучать громче. Как правило, они апеллировали к общегуманистическим ценностям, но де-факто стремились донести и очевидный политический меседж в виде необходимости прекратить эскалацию насилия. Так, в 1923 г. французская секция Международной женской лиги за мир и свободу организовала специальный Комитет помощи детям Рура, занимавшийся в том числе финансированием программ продовольственной помощи. Комитет должен был стать своего рода ответом на программу «Жертва ради примирения», запущенную немецким комитетом той же международной организации во главе с Г. Баэр в 1922 г. Тогда, «на фоне разногласий французского и немецкого правительств по вопросам репараций, группа немецких пацифистов предложила построить “Дом примирения” на севере Франции — регионе, наиболее затронутом [Первой мировой] войной» (в итоге от проекта пришлось отказаться из-за финансовых затруднений) [Doucet, 2018: 50]. Для Баэр, преподавательницы по профессии, цель франко-германского примирения была неразрывно связана с темами образования и молодежи, которые она акцентировала, возглавляя немецкий комитет Международной женской лиги за мир и свободу. С точки зрения Баэр, «мир в Европе зависит от франко-германского примирения, а это примирение, в свою очередь, зависит от молодых» [Kuhlman, 2008: 124].

К весне 1924 г., на фоне растущего разочарования в итогах политики Пуанкаре, постепенного затухания Рурского кризиса и приближавшихся выборов в Палату депутатов Третьей республики, пацифистские настроения во Франции стали нарастать. Победа на выборах предвыборной коалиции «Картель левых» (партия радикалов и партия социалистов) стала триумфом не только указанных политических сил, но и пацифизма.

О меняющемся общественном и интеллектуальном климате в 1924 г. свидетельствовали и гражданские демарши. К таким можно отнести, например, призыв со стороны региональных подразделений влиятельного Национального профсоюза учителей Франции, потребовавшего от издательских домов отказаться от учебников, которые были проникнуты националистической риторикой. Об относительной успешности подобных действий косвенно говорило исчезновение из большинства учебников начиная с 1926 г. терминов «бош» и «гунн» применительно к немцам [Siegel, 2004: 125, 132].

Таким образом, отдельные интеллектуальные инициативы вписывались в контекст осторожных попыток франко-германского примирения и дополняли тот «путь в Локарно», который в 1925 г. прошли официальный Париж и Берлин. Более того, интеллектуальные усилия по сближению и лучшему взаимопониманию должны были стимулировать дальнейшие официальные шаги по примирению и обеспечить этому процессу определенную «глубину», заложить фундамент для его долгосрочного развития [Logain, 1999: 221]. Развитие молодежных и студенческих организаций, ставивших задачу франко-германского сближения в качестве одной из приоритетных, давало в этом смысле определенную надежду. Республиканская и социалистическая лига университетского действия, образованная французскими студентами левых и левоцентристских убеждений в 1924 г., стала одной из влиятельных площадок для контактов между французской и немецкой молодежью [Naquet, 1990]. Наряду с известным в будущем политиком и государственным деятелем П. Мендес-Франсом, среди первых лидеров лиги выделялся Ж. А. Шваб — племянник промышленника А. Ситроена и будущий деятель партии радикалов.

**«Интеллектуальное Локарно»:
от истоков до постепенного затухания**

Локарнская дипломатия А. Бриана и Г. Штреземана переживала во второй половине 1920-х гг. свои взлеты и падения. «Интеллектуальная демобилизация», подкреплявшая и стимулировавшая попытки франко-германского примирения, также развивалась непросто. Безусловно, по сравнению с первыми послевоенными годами речь шла о небывалом всплеске взаимных контактов и совместных инициатив. Являясь в той или иной степени увязанными с «эрой Локарно», действия интеллектуалов двух стран вместе с тем не были полностью подчинены официальной дипломатии, а сама их активность реализовывалась не централизованно, а через сеть организаций и групп. Последние, как правило, имели друг с другом различные горизонтальные связи, подчас наблюдалась и система своеобразного «перекрестного» членства.

Среди общественно-культурных организаций, отчасти претендовавших на статус «головных» в деле франко-германской «интеллектуальной демобилизации» в «эпоху Локарно», можно выделить две. Во-первых, франко-германское общество, основанное в Берлине в январе 1928 г. во главе с искусствоведем и критиком О. Граутоффом [Воск, 2005]; во-вторых, лигу немецких исследований, образованную во французском Сансе в апреле того же года и возглавленную филологом А. Робине де Клеры [Воск, 1994].

Два общества, находившиеся в плотном контакте друг с другом, практиковали «перекрестное» членство в печатных органах, связанных с ними: в «Немецко-французском обозрении» («Deutsch-französische Rundschau») и «Журнале о Германии и немецкоязычных странах» («Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande») соответственно. О. Граутофф входил в редакционный совет франкоязычного журнала, а главный редактор последнего, филолог М. Буше, — в редакционный совет «Немецко-французского обозрения» [Passman, 2008b: 108]. Вместе с тем организации не были полностью равны. За пять лет существования максимальная численность членов Франко-германского общества доходила до 27 тыс. человек, в то время как Лига немецких исследований насчитывала только 3—4 тыс. членов [Guieu, 2016: 37].

Одним из ключевых направлений деятельности Граутоффа, специалиста по творчеству Н. Пуссена и О. Родена, стало воссоздание сети разорванных войной научно-культурных контактов между Францией и Германией. Болезненно переживая в начале 1920-х гг. разрыв прошлых связей, в том числе с писателем Р. Ролланом, который стал относиться к бывшему коллеге с подозрением, Граутофф во второй половине десятилетия стремился восстановить былые знакомства, в том числе используя свои неплохие связи в МИД Германии. Научно-культурные и общественно-политические компоненты его деятельности были плотно увязаны друг с другом [Воск, 2005].

Проведение Парижем и Берлином Локарнской политики дало очевидный импульс различным гражданским инициативам; последние, в свою очередь, подкрепляли дипломатические усилия и были призваны зафиксировать их результаты в долгосрочной перспективе.

Приведем лишь несколько примеров. Своеобразным «эхом» Локарнской политики в научном мире стали решения Международного научно-исследовательского совета, принятые летом 1926 г. «Под политическим давлением», как отмечает исследовательница вопроса, совет «отменил положение об исключении научных учреждений бывших стран-противниц и пригласил немецкие академии присоединиться к организации» [Rasmussen, 2007: 6—7].

Стремление отойти от воинственно-националистической риторики, характерной для довоенных учебников в системе среднего образования, было заметно среди членов Национального профсоюза учителей Франции. Так, в мае 1929 г. от его имени было отправлено письмо в крупное издательство «Арман Колен», в котором содержалось настойчивое требование пересмотреть школьные учебники по истории с учетом «твердого пацифизма» учительского корпуса. В противном случае, говорилось в письме, «мы сочтем необходимым рекомендовать нашим коллегам использовать лишь те учебники, которые проникнуты духом правды и непредвзятости», и соотносятся «с всеобщей волей учителей работать на пользу мира» [Siegel, 2004: 132].

О своеобразном «кумулятивном» эффекте, при котором различные инициативы в «духе Локарно» подкрепляли одна другую,

говорил пример Франко-германского комитета информации и документации. Данная организация была образована в мае 1926 г. по инициативе крупного люксембургского промышленника Э. Майриша, стремившегося сыграть роль посредника в процессе картелизации французских и немецких металлургических компаний. Комитет был призван стать площадкой для обмена мнениями и информацией между бизнес- и интеллектуальными элитами двух стран.

Нередко действуя как лоббистская бизнес-организация, Комитет Майриша стремился одновременно поспособствовать активизации культурно-образовательных контактов между Францией и Германией. Особенную активность на этом направлении проявляло берлинское бюро комитета во главе с французом П. Вьено, ветераном Первой мировой войны и бывшим помощником французского генерального резидента в Марокко маршала Ю. Лиотэ. Казалось бы, прошлая деятельность не готовила Вьено к делу франко-германского сближения, однако это было не совсем так. Опыт культурного влияния Франции и взаимодействия с местным населением в Марокко стимулировал Вьено акцентировать факторы культурного взаимодействия, необходимость понимания другой стороны для оказания на нее влияния. С его точки зрения, сеть различных взаимодействий между элитами Франции и Германии, формирование системы взаимопонимания между ними могли иметь прямые политические последствия, повысив уровень безопасности каждого из «соседей по Рейну» [Müller, 2005].

На посту главы берлинского бюро Комитета Майриша Вьено, среди прочего, занимался распределением стипендий, которые семья Майришей выделяла для французских студентов, дабы те могли съездить на учебную стажировку в Германию и наоборот [Pierre Bertaux, 2001: 184]. Он также организовывал «перекрестные» поездки представителей бизнес- и интеллектуальных элит двух стран. Весной 1928 г. Вьено и его берлинское бюро «находились в зените славы. Даже посольство Франции завидовало его контактам в немецком обществе и политических кругах, а также успехам в качестве посредника» [Müller, 2005: 62].

Деятельность Комитета Майриша была дополнена и личными усилиями супруги люксембургского бизнесмена, А. Майриш де Сент-Юбер. Еще в сентябре 1920 г. она организовала

в люксембургском замке Кольпах, где проживала семья Майришей, встречу между А. Жидом и германским государственным деятелем В. Ратенау [Chaubet, 2000: 109]. В последующем подобные дискуссии стали регулярными, что позволяло современникам говорить о «кружке Кольпах», подразумевая под ним относительно сплоченный, хотя и менявшийся по личному составу круг участников. Среди них были видные представители политических, бизнес- и интеллектуальных элит Франции, Германии и других стран. Помимо упоминавшихся В. Ратенау и А. Жида, можно назвать Р. Н. фон Куденхове-Калерги, писателей П. Клоделя и А. Кольб, бельгийского художника Т. ван Рейссельберге, ученого П. Ланжевена и многих других. Примечательно, что ряд членов «кружка Кольпах» (например, немецкий филолог, поклонник французской литературы и ветеран Первой мировой войны Э. Р. Курциус, входивший к тому же в состав Комитета Майриша) одновременно участвовал в декадах Понтины [Wilhelm, 2010: 216].

Представления членов «кружка Кольпах» о механизмах и способах осуществления франко-германского сближения не были идентичными. Для Ратенау, крупного политика и бизнесмена, одного из организаторов военной экономики Германии, одной из основ примирения с «соседом по Рейну» была активизация торгово-экономических связей и создание системы взаимодействия крупного бизнеса двух стран. Примером такого подхода стали франко-германские Висбаденские соглашения, подписанные В. Ратенау и французским политиком и бизнесменом Л. Лушёром 6—7 октября 1921 г. В итоге нереализованные, они предполагали решение проблемы германских репараций для Франции на базе растущего взаимодействия французских фирм-импортеров и немецких экспортеров [Воусе, 2009: 109—110].

Собеседник В. Ратенау, писатель А. Жид, размышлял о сближении двух стран, скорее, в культурно-ценностном ключе. С 1919 г. Жид призывал отделять образ Германии в целом и влияние «пруссачества» на нее (именно с последним ассоциировались милитаризм, культ силы и другие наиболее отрицательные черты). Для Жида Германия, несмотря на опасные черты ее культуры, была, как и Франция, частью Европы, и было важно, с его точки зрения, не допустить разворота Германии на Восток,

в сторону Советской России. О такой предполагаемой «угрозе» уже с 1920 г. писал Э. Р. Курциус — собеседник Жида по декадам Понтины [Meylan, 1969: 254—258].

Несмотря на разнообразную и разноплановую активность в целях «интеллектуальной демобилизации», развитую во второй половине 1920-х гг., ее практические результаты и достижения нередко оценивались достаточно пессимистично. Крайнеправые и националистические настроения с обеих сторон не исчезали, что подчеркивало хрупкость и относительность достижений «эры Локарно». Визит представительницы немецкой Лиги в защиту прав человека и видного педагога Э. Роттен, приглашенной в Париж в январе 1926 г. Национальным профсоюзом учителей Франции, обернулся скандалом: ее выступление сорвали члены крайне правой политической организации «Аксьон франсэз» [Siegel, 2004: 135]. Ввиду опасений перед аналогичными эксцессами, французская сторона сократила анонсы последовавших затем визитов немецких интеллектуалов (писателя Т. Манна, критика А. Керра и философа Г. фон Кайзерлинга). Комментируя эти события, посол Германии во Франции Л. фон Гёш в отчете от 6 февраля 1926 г. писал о прошедшей «неделе интеллектуального сотрудничества» с иронией и сарказмом. Через год настрой фон Гёша был аналогичным: он полагал, что разговоры об «интеллектуальном сотрудничестве» нередко подменяют собой реальность, окрашенную, скорее, в конфликтные тона [Passman, 2008b: 107].

Националистические заявления немецких деятелей, в свою очередь, настораживали французских протагонистов «интеллектуальной демобилизации». В феврале 1928 г. Вьено с опасением воспринимал выступления Штреземана в рейхстаге. В них министр иностранных дел Германии, подтверждая свою верность Локарнской политике, критиковал чрезмерные, с его точки зрения, требования Франции в сфере безопасности [Pierre Bertaux, 2001: 184]. Еще одним очевидным изъяном многих предпринимавшихся в 1920-е гг. попыток «интеллектуальной мобилизации» была узость их социальной базы [Guieu, 2002: 102].

Тем самым итоги и перспективы «интеллектуальной демобилизации» во взаимодействии французского и германского социумов, как и официальные отношения двух стран, выглядели к началу 1930-х гг. противоречивыми. Инициатива А. Бриана

по формированию Европейского федерального союза в 1929—1930 гг., ставшая продолжением Локарнской политики, вызвала позитивные отклики у сторонников «интеллектуальной демобилизации» по обе стороны Рейна. Л. Вайс, выражая позицию многих французских интеллектуалов-левоцентристов, считала, что инициатива Бриана должна стать «хартией нового порядка, который мы должны построить или погибнуть, если не сделаем этого» [Weiss, 1930: 2]. Определенным симптомом того, что работа по «интеллектуальной демобилизации» приносила плоды, говорили дискуссии французской и немецкой студенческой молодежи во время совместного похода по Шварцвальду в 1930 г. (его участники составили так называемый кружок Зольберг). Они строили планы «единого фронта» европейской молодежи в деле создания «новой Европы» [Racine, Trebitsch, 1994: 36].

В определенном смысле 1930-й год стал развилкой в процессе франко-германского примирения. Тогда, в лесах Шварцвальда, мирно беседовали люди, чьи судьбы в дальнейшем радикально разошлись. Будущий посол нацистской Германии в оккупированной Франции и большой поклонник французской культуры О. Абетц сидел буквально бок о бок с будущим героем французского Сопротивления П. Броссолетом, замученным гестапо [Naquet, 1990: 53].

Заключение

Можно констатировать, что процесс «интеллектуальной демобилизации» во франко-германских отношениях развивался в 1920-е гг. нелинейным образом. Попытки примирения с противником были относительно редкими в первые послевоенные годы. Доминирующим оставалось представление о взаимной враждебности французов и немцев, о мстительности первых, ставших победителями в войне, и о сохранявшейся агрессивности вторых, потерпевших поражение, но не готовых нести бремя ответственности. Если Рурский кризис ознаменовал собой пик франко-германской напряженности в 1920-е гг., то замаячившая угроза новой войны в Европе, напротив, стимулировала некоторые интеллектуальные и общественные попытки выйти из тупика «наследственной вражды». Все же они оставались немногочисленными

и, как правило, находились в противоречии с доминировавшим дискурсом и содержанием тогдашних отношений между Парижем и Берлином.

Ситуация стала серьезно меняться с 1924 г. Годом позже атмосфера подготовки, а затем заключения Локарнских соглашений активизировала попытки «интеллектуальной демобилизации». Однако к началу 1930-х гг. итоги развития этого процесса оставались противоречивыми, а его перспективы внушали определенную тревогу. Закрытие «скобок войны», как говорили современники, в том числе досрочный вывод французских войск с германских территорий на левом берегу Рейна в 1930 г. был призван открыть новую страницу в отношениях правительств и социумов двух стран. Реальная же ситуация оказалась, скорее, обратной.

На протяжении всего послевоенного десятилетия «интеллектуальная демобилизация» для ее протагонистов и участников по обе стороны Рейна не была целью *per se*. Скорее, она воспринималась как часть более масштабных процессов франко-германского взаимодействия и даже шире — европейской интеграции. При этом видение конечных целей этих процессов разнилось в зависимости от целого ряда факторов, в том числе политических убеждений и прагматических интересов тех или иных субъектов. Для французских и немецких коммунистов солидарность рабочих должна была привести к победе над французским и немецким капиталом; для католиков двух стран процесс «интеллектуальной демобилизации» был частью религиозного обновления и сплочения Европы; для ряда центристов сближение Франции и Германии должно было стать основой европейской интеграции. Для бизнеса по обе стороны Рейна, финансировавшего мероприятия по «интеллектуальной демобилизации» (особенно — среди элит), эти усилия были частью своего рода «альянса» лотарингской руды и рурского угля, фундаментом для новой картелизации Европы.

Таким образом, если разнонаправленные попытки по достижению «интеллектуальной демобилизации» и примирению между Францией и Германией после 1918 г. и не были обречены, то достигнутые к концу первого послевоенного десятилетия результаты все же отличались хрупкостью, а потенциал для их дальнейшего развития остался ограниченным.

Список источников

- Громова А. В.* Рихард Николаус Куденхов-Калерги и его идея Пан-Европы // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 189—197.
- Кораблева А. Е.* Панъевропейский проект Р. Куденхове-Калерги и международные отношения в Европе в 20—30-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Арзамас: Арзамаский государственно-педагогический институт, 2009. 220 с.
- Лазарева А. В.* Борьба немецких интеллектуалов против французского влияния (1635—1648) // Французский ежегодник 2018. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 60—77.
- Советско-германские отношения. 1922—1925 гг.: Документы и материалы. Ч. 1 / ред. кол.: С. Дёрнберг и др. М.: Политиздат, 1977. 408 с.
- Bard Ch.* A Bitter-Sweet Victory: Feminisms in France (1918—1923) // *Aftermaths of War: Women's Movements and Female Activists, 1918—1923* / ed. by I. Sharp, M. Stibbe. Leiden: Brill, 2011. P. 197—220.
- Barry G.* Marc Sangnier's War, 1914—1919: Portrait of a Soldier, Catholic and Social Activist // *Warfare and Belligerence: Perspectives in First World War Studies* / ed. by P. Purseigle. Leiden: Brill, 2005. P. 163—188.
- Bock H. M.* Les associations de germanistes français. L'exemple de la Ligue d'Études Germaniques // *Histoire des études germaniques en France (1900—1970)* / sous la dir. de M. Espagne, M. Werner. Paris: CNRS, 1994. P. 267—285.
- Bock H. M.* Otto Grautoff und die Berliner Deutsch-Französische Gesellschaft // *Französische Kultur im Berlin des Weimarer Republik. Kultureller Austausch und diplomatische Beziehungen* / Hrsg. v. H. M. Bock. Tübingen: Narr-Verlag, 2005. S. 69—100.
- Bock H. M.* Das virtuelle Europa. Franzosen und Deutsche in europäischen Projekten des Zwischenkriegszeit // *Deutschland und Frankreich in der Europäischen Union: Partner auf dem Prüfstand* / Hrsg. v. L. Albertin. Tübingen: Narr-Verlag, 2010. S. 31—54.
- Boyce R.* The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 611 p.
- Chaubet F.* Paul Desjardins et les décades de Pontigny. Villeneuve d'Ascq: Septentrion, 2000. 328 p.
- Doucet M.-M.* Quand la France occupait la Ruhr. L'opposition des pacifistes françaises à l'occupation de la Ruhr (1923—1925) // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 2018. No. 129—130. P. 48—53.
- Fine M.* A Passion for Action: the Three Political Crusades of Louise Weiss, 1915—1938. Ph. D. (History) Thesis. Los Angeles: University of California, 1997. 351 p.

- Gorguet I.* Les mouvements pacifistes et la réconciliation franco-allemande dans les années vingt (1919—1931). Bern: Peter Lang, 1999. 331 p.
- Guiu J.-M.* Pro-European Activism between the Wars: an Exploratory Assessment // *Comparare — Comparative European History Review*. 2002. No. 1. P. 95—110.
- Guiu J.-M.* Le rapprochement franco-allemand dans les années 1920: esquisse d'une véritable réconciliation ou entente illusoire? // *Les Cahiers Sirice*. No. 15. Paris: Sirice, 2016. P. 25—40.
- Ingram N.* The War Guilt Problem and the Ligue des droits de l'homme, 1914—1944. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019. 293 p.
- Knipping F.* Deutschland, Frankreich und das Ende der Locarno-Ära 1928—1931. Studien zur internationalen Politik in der Anfangsphase der Weltwirtschaftskrise. München: Oldenbourg, 1987. 261 S.
- Kuhlman E.* Reconstructing Patriarchy after the Great War: Women, Gender, and Postwar Reconciliation between Nations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. 246 p.
- Les sorties de guerre: Reconstructions nationales et recompositions territoriales / sous la dir. de C. Fleteau // *Les Cahiers Sirice*. No. 17. Paris: Sirice, 2016. 82 p.
- Lorrain S.* Des pacifistes français et allemands, pionniers de l'entente franco-allemande (1871—1925). Paris: Harmattan, 1999. 304 p.
- Meylan J.-P.* La Revue de Genève: miroir des lettres européennes, 1920—1930. Genève: Droz, 1969. 522 p.
- Millet Ph.* Ce que pourrait être le plan de la paix // *L'Europe nouvelle*. 1923. 10 mars. P. 291—293.
- Müller G.* Pierre Viénot und das Berliner Büro des Deutsch-Französischen Studienkomitees // *Französische Kultur im Berlin des Weimarer Republik. Kultureller Austausch und diplomatische Beziehungen* / Hrsg. v. H. M. Bock. Tübingen: Narr-Verlag, 2005. S. 53—68.
- Naquet E.* Eléments pour l'étude d'une génération pacifiste dans l'entre-deux-guerres: la LAURS et le rapprochement franco-allemand (1924—1933) // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 1990. No. 18. P. 50—58.
- Passman E.* The Cultivation of Friendship: French and German Cultural Cooperation, 1925—1954. Ph. D. (History) Thesis. Chapel Hill: Univ. of North Carolina, 2008a. 488 p.
- Passman E.* Civic Activism and the Pursuit of Cooperation in the Locarno Era // *A History of Franco-German Relations in Europe: From "Hereditary Enemies" to Partners* / ed. by C. Germond, H. Türk. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008b. P. 101—112.

- Pierre Bertaux. *Un normalien à Berlin. Lettres franco-allemandes, 1927—1933* / sous la dir. de H. M. Bock, G. Krebs, H. Schulte. Paris: Sorbonne Nouvelle, 2001. 418 p.
- Prat O. “La Paix par la jeunesse”. Marc Sangnier et la réconciliation franco-allemande, 1921—1939 // *Histoire@Politique*. 2010. No. 10. P. 1—13.
- Racine N., Trebitsch M. *L’Europe avant la pluie. Les intellectuels et l’idée européenne dans l’entre-deux-guerres* // *Mélusine*. 1994. No. 14. P. 23—36.
- Rasmussen A. Réparer, réconcilier, oublier: enjeux et mythes de la démobilisation scientifique, 1918—1925 // *Histoire@Politique*. 2007. No. 3. P. 1—14.
- Reytier M.-E. La politique allemande de la France et de la Grande-Bretagne dans *L’Europe Nouvelle*, 1918—1924 // *Synergies*. 2011. No. 4. P. 35—49.
- Schroeder-Gudehus B. *Les scientifiques et la paix: La communauté scientifique internationale au cours des années 20*. Montréal: Presses de l’Université de Montréal, 2014. 372 p.
- Siegel M. L. *The Moral Disarmament of France: Education, Pacifism, and Patriotism, 1914—1940*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 317 p.
- Sorties de guerre // *Cahiers du CEHD*. No. 32. Vincennes: SHD, 2007. 197 p.
- The Collected Papers of Albert Einstein*. Vol. 13 / ed. by D. Kormos Buchwald. Princeton: Princeton Univ. Press, 2012. 414 p.
- Vellacott J. A Place for Pacifism and Transnationalism in Feminist Theory: the Early Work of the Women’s International League for Peace and Freedom // *Women’s History*. 1993. Vol. 2, no. 1. P. 23—56.
- Weiss L. Quelques faits nouveaux en Europe Centrale // *L’Europe nouvelle*. 1921. 9 juillet. P. 876.
- Weiss L. Vœux pour la Fédération européenne // *L’Europe nouvelle*. 1930. 4 janvier. P. 2—3.
- Wilhelm F. Le Grand-Duché de Luxembourg au croisement des cultures européennes // *Europa zwischen Fiktion und Realpolitik / L’Europe — fictions et réalités politiques* / Hrsg. v. R. Marti, H. Vogt. Bielefeld: Transcript, 2010. S. 207—230.
- Women’s International League for Peace and Freedom*. Report of the Fourth Congress. Washington: Women’s International League, 1924. 178 p.

References

- Bard, Ch. (2011), ‘A Bitter-Sweet Victory: Feminisms in France (1918—1923)’, in Sharp, I. and Stibbe, M. (eds), *Aftermaths of War: Women’s Movements and Female Activists, 1918—1923*, Brill, Leiden, Netherlands: 197—220.

- Barry, G. (2005), 'Marc Sangnier's War, 1914—1919: Portrait of a Soldier, Catholic and Social Activist', in Purseigle, P. (ed.), *Warfare and Belligerence: Perspectives in First World War Studies*, Brill, Leiden, Netherlands: 163—188.
- Bock, H.M. (1994), 'Les associations de germanistes français. L'exemple de la Ligue d'Études Germaniques', in Espagne, M. et Werner, M. (dir.), *Histoire des études germaniques en France (1900—1970)*, CNRS, Paris, France: 267—285.
- Bock, H.M. (2005), 'Otto Grautoff und die Berliner Deutsch-Französische Gesellschaft', in Bock, H. M. (Hrsg.), *Französische Kultur im Berlin des Weimarer Republik. Kultureller Austausch und diplomatische Beziehungen*, Narr-Verlag, Tübingen, Germany: 69—100.
- Bock, H. M. (2010), 'Das virtuelle Europa. Franzosen und Deutsche in europäischen Projekten des Zwischenkriegszeit', in Albertin, L. (Hrsg.), *Deutschland und Frankreich in der Europäischen Union: Partner auf dem Prüfstand*, Narr-Verlag, Tübingen, Germany: 31—54.
- Bock, H. M., Krebs, G. et Schulte, H. (dir.) (2001), *Pierre Bertaux. Un normalien à Berlin. Lettres franco-allemandes, 1927—1933*, Sorbonne Nouvelle, Paris, France.
- Boyce, R. (2009), *The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Centre d'études d'histoire de la défense (dir.) (2007), *Cahiers du CEHD*, no. 32: Sorties de guerre, SHD, Vincennes, France.
- Chaubet, F. (2000), *Paul Desjardins et les décades de Pontigny*, Septentrion, Villeneuve d'Ascq, France.
- Doernberg, S. et al. (eds) (1977), *Sovetsko-germanskije otnosheniia 1922—1925 gg. Dokumenty i materialy* [Soviet-German relations in 1922—1925. Documents and materials], pt. 1, Politizdat, Moscow, Russia.
- Doucet, M.-M. (2018), 'Quand la France occupait la Ruhr. L'opposition des pacifistes françaises à l'occupation de la Ruhr (1923—1925)', *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, no. 129—130: 48—53.
- Fine, M. (1997), *A Passion for Action: the Three Political Crusades of Louise Weiss, 1915—1938*, Ph. D. (History) Thesis, University of California, Los Angeles, California.
- Flateau, C. (dir.) (2016), *Les Cahiers Sirice*, no. 17: Les sorties de guerre: Reconstructions nationales et recompositions territoriales, Sirice, Paris, France.
- Gorguet, I. (1999), *Les mouvements pacifistes et la réconciliation franco-allemande dans les années vingt (1919—1931)*, Peter Lang, Bern, Switzerland.

- Gromova, A. V. (2007), 'Richard Nikolaus Kudenkhov-Kalergi i ego ideia Pan-Evropy [Richard von Coudenhove-Kalergi and his idea of Pan-Europe]', *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], iss. 20: 189—197.
- Guieu, J.-M. (2002), 'Pro-European Activism between the Wars: an Exploratory Assessment', *Comparare — Comparative European History Review*, no. 1: 95—110.
- Guieu, J.-M. (2016), 'Le rapprochement franco-allemand dans les années 1920: esquisse d'une véritable réconciliation ou entente illusoire?', *Les Cahiers Sirice*, no. 15: 25—40.
- Ingram, N. (2019), *The War Guilt Problem and the Ligue des droits de l'homme, 1914—1944*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Knipping, F. (1987), *Deutschland, Frankreich und das Ende der Locarno-Ara 1928—1931. Studien zur internationalen Politik in der Anfangsphase der Weltwirtschaftskrise*, Oldenbourg, München, Germany.
- Korableva, A. E. (2009), *Pan''evropeiskii proekt R. Kudenkhove-Kalergi i mezhdunarodnye otnosheniia v Evrope v 20—30-e gg. XX veka* [Pan-European project of R. Coudenhove-Kalergi and the international relations in Europe in the 1920—1930s], Ph. D. (History) Thesis, Arzamaskii gosudarstvenno-pedagogicheskii institut, Arzamas, Russia.
- Kormos Buchwald, D. (2012) (ed.), *The Collected Papers of Albert Einstein*, vol. 13, Princeton University Press, Princeton, New Jersey.
- Kuhlman, E. (2008), *Reconstructing Patriarchy after the Great War: Women, Gender, and Postwar Reconciliation between Nations*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Lazareva, A. V. (2018), 'Bor''ba nemetskikh intellektualov protiv frantsuzskogo vliianiia (1635—1648)' [The struggle of the German intellectuals against the French influence (1635—1648)], *Frantsuzskii ezhegodnik 2018*, Institut vseobshhei istorii Rossiiskoi Akademii Nauk, Moscow, Russia: 60—77.
- Lorrain, S. (1999), *Des pacifistes français et allemands, pionniers de l'entente franco-allemande (1871—1925)*, Harmattan, Paris, France.
- Meylan, J.-P. (1969), *La Revue de Genève: miroir des lettres européennes, 1920—1930*, Droz, Genève, Switzerland.
- Millet, Ph. (1923), 'Ce que pourrait être le plan de la paix', *L'Europe nouvelle*, 10 mars: 291—293.
- Müller, G. (2005), 'Pierre Viénot und das Berliner Büro des Deutsch-Französischen Studienkomitees', in Bock, H. M. (Hrsg.), *Französische Kultur im Berlin des Weimarer Republik. Kultureller Austausch und diplomatische Beziehungen*, Narr-Verlag, Tübingen, Germany: 53—68.
- Naquet, E. (1990), 'Eléments pour l'étude d'une génération pacifiste dans l'entre-deux-guerres: la LAURS et le rapprochement franco-allemand

- (1924—1933)', *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, no. 18: 50—58.
- Passman, E. (2008a), *The Cultivation of Friendship: French and German Cultural Cooperation, 1925—1954*, Ph. D. (History) Thesis. Thesis, University of North Carolina, Chapel Hill.
- Passman, E. (2008b), 'Civic Activism and the Pursuit of Cooperation in the Locarno Era', in Germond, C. and Türk, H. (eds), *A History of Franco-German Relations in Europe: From "Hereditary Enemies" to Partners*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK: 101—112.
- Prat, O. (2010), "'La Paix par la jeunesse". Marc Sangnier et la réconciliation franco-allemande, 1921—1939', *Histoire@Politique*, no. 10: 1—13.
- Racine, N. et Trebitsch, M. (1994), 'L'Europe avant la pluie. Les intellectuels et l'idée européenne dans l'entre-deux-guerres', *Mélusine*, no. 14: 23—36.
- Rasmussen, A. (2007), 'Réparer, réconcilier, oublier: enjeux et mythes de la démobilisation scientifique, 1918—1925', *Histoire@Politique*, no. 3: 1—14.
- Reytier, M.-E. (2011), 'La politique allemande de la France et de la Grande-Bretagne dans *L'Europe Nouvelle*, 1918—1924', *Synergies*, no. 4: 35—49.
- Schroeder-Gudehus, B. (2014), *Les scientifiques et la paix: La communauté scientifique internationale au cours des années 20*, Presses de l'Université de Montréal, Montréal, Canada.
- Siegel, M. L. (2004), *The Moral Disarmament of France: Education, Pacifism, and Patriotism, 1914—1940*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Vellacott, J. (1993), 'A Place for Pacifism and Transnationalism in Feminist Theory: the Early Work of the Women's International League for Peace and Freedom', *Women's History*, vol. 2, no. 1: 23—56.
- Weiss, L. (1921), 'Quelques faits nouveaux en Europe Centrale', *L'Europe nouvelle*, 9 juillet: 876.
- Weiss, L. (1930), 'Vœux pour la Fédération européenne', *L'Europe nouvelle*, 4 janvier: 2—3.
- Wilhelm, F. (2010), 'Le Grand-Duché de Luxembourg au croisement des cultures européennes', in Marti, R. und Vogt, H. (Hrsg.), *Europa zwischen Fiktion und Realpolitik / L'Europe — fictions et réalités politiques*, Transcript, Bielefeld, Germany: 207—230.
- Women's International League for Peace and Freedom (1924). *Report of the Fourth Congress*. Women's international league, Washington, D. C.

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 24.11.2022.

The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 24.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

И. Э. Магадеев — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, факультет международных отношений, Московский государственный институт (университет) международных отношений, Россия.

I. E. Magadeev — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of European and American Studies, School of International Relations, Moscow State Institute (University) of International Relations, Russia.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 79—96.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 79—96.

Научная статья

УДК 1(091)(47)

DOI: 10.46725/IW.2023.1.4

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ П. А. ФЛОРЕНСКОГО

**Марина Вячеславовна Давыденко¹,
Анна Юрьевна Чередникова²**

^{1, 2} Московский международный университет, Москва, Россия

¹ davydenkomaryna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4826-1037>

² anna41975@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3886-1688>

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявления специфических параметров (критериев) художественности как философско-эстетической и искусствоведческой категории в трудах П. А. Флоренского.

Проблема художественности в философии искусства, эстетике, искусствознании является одной из базовых, ключевых, поскольку касается самих оснований художественного творчества, искусства.

В контексте классического периода развития искусства вопрос о сущности художественности связывался напрямую с выдвижением художественных критериев (свойств), которые отражают художественную ценность произведения. Формируется парадигмальный подход к данной проблеме, согласно которому художественность является сущностным,

таинственным свойством искусства, постоянно «ускользающим» от определения, но проявляющимся в ходе смены художественных парадигм.

Ценной в теоретико-искусствоведческом аспекте является трактовка художественности в трудах представителей русской интеллигенции конца XIX — начала XX в., в которых проанализирован онтологический статус художественности как свойства бытия.

В заключение работы формулируются выводы, отражающие специфику трактовки Павлом Флоренским принципов, лежащих в основе художественности. Выявляются признаки-критерии художественности как философско-эстетической и искусствоведческой категории в трудах философа.

Ключевые слова: П. Флоренский, художественность, русская философия, художественная ценность, эстетика, философия искусства, искусствознание

Для цитирования: Давыденко М. В., Чередникова А. Ю. Проблема художественности в философско-эстетических воззрениях П. А. Флоренского // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 79—96.

Original article

THE PROBLEM OF ARTISTRY IN PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC VIEWS P. A. FLORENSKY

Marina V. Davydenko¹, Anna Yu. Cherednikova²

^{1,2} Moscow International University, Moscow, Russia

¹ davydenkomaryna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4826-1037>

² anna41975@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3886-1688>

Abstract. The article attempts to identify specific parameters (criteria) of artistry as a philosophical, aesthetic and art criticism category in the works of P. A. Florensky.

The problem of artistry in the philosophy of art, aesthetics, art studies is one of the basic, key ones, since it concerns the very foundations of artistic creativity, art.

In the context of the classical period of art development, the question of the essence of artistry was directly connected with the nomination of artistic criteria (properties that reflect the artistic value of the work). A paradigmatic approach to this problem is being formed, according to which artistry is

an essential, mysterious property of art, constantly “escaping” from definition, but manifesting itself during the change of artistic paradigms.

In this context, the interpretation of artistry in the works of representatives of the Russian intelligentsia of the late XIX — early XX century is valuable in the theoretical and art criticism aspect, in which the ontological status of artistry as a property of being, the prerequisites of vitality as such are analyzed.

In the conclusion of the work, observations are formulated that reflect the specifics of Pavel Florensky’s interpretation of the principles underlying artistry. The signs and criteria of artistry as a philosophical, aesthetic and art criticism category in the works of the philosopher are revealed.

Keywords: P. Florensky, artistry, Russian philosophy, artistic value, aesthetics, philosophy of art, art history

For citation: Davydenko, M. V., Cherednikova, A. Yu. (2023), ‘The problem of artistry in philosophical and aesthetic views P. A. Florensky’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 79—96 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Категория «художественность» — базовая онтологическая характеристика явлений искусства, предстающая в классическом искусствознании как сложный и многоплановый феномен, уникальное системное качество всех сторон художественного произведения, включающее ряд параметров (признаков художественности). Формирование и развитие новейших направлений в искусстве рубежа XX—XXI вв. свидетельствует о том, что «классический» смысл данной эстетической категории утрачивается. Сегодня представления о границах художественного и антихудожественного размываются, претерпевает изменения трактовка самого феномена художественности, подвергается переосмыслению весь инструментарий художественной оценки, в том числе сама необходимость опоры на критерии (параметры) художественности. В данном контексте затрудняется изучение, систематизация, произведений современного искусства, их научный анализ, являющийся важнейшей задачей искусствоведения. Вопросы о переосмыслении проблемы художественности, вопросы создания «словаря» нового типа, который смог бы зафиксировать специфику современного искусства, а также поиска новой философско-гуманитарной методологии искусствоведческого анализа

остаются в настоящее время актуальными. Соотнесение философских оснований новой формирующейся сегодня эстетики и эстетических систем прошлого может, на наш взгляд, определить некоторые особенности современной эстетической парадигмы.

Среди представителей русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX в., отличающихся пристальным вниманием к этико-эстетической проблематике, проанализировавших взаимодействие категорий «этическое», «эстетическое», «художественное» как основ духовного мира личности следует назвать Павла Александровича Флоренского (1882—1937). Современники называли мыслителя «русский Леонардо» за многогранность круга его научных интересов: от теории искусства до инженерных исследований. Его жизнь проходила в эпицентре художественных и духовных исканий эпохи. В 1911 г. П. А. Флоренский принял духовный сан, после Октябрьского переворота работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Павел Флоренский посвятил множество работ сущности художественного творчества. В период с 1916 по 1925 гг. им были написаны сочинения философско-эстетического характера: «Иконостас», «Очерки философии культа», «Обратная перспектива», «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», «Анализ перспективы» (опубликованные лекции, прочитанные в 1921—1924 гг. студентам печатно-графического факультета ВХУТЕМАСа).

Краткий историографический обзор. Фундаментальный статус категории «художественность» в науках об искусстве предопределяет обращение к изучению трудов по эстетике, теории искусства, культурологии, искусствознанию, истории философии. Так, данная категория проанализирована исследователями в качестве базовой для эстетики и искусствознания в работах М. С. Кагана [Каган, 1997; 2000], Д. И. Бахтизиной [Бахтизина, 2004], М. В. Давыденко [Давыденко, 2006], А. В. Гулыги [Гулыга, 2000], Я. Мукаржовского [Мукаржовский, 1994] и др. В трудах Т. В. Любимовой [Любимова, 1996] и Д. И. Бахтизиной [Бахтизина, 2004] анализируется проблема «аксиологичности» произведения искусства. В контексте теории искусства художественность была исследована литературоведами А. Н. Веселовским [Веселовский, 1989], В. В. Виноградовым [Виноградов, 1990],

С. Аверинцевым [Аверинцев, 2001], В. И. Тюпой [Тюпа, 1987; 2009]. С позиции путей и методов анализа творчества художников художественность как категория была изучена в работах Д. В. Пивоварова [Пивоваров, 2000; Жуковский, Пивоваров, 1998], В. П. Бранского [Бранский, 1999], Е. А. Петровой [Петрова, 2015] и др. Множество исследований посвящено изучению специфических проявлений красоты в искусстве (художественности), в частности, это труды В. И. Жуковского [Жуковский, 2010; Жуковский, Пивоваров, 1991; 1998; Дмитриева, Жуковский, 2015], Д. В. Пивоварова [Жуковский, Пивоваров, 1991; 1998], В. А. Копчика [Копчик, 1988; 2004]. Философско-эстетическая концепция П. А. Флоренского стала предметом исследования в диссертациях, монографиях и научных статьях Г. В. Варакиной [Варакина, 2009], Н. А. Фроловой [Фролова, 2008], П. В. Ляшенко [Ляшенко, 2011], О. И. Генисаретского [Генисаретский, 2000], В. В. Бычкова [Бычков, 1990; 2009], А. Я. Кожурина [Кожурин, 2014], В. И. Лукьянчикова [Лукьянчиков, 1999] и др.

Таким образом, несмотря на многоаспектное изучение сущности категорий «художественность», «художественная ценность», «эстетическое» в трудах исследователей, выявление ими исторических парадигм художественности, отдельных аспектов художественности в разных видах искусства, такой аспект, как понимание специфики художественности в философско-эстетическом наследии П. А. Флоренского не нашел полного отражения в эстетических и искусствоведческих трудах.

Постановка вопроса. Предметом научного анализа в данной работе стала трактовка категории «художественность», критериев художественности в философско-эстетических трудах П. А. Флоренского.

Аксиологическая постановка проблемы позволяет выявить специфику и очертить контуры эстетического идеала русской интеллигенции, эстетических представлений, выраженных в произведениях целого ряда мыслителей конца XIX — начала XX в.: К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова. Несмотря на различие философских позиций, для них было характерно осознание неразрывной связи этической и эстетической сфер, трактовка красоты и художественности как фундаментальных основ бытия.

Методология и методы исследования

В качестве методологии исследования за основу взят историко-философский подход (Н. О. Лосский, К. Поппер, Т. Кун), аксиологическая концепция культуры (М. Шелер, Н. Гартман, М. С. Каган), системный подход (А. Богданов, М. С. Каган). Сущность и специфика художественности была исследована с опорой на системный подход, позволивший осуществить анализ художественности как своеобразной системы, включающей ряд элементов, составляющих единство. Использование аксиологической концепции основывалось на разработанных теоретиками аксиологии категорий «эстетическая ценность», «художественная ценность», а также на основных этапах ценностного анализа художественных произведений. Историко-философский подход позволил проследить связь между философско-эстетическим идеалом конкретной эпохи и воззрениями мыслителя, в которых нашла отражение эстетическая парадигма.

Основная часть

В эстетических воззрениях Павла Александровича Флоренского ярко отразились черты русской религиозно-философской парадигмы, для которой характерна тесная взаимосвязь категорий этического и эстетического [Фролова, 2008: 12]. Познание истины в представлении русской интеллигенции — это укорененный в живом бытии этический и эстетический акт. В традициях русской философской мысли познание трактуется как внутреннее «присваивание» знания, выражающееся в качественном изменении внутреннего состояния субъекта.

В представлении П. А. Флоренского человек проявляет свою активность в творчестве и познании. Как отмечает Г. В. Варакина, основой культуры для философа является деятельность человека по организации пространства [Варакина, 2009: 112]. Многими исследователями наследия о. Павла Флоренского подчеркивалось, что в основе его философских построений лежало стремление возвратиться к религиозным православным традициям, опора на церковное предание. По мысли В. И. Лукьянчикова, мировоззрение о. Павла было глубоко теоцентричным по своей сути; философ был убежден, что церковное искусство способно установить связь между человеком и Богом,

осуществить преобразование действительности, то есть теургию [Лукьянчиков, 1999: 6]. С точки зрения А. Я. Кожурина, попыткой возвращения к религиозной традиции становится русский религиозный эстетизм по типу христианского платонизма, проявленный полнее всего из русских мыслителей в философии П. А. Флоренского [Кожурин, 2014: 126].

Искусство являет собой одну из трех сфер культуры, помимо науки и техники, формирующуюся под воздействием преображающей силы человеческого сознания. Именно в искусстве преображенное пространство максимально насыщено содержанием. Художественное творчество П. А. Флоренский понимает как отражение в земном пространстве божественной истины. Сущностную характеристику искусства Павел Флоренский дает в таких трудах, как «Столп и утверждение истины», «Иконостас», «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях». В работе «Столп и утверждение истины» раскрывается понимание Флоренским красоты как ценности бытия. Источником красоты, по мысли философа, выступает Бог, проявление прекрасного связывается с образом Святого Духа. Творческий акт мыслитель трактует как овеществление духовного знания, постижение глубинной сущности реальности. Это предопределило обращение мыслителя к опыту развития искусства и эстетической традиции средневековой Руси и Византии, в которых в символических образах выражен духовный опыт православия.

В философско-эстетических воззрениях Флоренского дано представление об иерархии прекрасного, включающего две «ступени» — красоту тварную, земную, воплощенную в форме и символе, и красоту духовную. В диссертационном исследовании П. В. Ляшенко представлено положение о том, что в философии П. А. Флоренского категория «святость» в эстетическом аспекте — это «художество из художеств» или «искусство из искусств», которое представляет собой «искусство высшего типа», отмеченное не только мастерством, но и креативным началом, обновляющим и преображающим бытие [Ляшенко, 2011: 13]. В русле платоников, в частности, философской концепции Августина Аврелия мыслитель выявляет двойственность прекрасного, обуславливающую восхождение по ступеням красоты и антиничность прекрасного, существующего в мире земном.

Флоренский тяготел в своей эстетической концепции к средневековому религиозно-философскому учению о филокалии, суть которого является единство добра, любви и красоты, эволюция духовного мира посредством любви к подлинной духовной Красоте. Анализируя отличия своей эстетической позиции от воззрений философа К. Н. Леонтьева, о. Павел писал: «Смею утверждать, что эти два эстетизма, в существе своем, не имеют ничего общего, несмотря на внешнее их сходство..... Там красота — лишь оболочка, наиболее внешний из различных продольных слоев бытия; а тут — он не один из многих “продольных” слоев, а сила, пронизывающая все слои поперек. Там красота далее всего от религии, а тут она более всего выражается в религии. Там жизнепонимание афеистическое или почти афеистическое; тут же — Бог и есть Высшая Красота, чрез причастие к Которой все делается прекрасным» [Флоренский, 1990: 585—586].

Воззрения мыслителя на сферу эстетического опыта выразились в работе «Иконостас», а также в курсе лекций П. А. Флоренского «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях». В них искусство анализируется с позиции духовного возвышения личности, формулируется концепция «пространственного», а также определяются основные эстетические категории, отражающие сущность художественности.

Для Флоренского истинное и наиболее глубокое искусство — это искусство символическое в противоположность искусству натуралистическому, копирующему внешний облик действительности [Бычков, 2009: 418]. Образцом символизма в искусстве, а по сути, подлинной художественности, в представлении Флоренского являлась икона. По мысли философа, духовное содержание может быть проявлено только в материальной действительности, чувственно воспринимаемой. П. Флоренский писал: «Всякое изображение, по необходимой символичности своей, раскрывает свое духовное содержание не иначе как в нашем духовном восхождении “от образа к первообразу”, то есть при онтологическом соприкосновении нашем с самим первообразом: тогда, и только тогда чувственный знак наливается соками жизни и, тем самым, неотделимый от своего первообраза, делается уже не “изображением”, а передовой волной или одной из передовых волн, возбуждаемых реальностью» [Флоренский, 1993: 49]. Символ выступает как двуединый по своей

природе, так как не только обозначает нечто иное, но и является носителем этого иного, следовательно, он антиномичен, объединяя взаимоисключаемое. С одной стороны, символ наделен духовной силой обозначаемого Предмета, с другой сам, по сути, является этим обозначаемым Предметом.

В представлении о Павла икона представляет собой совершенный эстетический феномен, вершину художественно-эстетических ценностей. Он писал: «Иконопись есть чисто выраженный тип искусства, где все одно к одному: и вещество, и поверхность, и рисунок, и предмет, и назначение целого, и условия его созерцания; эта связность всех сторон иконы соответствует органичности целостной церковной культуры» [Флоренский, 1993: 149]. Совершенство этого типа искусства коренится в его глубокой реалистичности, ведь подлинный реализм, по Флоренскому, это «художественное воплощение истины вещей». Истинная художественность представляет собой отражение объективно-прекрасного, а значит, божественных истин. В работе «Иконостас» мыслитель конкретизирует интенцию подлинного художника: «...Между тем, истинный художник хочет не своего во что бы то ни стало, а прекрасного, объективно-прекрасного, то есть художественно воплощенной истины вещей, и вовсе не занят мелочным самолюбивым вопросом, первым ли или сотым говорит он об истине» [Флоренский, 1993: 62]. Основопологающий признак художественности мыслитель формулирует следующим образом: «Всякая живопись имеет целью вывести зрителя за предел чувственно воспринимаемых красок и холста в некоторую реальность, и тогда живописное произведение разделяет со всеми символами вообще основную их онтологическую характеристику — быть тем, что они символизируют. А если своей цели живописец не достиг, вообще ли или применительно к данному зрителю, и произведение никуда за себя самого не выводит, то не может быть и речи о нем, как о произведении искусства» [Флоренский, 1993: 44]. Таким образом, иконопись выступает для мыслителя своего рода эталоном художественности, критериями которой выступает реализм, понимаемый как отражение объективной истины, символичность, отсутствие случайных элементов, художественная цельность произведения.

Задача искусства мыслилась философом как проявление «...человечности, подлинного и беспримесного выражения живого человеческого опыта .... все, что не имеет центром самого человека, это есть фальсификация художественного опыта» [Флоренский, 2000: 276]. П. Флоренский полагал, что все виды искусства базируются на единой основе, а именно, являют собой деятельность по организации пространства. По мнению О. И. Генисаретского, ориентация на исследование пространственности была присуща множеству философских концепций изучаемого периода (например, концепции В. И. Вернадского), что было обусловлено переосмыслением пространства и времени как научных феноменов [Генисаретский, 2000: 15, 42]. По мнению автора, цикл статей П. Флоренского «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» типологически выразил собой переломный момент в развитии взглядов на методологическое, общекультурное и духовное значение пространственности [Генисаретский, 2000: 16].

В понимании П. Флоренского живопись и графика являются «искусством по преимуществу». Ведь они настаивают на приложении усилий зрителя в процессе изучения и восприятия, демонстрируют ему наглядные и чувственные образы, включающие в себя программу этого восприятия. Тем самым раскрывается понимание философом сущности художественного. Цель искусства он видел в преобразовании действительности, проявлении в ней общезначимого, переорганизации пространства.

В лекции «Значение пространственности» П. Флоренский отмечает, что эстетический анализ по преимуществу и является анализом пространственности художественного произведения. По его словам, «...в художественном произведении ни сюжет, ни манера, ни технические средства, ни фактура характеризуют его наиболее существенно, а именно строение его пространства» [Флоренский, 2000: 273]. Суть деятельности художника как раз и заключается в том, чтобы сначала отграничить некую эстетическую область, художественно организовав новое пространство. По Флоренскому, существуют законы и способы передачи пространства, создания художественного пространства, следовательно, в структуре художественного произведения нет случайных элементов.

Анализируя структуру художественного произведения, мыслитель определил и разграничил такие ключевые искусствоведческие понятия, как «композиция» и «конструкция». П. Флоренский утверждал, что художественное произведение нуждается в двойственном подходе к нему. «Произведение как таковое, — писал Павел Флоренский, — реальность, которая больше себя самой, то есть такая, которая говорит нам и дает больше, чем она есть чувственно и непосредственно» [Флоренский, 2000: 363].

В данном контексте конструкцией мыслитель называл схему или план художественного произведения с точки зрения его смысла, композицией — схему или план пространственного единства произведения. Сущностью и неперменным условием художественности П. Флоренский называл предметность, осмысленность (конструктивное начало), выход художника за область изобразительных средств. Однако композиция выполняет при этом особую функцию. Она предохраняет восприятие произведения от психологического произвола и искажений, поскольку предоставляет зрителю определенный план, согласно которому должно разворачиваться эстетическое содержание. Таким образом, композиция есть то, что художник вносит в свое произведение, конструкция — то, с чем он вынужден считаться, элементы строения самой действительности.

П. Флоренский писал: «Изобразительное произведение есть не более как запись некоторого ритма образов, и в самой записи даются ключи к чтению ее» [Флоренский, 2000: 219]. При этом не всякое композиционное решение является законным, то есть вся конструкция должна быть проведена через композицию, обоснована композиционно. Мыслитель подтверждает свои положения, анализируя портрет как жанр изобразительного искусства, в котором определенные ракурсы (фас, профиль) тесно связаны с выражаемым. Художественность требует, чтобы неуравновешенность художественного образа находила в себе противовес и точку опоры в некотором другом образе. Ослабление одного из начал грозит искусству односторонним субъективизмом или объективизмом. Например, ослабление конструкции приводит к отказу от изображения и замене его самой вещью (натурализм). К нигилистическим приемам натурализма мыслитель относил прямую перспективу, полагая, что ее сущность — «не давать глазу покоиться ни на одной вещи, но всегда идти мимо каждой

из них» [Флоренский, 2000: 155]. Полную уравнищенность композиционного и конструктивного начал Флоренский усматривает лишь в греческом искусстве и в иконописи.

Основная характеристика произведения как художественного — его целостность, внутренняя замкнутость. Основой целостности является взаимная связь и обусловленность отдельных элементов в пространстве произведения. Поэтому суть деятельности художника есть иллюзия [Флоренский, 2000: 262]. Первый признак целостности, по мнению П. Флоренского, — символичность произведения. Символ понимался им как такая реальность, которая несет в себе энергию другой реальности, непосредственно неявленной, неуловимой для всех анализов [Флоренский, 2000: 306]. Символизм трактуется мыслителем как способ художественного мышления, противоположный натурализму (субъективному взгляду художника на вещи).

Заключение

В целом, на наш взгляд, основной принцип, лежащий в основе художественности в трактовке П. Флоренского, — это принцип упорядоченности, цельности. Он означает, что все элементы художественного произведения должны раскрываться в определенной последовательности, что обеспечивает в первую очередь композиционное построение произведения. Основной замысел произведения должен быть ключом к этому порядку [Флоренский, 2000: 385].

Признаками-критериями художественности являются предметность, выражение смыслов, значимых для человека и культуры, замкнутость художественного произведения как отграниченной в себе реальности, проявление символического начала, равновесие между началами композиции и конструкции, при котором композиционный план лежит в основе конструкции. Сквозь все эстетические работы философа проходит мысль о том, что произведение искусства представляет собой некую упорядоченность, содержащую в себе программу ее развертывания, следовательно, необходим такой же упорядоченный подход к эстетическому его анализу. А значит, анализ художественно-эстетической ценности произведения является обратной по отношению к творчеству и необходимой стадией познания.

Список источников

- Аверинцев С. С.* Символ // Аверинцев С. С. София-Логос: Словарь. 2-е изд., испр. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 155—161.
- Бахтизина Д. И.* Аксиологический аспект онтологической истинности художественного произведения // Вопросы гуманитарных наук. 2004. № 5. С. 124—126.
- Бранский В. П.* Искусство и философия: роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтар. сказ, 1999. 703 с.
- Бычков В. В.* Эстетический лик бытия: умозрения П. Флоренского. М.: Знание, 1990. 63 с.
- Бычков В. В.* Феномен иконы. История. Богословие. Эстетика. Искусство. М., Ладомир, 2009. 483 с.
- Варакина Г. А.* Синтетизм учения о Павла Флоренского. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 110—113.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
- Виноградов В. В.* Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя: Избр. тр. / отв. ред. Д. С. Лихачев, А. П. Чудаков. М.: Наука, 1990. 386 с.
- Генисаретский О. И.* Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П. А. История и философия искусства. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. игумен Андроник (Трубачев А. С.). М.: Мысль, 2000. С. 9—46.
- Гулыга А. В.* Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке / отв. ред.-сост. И. С. Андреева. СПб.: Алетейя, 2000. 445 с.
- Давыденко М. В.* Художественность как многоаспектный феномен в трудах отечественных философов конца XIX — начала XX века в контексте современной художественной практики: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2006. 206 с.
- Дмитриева Н. Ю., Жуковский В. И.* Художественный образ в диалектике сущности и явления: монография. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2015. 169 с.
- Жуковский В. И.* Теория изобразительного искусства: монография. СПб.: Алетейя, 2010. 412 с.
- Жуковский В. И., Пивоваров Д. В.* Зримая сущность (визуальное мышление в изобразительном искусстве). Свердловск: Уральск. гос. ун-т, 1991. 284 с.
- Жуковский В. И., Пивоваров Д. В.* Интеллектуальная визуализация сущности: учеб. пособие. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1998. 221 с.

- Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис. 1997. 205 с.
- Каган М. С. Искусствознание и художественная критика: избр. ст. СПб., 2000. СПб.: Петрополис, 528 с.
- Кожурин А. Я. К типологии религиозного эстетизма (К. Н. Леонтьев и П. А. Флоренский) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 17, Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. Вып. 2. С. 120—128.
- Копцик В. А. Принцип причинности, системный подход и симметрия // Система. Симметрия. Гармония / под ред. В. С. Гюхтина, Ю. А. Урманцева. М.: Мысль, 1988. С. 200—226.
- Копцик В. А. Подходы естественных и гуманитарных наук в культуре, науке и искусстве // Копцик В. А., Рыжов В. П., Петров В. М. Этюды по теории искусства: Диалог естественных и гуманитарных наук: кол. моногр. М.: ОГИ, 2004. С. 17—122.
- Лукьянчиков В. И. Концепция церковного искусства в религиозно-эстетических воззрениях П. А. Флоренского: дис. ... канд. филос. наук. Липецк, 1999. 113 с.
- Любимова Т. Б. Аксиологическое построение произведения искусства // Эстетические исследования: Методы и критерии: сб. ст. / под ред. К. М. Долгова. М.: Институт философии РАН, 1996. С. 88—106.
- Ляшенко П. В. Красота и святость в философско-эстетических воззрениях П. А. Флоренского и Н. А. Бердяева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 25 с.
- Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство. 1994. 606 с.
- Петренко В. В. Новая художественность как предмет философского исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1994. 16 с.
- Петрова Е. А. Визуальная психосемиотика общения. М.: Академия имиджологии, 2015. 320 с.
- Пивоваров В. Д. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург; Псков: Псков. обл. ин-т повышения квалификации работников образования, 2000. 207 с.
- Тюпа В. И. Художественность литературного произведения: вопросы типологии Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1987. 217 с.
- Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2009. 336 с.
- Флоренский П. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Ч. 1—2. М.: Правда, 1990. 840 с.
- Флоренский П. А. Иконостас: Избр. тр. по искусству. СПб.: Русская книга. 1993. 365 с.

- Флоренский П. А. История и философия искусства. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. игумен Андроник (Трубачев А. С.). М.: Мысль, 2000. 447 с.
- Фролова Н. А. Взаимодействие этического и эстетического в русской философской мысли второй половины XIX — начала XX века: культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2008. 22 с.

Referenses

- Andronik (Trubachev, A. S.), abbot (comp.) (2000), Florensky, P. A. *Istoriia i filosofiiia iskusstva. Stat'i i issledovaniia po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [History and Philosophy of Art. Articles and research on the history and philosophy of art and archeology], Mysl', Moscow, Russia.
- Averintsev, S. S. (2001), 'Symbol', in Averintsev, S. S., *Sofia-Logos: Slovar'* [Sofia-Logos: Dictionary], 2nd ed., Dukh i Litera, Kiev, Ukraine: 155—161.
- Bakhtizina, D. I. (2004), 'Axiological aspect of the ontological truth of a work of art', *Voprosy gumanitarnykh nauk* [Questions of the humanities], no. 5: 124—126.
- Bransky, V. P. (1999), *Iskusstvo i filosofiiia: rol' filosofii v formirovanii i vospriatii hudozhestvennogo proizvedeniia na primere istorii zhivopisi* [Art and philosophy: the role of philosophy in the formation and perception of the Art works on the example of the history of painting], Iaantarnyi skaz, Kaliningrad, Russia.
- Bychkov, V. V. (1990), *Esteticheskii lik bytiia: umozreniia P. Florenskogo* [The Aesthetic face of Being: the Speculations of P. Florensky], Znanie, Moscow, Russia.
- Bychkov, V. V. (2009), *Fenomen ikony. Istoriia. Bogoslovie. Estetika. Iskustvo* [The phenomenon of icons. History. Theology. Aesthetics. Art], Ladomir, Moscow, Russia.
- Davydenko, M. V. (2006), *Hudozhestvennost' kak mnogoaspektnyi fenomen v trudakh otechestvennykh filosofov kontsa XIX — nachala XX veka v kontekste sovremennoi khudozhestvennoi praktiki* [Artistry as a multi-dimensional phenomenon in the works of Russian philosophers of the late XIX — early XX century in the context of modern artistic practice], Ph. D. (Philosophy) Thesis, Altaiskii gosudarstvennyi universitet, Barnaul, Russia.
- Dmitrieva, N. Yu. and Zhukovsky, V. I. (2015), *Hudozhestvennyi obraz v dialektike sushchnosti i iavleniia: monografiia* [Artistic image in the dialectic

- of essence and phenomenon: monograph], Krasnoiarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Krasnoyarsk, Russia.
- Florensky, P. A. (1990), *Sochineniia: v 2 tomakh* [Essays: in 2 volumes], vol. 1, part 1—2, Pravda, Moscow, Russia.
- Florensky, P. A. (1993), *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis. Selected works on art], Russkaia kniga, St. Petersburg, Russia.
- Frolova, N. A. (2008), *Vzaimodeistvie eticheskogo i esteticheskogo v russkoi filosofskoi mysli vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka: kul'turologicheskii analiz* [The interaction of the ethical and aesthetic in Russian philosophical thought of the second half of the XIX — early XX century: cultural analysis], Abstract of Ph. D. (Philosophy) dissertation, Mordovskii gosudarstvennyi uninevrsitet imeni N. P. Ogareva, Saransk, Russia.
- Genisaretsky, O. I. (2000), ‘Spatiality in iconology and aesthetics of the priest Pavel Florensky’, in Andronik (Trubachev, A. S.), abbot (comp.), Florensky, P. A. *Istoriia i filosofiia iskusstva. Stat'i i issledovaniia po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [History and Philosophy of Art. Articles and research on the history and philosophy of art and archeology], Mysl', Moscow, Russia: 9—46.
- Gulyga, A. V. (2000), *Estetika v svete aksiologii. Piat'desiat let na Volkhonke* [Aesthetics in the light of axiology. Fifty years on the Volkhonka], in Andreeva, I. S. (ed.-comp.), Aleteya, St. Petersburg, Russia.
- Kagan, M. S. (1997), *Filosofskaia teoriia tsennosti* [Philosophical theory of value], Petropolis, St. Petersburg, Russia.
- Kagan, M. S. (2000), *Iskusstvoznanie i khudozhestvennaia kritika: izbrannye stati'i* [Art studies and art criticism: selected articles], Petropolis, St. Petersburg, Russia.
- Koptsik, V. A. (1988), ‘The principle of causality, a systematic approach and symmetry’, in Tyukhtin, V. S. and Urmantsev, Yu. A. (eds), *Sistema. Simmetriia. Garmoniia* [System. Symmetry. Harmony], Mysl', Moscow, Russia: 200—226.
- Koptsik, V. A. (2004), ‘Approaches of natural and humanitarian sciences in culture, science and art’, in Koptsik, V. A., Ryzhov, V. P. and Petrov, V. M. *Etiudy po teorii iskusstva: Dialog estestvennykh i gumanitarnykh nauk: kollektivnaia monografiia* [Etudes on the theory of art: Dialogue of natural sciences and humanities: collective monograph], OGI, Moscow, Russia: 17—122.
- Kozhurin, A. Ya. (2014), ‘On the typology of religious Aestheticism (K. N. Leontiev and P. A. Florensky)’, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, seriia 17, Filosofiia. Konfliktologiia. Kul'turologiia. Religiovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University, series 17,

- Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Religious studies], iss. 2: 120—128.
- Lukyanchikov, V. I. (1999), *Kontsepsiia tserkovnogo iskusstva v religiozno-esteticheskikh vozzreniiakh P. A. Florenskogo* [The concept of church art in the religious and aesthetic views of P. A. Florensky], Ph. D. (Philosophy) Thesis, Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Lipetsk, Russia.
- Lyashenko, P. V. (2011), *Krasota i sviatost' v filosofsko-esteticheskikh vozzreniiakh P. A. Florenskogo i N. A. Berdiaeva* [Beauty and holiness in the philosophical and aesthetic views of P. A. Florensky and N. A. Berdyaev], Abstract of Ph. D. (Philosophy) dissertation, Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, Moscow, Russia.
- Lyubimova, T. B. (1996), 'Axiological construction of a work of art', in Dolgov, K. M. (ed.), *Esteticheskie issledovaniia: Metody i kriterii: sbornik statei* [Aesthetic research: Methods and criteria: collection of articles], Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk, Moscow, Russia: 88—106.
- Mukarzhovskiy, Ya (1994), *Issledovaniia po estetike i teorii iskusstva* [Studies on aesthetics and theory of art], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Petrenko, V. V. (1994), *Novaia khudozhestvennost' kak predmet filosofskogo issledovaniia* [New artistry as a subject of philosophical research], Abstract of Ph. D. (Philosophy) dissertation, Tomskii gosudarstvennyi universitet, Tomsk, Russia.
- Petrova, E. A. (2015), *Vizual'naiia psikhosemiotika obshcheniia* [Visual psychosemiotics of communication], Akademiia imidzhelologii, Moscow, Russia.
- Pivovarov, V. D. (2000), *Sinteticheskaia teoriia ideal'nogo* [Synthetic theory of the ideal], Pskovskii oblastnoi institut povysheniia kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniia, Yekaterinburg—Pskov, Russia.
- Tyupa, V. I. (1987), *Khudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniia: vo-prosy tipologii* [The artistry of a literary work: questions of typology], Krasnoiariskii gosudarstvennyi universitet, Krasnoyarsk, Russia.
- Tyupa, V. I. (2009), *Analiz khudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie* [Analysis of a literary text: a textbook], 3d ed., stereotype, Moscow, Russia.
- Varakina, G. A. (2009), 'Synthetism of the teaching of O. Pavel Florensky', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 323: 110—113.
- Veselovskiy, A. N. (1989), *Istoricheskaiia poetika* [Historical poetics], Vysshaia shkola, Moscow, Russia.

- Vinogradov, V. V. (1990), *Iazyk i stil' russkikh pisatelei: ot Karamzina do Gogolia: izbrannye trudy* [Language and style of Russian writers: from Karamzin to Gogol: selected works], in Likhachev, D. S. and Chudakov, A. P. (eds), Nauka, Moscow, Russia.
- Zhukovsky, V. I. (2010), *Teoriia izobrazitel'nogo iskusstva: monografiia* [Theory of fine art: monograph], Aleteiia, St. Petersburg, Russia.
- Zhukovsky, V. I. and Pivovarov, D. V. (1991), *Zrimaia sushchnost' (vizual'noe myshlenie v izobrazitel'nom iskusstve)* [Visible essence (visual thinking in fine art)], Ural'skii gosudarstvennyi universitet, Sverdlovsk, Russia.
- Zhukovsky, V. I. and Pivovarov, V. D. (1998), *Intellektual'naia vizualizatsiia sushchnosti: uchebnoe posobie* [Intellectual visualization of essence: a textbook], Krasnoiarskii gosudarstvennyi universitet, Krasnoyarsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

М. В. Давыденко — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Московский международный университет, Москва, Россия.

А. Ю. Чередникова — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Московский международный университет, Москва, Россия.

M. V. Davydenko — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Humanities, Moscow International University, Moscow, Russia.

A. Yu. Cherednikova — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Moscow International University, Moscow, Russia.

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 97—123.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 97—123.

Научная статья

УДК 373

DOI: 10.46725/IW.2023.1.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ

Полина Анатольевна Зазнобина

Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС),
Иваново, Россия, polinazaznobina@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6690-7698>

Аннотация. Образование в современном мире играет важнейшую роль, и его развитие является одним из приоритетных направлений во многих странах. Построение высокоэффективной и качественной системы общего образования будет содействовать прогрессу различных сфер деятельности всего государства. Целью исследования в статье является проведение сравнительного анализа систем общего образования в таких странах, как Финляндия, Эстония, Южная Корея, Китай и Сингапур; выявление сильных и слабых сторон, принципов построения и функционирования данных систем, а также их общих и различных черт. В статье были использованы такие методы исследования, как анализ (производился анализ каждой системы общего образования отдельной страны, выявлялся определенный набор характерных признаков и черт),

метод аналогии (выявлялись основополагающие черты каждой системы общего образования), метод сравнения (производилось непосредственное сравнение систем образования разных стран по основным показателям: целеполагание, организация учебного процесса, требования к преподавателям и требования к учащимся), метод обобщения (выявлялись общие направления развития и современные тенденции в данных системах общего образования), исторический метод (рассматривались этапы становления данных систем и влияние исторического развития страны на организацию системы общего образования). Анализ систем общего образования исследуемых стран проводился по 4-м параметрам: целеполагание, педагоги и преподавание, процесс обучения, требования к ученикам. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что однозначно определить, какая из систем является самой лучшей и эффективной, невозможно, так как у каждой есть свои как положительные, так и отрицательные стороны. Можно наблюдать четкое различие в подходах к организации системы образования западных (Финляндии и Эстонии) и восточных (Китай и Южная Корея) стран. В западных странах применяется лично-ориентированный подход к обучению. В восточных — вектор образования смещен на воспитание коллективного человека, при этом ключевой ценностью образования является успешная сдача выпускного экзамена. Сингапур включает в себя черты как западной, так и восточной систем. В настоящий момент в Сингапуре начинают преобладать черты западной системы, такие как индивидуальный подход к обучению, смещение ориентира с оценок и конкуренции среди учеников на обучение ради самого себя, ради знаний.

Ключевые слова: система общего образования, Китай, Сингапур, Финляндия, Эстония, Южная Корея, PISA-2018, индивидуальный подход, целеполагание, преподавание, процесс обучения, требования к ученикам

Для цитирования: Зазнобина П. А. Сравнительный анализ систем общего образования в зарубежных странах: обобщение опыта изучения // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 97—123.

COMPARATIVE ANALYSIS OF GENERAL EDUCATION SYSTEMS IN FOREIGN COUNTRIES: SYNTHESIS OF STUDY EXPERIENCE

Polina A. Zaznobina

Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Ivanovo, Russia,
polinazaznobina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6690-7698>

Abstract. Education in the modern world plays an important role and its development is one of the priorities in many countries. Building a highly effective and high-quality system of general education will contribute to the progress of various spheres of activity of the entire state. The purpose of the research in the article is to conduct a comparative analysis of general education systems in countries such as Finland, Estonia, South Korea, China and Singapore. The study aims to identify their strengths and weaknesses, principles of construction and functioning of these systems, as well as their common and various features. The article used such research methods as analysis (an analysis of each system of general education of a separate country was carried out and certain characteristic features and features were identified), analogies (each system has common features that occur in each system and are fundamental for general education systems), the method of generalization (identification of general directions of development and current trends in these systems of general education), the historical method (the stages of formation of these systems and the influence of the historical development of the country on the organization of the general education system are considered), the comparison method (direct comparison of educational systems of different countries by the main indicators: goal setting, organization of the educational process, requirements for teachers and requirements for students). The general education systems of the countries studied were conducted according to 4 parameters: goal setting, teachers and teaching, the learning process, requirements for students. Based on the analysis carried out, it can be concluded that it is impossible to unambiguously determine which of the systems is the best and most effective, because each has its own positive and negative sides.

One can observe a clear difference in the approaches to the organization of the education system of Western (Finland and Estonia) and eastern (China and South Korea) countries. In Western countries, a personality-oriented approach to learning is used. In Eastern schools, the vector of education is shifted towards educating a collective person, here the key value of education is

the successful passing of the final exam. Singapore includes features of both the Western and eastern systems. At the moment, the features of the Western system are beginning to prevail in Singapore, such as an individual approach to learning, a shift in orientation from grades and competition among students to learning for their own sake, for the sake of knowledge.

Keywords: general education system, China, Singapore, Finland, Estonia, South Korea, PISA-2018, individual approach, goal setting, teaching, learning process, requirements for students

For citation: Zaznobina, P. A. (2023), 'Comparative analysis of general education systems in foreign countries: synthesis of study experience', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 97—123 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Образование в наше время является одним из ключевых направлений развития всего государства. Например, в таких государствах, как Финляндия, Эстония, Южная Корея, Китай и Сингапур, образование является национальным достоянием. Развитие образования приведет к процветанию страны. Выстраивание эффективной и качественной системы общего образования является одной из фундаментальных задач государства, решение которой определит дальнейшее развитие и прогресс этого государства. Ведь система общего образования является фундаментом не только для дальнейшего обучения в средних профессиональных учреждениях или вузах, но и основой для воспитания личностей и граждан в государстве.

Каждая из представленных систем имеет свои национальные особенности, которые позволяют быть уникальными, и от их развития будет зависеть социальный прогресс всего общества.

Выбранные для исследования страны также имеют высокие показатели в различных международных рейтингах. Например, международный рейтинг PISA (Programme for International Student Assessment)¹ — международная программа по оценке образовательных достижений учащихся в виде тестирования оценивает способности 15-летних учеников применять свои знания и навыки

---

¹ Официальный сайт OECD. PISA. URL: <https://www.oecd.org/pisa/> (дата обращения: 20.10.2021).

в сферах математики, чтения и естественных наук для решения реальных жизненных задач. Одним из ключевых направлений функциональной грамотности и навыков XXI в. является способность учащихся применять знания, полученные в школе, в реальной жизни. Умение учеников применить полученные знания отражает одну из современных тенденций в образовательной сфере. PISA была создана в 2000 г., и с тех пор Организацией экономического сотрудничества и развития каждые три года проводятся исследования. Исследования, проводимые в рамках данной программы, также дают возможность выявить те страны, которые будут потенциально конкурентоспособными в будущем за счет подрастающего поколения. PISA обеспечивает наиболее полную и строгую международную оценку результатов обучения учеников на сегодняшний день. Результаты оценки по PISA свидетельствуют о качестве и справедливости результатов обучения, достигнутых во всем мире. Важным также является то, что именно эта оценка позволяет государственным органам, директорам и преподавателям школ извлекать уроки из практики и политики, применяемых в странах, занявших лидирующие позиции.

Постановка вопроса. Целью исследования в статье является проведение сравнительного анализа систем общего образования в таких странах, как Финляндия, Эстония, Южная Корея, Китай и Сингапур. Выявление их сильных и слабых сторон, принципов построения и функционирования данных систем, а также их общих и различных черт. Отдельные выводы по результатам сравнительного анализа тезисно были раскрыты в предыдущей публикации автора [Зазнобина, 2022]. В данной статье дается развернутая характеристика итога данного исследования.

Согласно международному рейтингу PISA-2018 исследуемые страны входят в 10-ку лучших по качеству образования, что позволяет заинтересоваться их системами общего образования². Необходимо выявить те механизмы построения систем, которые позволяют эффективно организовывать процесс обучения и достигать высоких результатов на международной арене; изучить

---

² Краткий отчет по результатам исследования PISA 2018 г. URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1641315445&tld=ru&lang=ru&name=PISA2018РФ_Краткий отчет](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1641315445&tld=ru&lang=ru&name=PISA2018РФ_Краткий%20отчет) (дата обращения: 19.10.2021).

опыт данных стран в сферах образовательного процесса, методах подготовки и развития педагогического состава, взаимодействия преподавателей и учащихся; а также необходимо определить, какие цели преследуют государства, выстраивая тем или иным образом процесс обучения.

Методология и методы исследования

В настоящей статье были использованы такие методы исследования, как анализ (производился анализ системы общего образования отдельной страны, выявлялся определенный набор характерных признаков и черт), метод аналогии (выявлялись основополагающие черты каждой системы общего образования), метод сравнения (производилось непосредственное сравнение систем образования разных стран по основным показателям: целеполагание, организация учебного процесса, требования к преподавателям и требования к учащимся), метод обобщения (выявлялись общие направления развития и современные тенденции в данных системах общего образования), исторический метод (рассматривались этапы становления данных систем и влияние исторического развития страны на организацию системы общего образования).

Сравнительный анализ систем общего образования таких стран, как Финляндия, Эстония, Южная Корея, Китай, Сингапур, будет проводиться на основании следующих критериев: целеполагание (т. е. кого готовит и воспитывает государство в своих учебных заведениях), педагоги и преподавание (кто готовит учеников, какие требования предъявляются к преподавателям и как они участвуют в образовательном процессе), организационный процесс образования (принципы построения образовательного процесса в школах, каким образом функционируют школы), требования к ученикам (те требования, которые предъявляются при поступлении в школу или при переходе с одной ступени образования на другую).

Основная часть

Целеполагание

По данному критерию можно четко увидеть различие в том, какого типа учеников воспитывают в западных странах, а каких — в восточных. В западных странах, а именно в Финляндии и Эстонии, «создают» и воспитывают личность, применяя

лично-ориентированный подход к выстраиванию образовательного процесса и взаимодействию преподавателя с учеником [Хавенсон, 2019: 85; Дубаков, Оларь, Кузьменкина, 2021: 5, 7]. Учебный материал в данном случае предоставляется ученикам с учетом их индивидуальных способностей. Основной функцией школ в Финляндии и Эстонии является подготовка детей к самостоятельной будущей жизни. Важную роль играют полученные практические навыки и умения, которые просто необходимы для полноценной жизнедеятельности. Схожие черты в целеполагании имеет и Сингапур, так как государство хочет, чтобы ученики по окончании школы становились не только личностями, но и сознательными гражданами, имеющими такие ценностные ориентиры, как любознательность, сила духа, жизнестойкость, креативное мышление, самостоятельность в разрешении жизненных трудностей, умение достигать новых горизонтов, проявлять трудолюбие для достижения своих целей, желаний [Лесин, Швелёва, 2019: 26]. Сама учебная программа в Сингапуре построена на тех предметных дисциплинах, которые формируют навыки, умения и качества личности. Основное внимание также уделяется таким навыкам, как критическое мышление, взаимодействие и коммуникации ученик — ученик, ученик — учитель, использование на практике проектного метода.

Если в перечисленных странах упор в развитии и образовании делается на индивидуализацию и подготовку к реальной жизни, то в восточных странах, таких как Южная Корея и Китай стремятся воспитать коллективного человека, который будет иметь способности для достижения определенных результатов [Булатова, Богунова, 2021: 42—44]. Для данных стран образование является не просто важным этапом становления личностного развития, но и жизненной необходимостью: именно с помощью образования можно занять высокое социальное положение, т. е. образование в данном случае играет роль эффективного социального лифта. Детей с раннего возраста начинают усердно готовить к жесткой конкуренции за социальный статус, с этого момента начинается формирование жизненной цели в потребности получения диплома о высшем образовании и получения специальности, с помощью которых молодые люди смогут обеспечить себе личное и социальное благосостояние [Еремеева, Кальница, 2019: 28].

Педагоги и преподавание

Одним из немаловажных показателей качественного образования является подготовка педагогических кадров. У каждой системы образования, несомненно, существуют свои требования, правила отбора и найма преподавателей, различны также их статусы и роли, но существует и то, что объединяет их — это высокое качество работы преподавателя. В системах образования рассматриваемых стран просматривается несколько общих черт:

- эффективные механизмы отбора будущих педагогов;
- строгий отбор кандидатов на осуществление педагогической деятельности;
- престижность и почетность профессии преподавателя;
- достойная базовая заработная плата для молодых преподавателей;
- непрерывное профессиональное развитие преподавателей, при активной поддержке государством.

В Сингапуре и Финляндии на педагогические специальности проходят серьезные отборы, состоящие из четырех этапов. Например, в Сингапуре на первом этапе проводится оценка претендентов по нескольким требованиям: 30 % от рейтинга успеваемости в каждой возрастной группе, наличие высшего образования не в сфере педагогики (специальность в предметной области), предоставление подтверждений о проявлении интереса к детям, преподавательскому процессу и преподаванию в целом. На втором этапе претендент проходит функциональное тестирование и оценку грамотности. Во время третьего этапа с кандидатом проводится интервью с целью оценить его психологическую грамотность и личностные качества, также на данном этапе осуществляется тестирование и проверка преподавательской активности (на основании результатов первичной подготовки в Национальном университете образования). На четвертом этапе проводится оценка соответствия стандартам к моменту их первых шагов в профессии. Только 30 % абитуриентов от общего числа получающих педагогическое образование способны пройти все этапы отбора [Ильевич, Никитовская, Щепул, 2021].

В Финляндии первый этап включает в себя определение основных мотивов, на основании которых кандидат хочет

выбрать направление деятельности, а также необходимость выявления уровня подготовки к выбранной профессии. Во время второго этапа проводится конкурс среди бакалавров, решивших поступить в магистратуру (на основании приказа Министерства образования Финляндии педагогами в школах могут стать люди, получившие степень магистра [Аксенова, 2016: 24]). Следующим этапом является собеседование с потенциальным нанимателем, при этом выясняется профессиональная мотивация к постоянному развитию педагога, его коммуникативные и эмоциональные (эмпатия, отзывчивость и т. д.) навыки. Но даже тем выпускникам, которые прошли данные испытания, еще не обеспечивается постоянное место работы учителем в штате школы. Последним этапом является прохождение стажировки, которая длится полгода. Все этапы успешно проходят только 30 % участников отбора [Ильевич, Никитовская, Щепул, 2021]. После всех испытаний молодой педагог начинает работать почасовиком. И в практике преподавания бывает так, что спустя только несколько лет преподаватель получает постоянное место работы.

В Южной Корее все кандидаты, претендующие попасть в штат школы на определенные должности, должны пройти процедуру отбора, проводимую городскими или провинциальными отделениями образования. Учителя специальных школ, школьные библиотекари и учителя сестринского дела должны быть выпускниками четырехлетних колледжей или младших колледжей с соответствующими специальностями и подготовкой учителей. Педагоги, обучающиеся неполный рабочий день, должны соответствовать минимальному уровню образования, включая 2-летнее или 4-летнее высшее образование по специальности в соответствующих областях с профессиональной подготовкой.

С началом XXI в. в Китае стала формироваться новая система подготовки педагогических кадров, основной чертой которой была открытость (учебные заведения, не связанные с предоставлением педагогического образования, также получили разрешение на подготовку будущих учителей) [Ли Б., Игна, 2020: 175].

Системы подготовки преподавателей в Финляндии и Эстонии похожи друг на друга. Эстония создавала свою систему, опираясь на опыт Финляндии, как одну из лучших практик в мире

по организации обучения и дальнейшего профессионального развития педагогов.

В рассматриваемых странах профессия учителя является одной из самых уважаемых и значимых в обществе. Школьным педагогам государством гарантируется высокий уровень заработной платы и другие виды социальной поддержки. Например, в Эстонии материальную поддержку в виде пособия могут получить не только молодые педагоги, но и опорные специалисты (логопеды, спецпедагоги, школьные психологи и социальные педагоги). На 2021 г. размер подъемного пособия составил 12 783 евро³. В случае, когда учитель или опорный специалист работают на полной ставке, и размер подъемного пособия изменяется в прямо пропорциональной зависимости от нагрузки работника в текущем учебном году. Получатели данного пособия обязаны отработать на занимаемой ими должности 5 лет.

Еще одной формой поощрения профессионального развития педагогов и опорных специалистов в Эстонии является государственная образовательная стипендия, основная задача которой поддерживать процесс совершенствования и развития сферы образования. На стипендию могут рассчитывать учителя или опорные специалисты, работающие в дошкольных учреждениях, школах, гимназиях или профессиональных учебных заведениях, имеющие соответствующую квалификацию и проработавшие на своих должностях не менее 5 лет. Размер государственной образовательной стипендии составляет до 11 000 евро⁴. Основная цель стипендии — создание условий для саморазвития, получение новых знаний и навыков, обмен опытом и практиками преподавания. Стипендия позволяет взять свободный семестр для саморазвития, а также для того, чтобы привнести свои результаты исследования и работы для внедрения в практику.

В Китае учителя имеют не только высокий уровень заработной платы, но и государственную обеспеченность жильем и другими социальными льготами.

---

³ Официальный сайт Министерства образования и науки Эстонии. URL: <https://www.hm.ee/ru/meropriyatija/uchitel> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴ Там же.

В зарубежных странах действуют свои системы аттестации и повышения квалификации педагогических кадров. Отличительная черта финской системы педагогической подготовки и образования — ее исследовательская направленность [Патронова, 2021: 241]. В финских школах отсутствуют такие понятия, как аттестация, переаттестация или подтверждение квалификации. Нужно просто ежегодно в течение 3—5 дней проходить обучение на курсах профессионального развития. Однако и сами преподаватели мотивированы к непрерывному обучению, так как в Финляндии предъявляются достаточно строгие требования к их квалификации. Преподаватели, проходящие курсы повышения квалификации, не получают никаких бонусов (данные курсы не влияют на дальнейший карьерный рост, повышение заработной платы и т. д.).

В 2014 г. в Китае была введена государственная программа повышения квалификации педагогов и директоров, с помощью которой предполагалось внести коренные изменения в содержание действующих образовательных программ. Изменения выражались в применении не только традиционных, но и современных методов обучения. Программа включает в себя возможности и для студентов заключать с местными сельскими администрациями договоры для дальнейшей их отработки в местных школах в течение 2-х лет после окончания обучения. С 2015 г. был введен единый государственный квалификационный экзамен педагогов. Сдача данного экзамена обязательна для тех, кто желает работать в педагогической сфере.

Повышение квалификации учителей в Китае имеет различные формы, которые зависят от количества обучаемых:

— коллективные (лекции, теоретические и практические семинары, тренинги, предметные недели, выставки и т. д.);

— групповые (объединение педагогов по профильным направлениям, творческим группам, проведение деловых игр, посещение уроков друг друга, обсуждение проведенных уроков, составление отзывов о работе друг друга);

— индивидуальные (работа с наставниками, проведение консультаций, собеседований, выполнение индивидуальной творческой работы, самоанализ собственных уроков, самостоятельное образование) [Медведев, Чекулаева, Якушкина, 2020: 152].

В Сингапуре монополистом в сфере вузов, подготавливающих высококвалифицированных преподавателей, является Национальный университет образования. Он также является инициатором и координатором в сфере повышения квалификации преподавателей, производит назначение наставников для молодых учителей. Прохождение курсов повышения квалификации для педагогов образовательных учреждений является обязательным ежегодным мероприятием, составляющим не менее 100 часов обучения, полностью оплачиваемым государством. Еще одной формой мотивации к постоянному профессиональному развитию является ежегодная выплата денежной суммы в размере 400—700 \$ [Там же: 150]. Педагог может ими распорядиться для посещения различных курсов (курсы иностранных языков или компьютерной грамотности), покупку программного обеспечения или профессиональных пособий. Поддержка молодых преподавателей начинается еще на ступени подготовки к преподавательской деятельности (студентам старших курсов в Национальном университете образования выплачивается стипендия в размере заработной платы молодых преподавателей).

В Сингапуре деятельность преподавателей по итогам повышения квалификации оценивается путем проведения ежегодной аттестации. По результатам аттестации преподаватель может получить оценки от А (наивысшая оценка, которую получают лишь около 2 % педагогов) до Е (низшая оценка, которую крайне редко кто получает, а если получает, то отстраняется от работы). В большинстве случаев преподаватели получают оценку С. Оценка D не дает возможность для дальнейшего карьерного роста на протяжении 3-х лет. От полученной во время аттестации оценки зависит заработная плата в следующем году. Педагоги, которые успешно прошли аттестацию, удостоиваются годового бонуса (выплата в размере от 1 до 3-х месячных окладов) [Там же: 153]. Оценку деятельности преподавателей проводят и на основании проделанной ими по итогу каждого учебного года работы. По результатам аттестации учителя также имеют возможность карьерного роста: они могут стать ведущим учителем, специалистом по разработке образовательных программ и проведению исследований или управленцем. Следует также отметить, что в Сингапуре учителя являются государственными служащими

(средний уровень заработной платы в сравнении с другими государственными служащими) [Матвеева, 2018: 246].

Существуют также и нематериальные формы поддержки педагогов, которые предусмотрены в различных государственных программах. В Эстонии в 2008 г. была осуществлена модернизация программ первоначальной подготовки педагогов, а также запущена новая программа «профессиональный год учителя». Данная программа предполагала обучение молодых учителей опытными педагогами (наставниками) в течение года. В поддержку престижности профессии учителя государство запустило пиар-кампанию «Учиться на учителя». В нее также входит программа по развитию образовательных наук и программа подготовки педагогов на 2008—2015 гг. [Дудко, 2021: 161—171].

В Китае также действуют специально разработанные программы, которые помогают решать проблему дефицита квалифицированных педагогов. Программа «Специальные классы» была разработана с целью создания онлайн-платформ для обучения в сельских школах, где есть возможность подключения к сети Интернет, для усвоения учащимися необходимых предметов, а также для поддержания доступности образования и в сельской местности [Ван, 2021: 159]. Программа «Уроки лучших учителей» предполагает построение онлайн-системы, с помощью которой можно будет транслировать уроки лучших учителей.

В Южной Корее учителя подразделяются на учителей (I и II классы), помощников учителей, профессиональных консультантов, библиотекарей, преподавателей по подготовке кадров и учителей сестринского дела (I и II классы)⁵. Они должны соответствовать конкретным квалификационным критериям для каждой категории и иметь лицензию от заместителя Премьер-министра и Министра образования в соответствии с Указом Президента. Педагогическое образование предлагается образовательными университетами, образовательными колледжами, департаментами образования и теми, у кого есть программы сертификации учителей в общеобразовательных колледжах и университетах.

---

⁵ Официальный сайт Министерства образования Южной Кореи. URL: <http://english.moe.go.kr/sub/info.do?m=020109&s=english> (дата обращения: 18.11.2021).

Сингапур, Финляндия и Эстония имеют схожие базовые принципы и подходы к подготовке педагогических кадров [Ильевич, Никитовская, Щепул, 2021]. В данных странах педагоги уделяют достаточно времени для личностного развития учащихся, а также совершенствования их социальных и эмоциональных навыков, что явно отражается в применяемом сингапурском подходе: «Учить меньше, учиться больше» («Teach less, learn more») [Сухин, 2020: 99]. В данных странах учителя должны научить детей учиться для жизни, т. е. учителя нацелены на преподавание своих предметов так, чтобы полученные в школе знания учащиеся могли применить в реальной жизни.

У Сингапура и Южной Кореи существует такая практика: учителя периодически меняют свои рабочие места. Это дает возможность расти и развиваться педагогам как профессионалам, обмениваться опытом друг с другом, знакомиться с разными организациями образовательного процесса в городских или сельских школах, а также дает возможность поработать в школах с различными культурными, языковыми и социально-экономическими особенностями. Самых лучших и талантливых педагогов отправляют в те школы, которые столкнулись с проблемами дефицита квалифицированных кадров и нуждаются в хороших учителях.

Процесс обучения

Общей чертой организации процесса обучения во всех школах является градация на ступени: дошкольное образование, начальное школьное, среднее и старшее звено. Причем во всех странах общеобязательным является школьное 9-летнее образование. Такие страны, как Китай, Южная Корея и Финляндия, имеют одинаковую систему распределения по уровням образования, а именно: обучение в начальной школе длится с 1-го по 6-й классы, в средней школе с 7-го по 9-й классы и обучение в старшей школе с 10-го по 12-й классы. В Финляндии все предметы в начальной школе преподаются одним учителем — классным руководителем, в Южной Корее большинство предметов, за исключением профильных, преподаются классным руководителем [Булатова, Богунова, 2021: 42—44]. В Китае же наоборот все предметы ведут разные педагоги, кроме того, у класса имеется

классный руководитель, он является одним из учителей-предметников. Несколько иная система в Сингапуре и Эстонии. В Сингапуре обучение в начальной школе также составляет 6 лет, но есть небольшая особенность, а именно: с 1-го по 4-й классы программа обучения является общей для всех учеников, но, начиная с 5-го и 6-го классов, учащиеся могут выбрать индивидуальные курсы на базовом или стандартном уровне. При переходе в среднюю школу ученики совместно с родителями и педагогами выбирают тот поток, в котором будут обучаться. Существует 3 вида потоков: Экспресс, Обычный (академический) и Обычный (технический). Данные потоки предполагают один и тот же курс обучения, но Экспресс — ускоренный, а Обычный (технический) предлагает больше прикладной работы. В Эстонии система градации по уровням обучения отличается от всех предыдущих тем, что подразделяется на 4 ступени:

- 1 ступень — 1-й—3-й классы;
- 2 ступень — 4-й—6-й классы;
- 3 ступень — 7-й—9-й классы;
- 4 ступень — 10-й—12-й классы.

Первые 3 ступени формируют систему общеобязательного для всех учащихся образования.

У финской и эстонской системы образования много общих направлений в организации образовательного процесса. В школах действует принцип равенства в получении образования абсолютно для всех учеников, несмотря на их происхождение, социальный статус семьи и места, где расположена школа. Самым низким показателем влияния социально-экономических факторов на достижение хороших результатов в обучении показывает Эстония. В этой стране ученики из семей, имеющих не самое высокое социально-экономическое положение, достигают высоких результатов [Дудко, 2021: 166]. Выделение денежных средств финским и эстонским школам происходит на основании их потребностей: области, муниципалитеты, школы и учащиеся, которые демонстрируют слабые показатели, должны получить больше средств и ресурсов для решения данных проблем (организация дополнительных курсов по повышению квалификации педагогов и администрации школы, покупка нехватящего инвентаря). Еще одной общей чертой является личностно-ориентированный

подход к процессу обучения, который включает использование учебников, количество заданий, как домашних, так и классных, а также время на их выполнение. С классами на практике работают по 2 учителя одновременно или учитель и его помощник. Применение личностно-ориентированного подхода в обучении призывает педагогов к владению такими навыками, как умение составлять индивидуальные планы, умение находить подход к ученикам, их родителям, а также умение взаимодействовать с различными структурами медицинской и социальной сфер. Одним из основополагающих принципов в данных странах является обучение ребенка к дальнейшей самостоятельной жизни. Школа видит свое призвание в том, чтобы научить детей размышлять и уметь самим добывать знания. Важно не то, сколько формул ребенок будет знать, а то, умеет ли он пользоваться справочником, интернетом, калькулятором, а также умеет ли работать с текстом. Школьники из Эстонии и Финляндии проводят в школах меньше времени, чем ученики из Южной Кореи, Китая и Сингапура. Кроме того, государство полностью обеспечивает учеников всем необходимым: бесплатным питанием, учебниками, канцелярией, а также необходимыми гаджетами (планшетами, ноутбуками), организацией доставки детей в школу и домой, если ребенок живет далеко от школы, школьными поездками, экскурсиями. Несколько похожие черты имеет и сингапурская система образования. В Сингапуре согласно национальной учебной программе «Желаемые результаты образования» желаемыми результатами являются овладение детьми такими знаниями и навыками, как развитие характера, навыки самоуправления, социальные навыки и навыки сотрудничества, грамотность и умение считать, коммуникативные навыки, информационные навыки, навыки мышления и творчества, а также навыки применения знаний. С 2021 г. Министерство образования внесло некоторые корректировки в учебную программу по воспитанию характера и гражданственности, в которой основное внимание уделяется психическому здоровью и кибер-благополучию, а также созданию структур поддержки сверстников в каждой школе⁶. Еще одной общей

---

⁶ Официальный сайт Министерства образования Сингапура. URL: <https://ncee.org/country/singapore/> (дата обращения: 12.11.2021).

чертой для Сингапура, Финляндии и Эстонии является то, что в школах этих стран практикуется билингвальное обучение, что также может способствовать эффективности обучения.

Восточные страны, такие как Южная Корея и Китай, имеют схожие черты в организации процесса обучения. И южнокорейская и китайская системы построены на основе конфуцианских идей, в основе которых лежит значимость образования, труда, а также уважение к людям и к учителям [Столярова, Канцер, 2020: 74]. Одним из главных отличий образования восточных стран от западных является то, что основной упор делается не на индивидуальный подход к каждому ученику и развитие способностей каждого ребенка, а на уравнивание всех под один стандарт. В китайских и южнокорейских школах принято, чтобы ученики приходили в школу заранее, чтобы настроиться на учебный день. В Южной Корее и Китае детей с младшего возраста начинают «натаскивать» на сдачу выпускных экзаменов и подготовку к поступлению в вузы [Коврижных, Гаврилова, 2021: 128]. Главной особенностью является система механического заучивания материала, чтобы при сдаче экзамена ученики смогли показать как можно больше знаний, которые они проработали. Безусловно, это помогает развивать память учеников, формирует аналитическое мышление, способствует возможности использовать большие объемы информации, а также выполнять определенный алгоритм действий, но у этой системы имеются и свои минусы. Обучение, выстроенное подобным образом, не позволяет развивать в детях навыки креативного, вариативного и критического мышления, не способствует развитию любознательности, фантазии и коммуникативных навыков [Столярова, Канцер, 2020: 74]. Дети в данных странах с самого раннего детства проводят в школе по 12—14 часов, а после посещают занятия в учреждениях дополнительного образования или занимаются с репетиторами. Данные системы отличаются большим объемом домашних заданий, на выполнение которых ученики тратят практически все время. Среди учеников формируется жесткая конкуренция, так как преобладающее большинство учеников мечтают поступить в вузы: ведь только в этом случае их ждет успех в будущем. Давление на учеников оказывается со всех сторон: родители, учителя, сверстники, что влияет на психологическое и психическое здоровье ребенка: он живет

в постоянном стрессовом состоянии, что часто может приводить к печальным последствиям (в Южной Корее провал на государственном экзамене при поступлении в вуз является одной из главных причин самоубийств).

Оценивание учащихся в данных системах происходит также по-разному. В Финляндии не принято оценивать детей до 3 класса включительно ни в устной, ни в письменной формах. Только с 4 класса учеников начинают оценивать в устной форме, а с 6 оценка учеников происходит в балльной системе (4 балла — «неудовлетворительно», 10 баллов — «отлично»). В Эстонии оценивание происходит по 5-ти балльной системе, но школы могут использовать иную систему оценивания. В этом случае по завершении обучения результаты необходимо перевести в 5-балльную систему. В Сингапуре учащиеся оцениваются по 9-балльной шкале от A1 до F9, где A1/A2 — «отлично», B3/B4 — «хорошо», C5/C6 — «удовлетворительно», D7 — «минимальный балл для зачета предмета», E8/F9 — «неудовлетворительно». Система оценивания в Китае происходит по 5-балльной шкале от A до E, каждая из которых соответствует результату по 100-балльной шкале (A (90-100) — «отлично», E (0-59) — «неудовлетворительно»). Оценивание в Южной Корее происходит также на основании балльной системы, выражающейся в буквенном эквиваленте от A до E/F).

Проведение экзаменов и их частота в каждой стране имеют свои отличия. Самое наименьшее количество экзаменов сдают в Финляндии. В этой стране в системе образования существует единственный экзамен — экзамен на аттестат зрелости. Ученики сдают его с целью определения усвоения учащимися знаний и навыков в соответствии с Национальной учебной программой для общего среднего образования⁷. Экзамен проводится одновременно во всех общеобразовательных средних школах и учебных заведениях, обеспечивающих общее среднее образование, дважды в год: весной и осенью. Выпускное испытание включает в себя не менее 4-х тестов. Общеобязательным экзаменом для всех является родной язык. Остальные 3 теста ученики могут выбрать по своему

---

⁷ Официальный сайт Министерства образования Финляндии. URL: <https://okm.fi/en/finnish-matriculation-examination> (дата обращения: 07.11.2021).

усмотрению. Ученики могут сдавать данный экзамен в течение одного экзаменационного периода или сдавать его по частям, как правило, в течение 3-х последовательных экзаменационных периодов. В Эстонии экзамены сдаются после основной школы и после окончания гимназии. Экзамены после основной школы сдаются по 3-м предметам: по эстонскому языку (как родному, так и как второму языку), по математике, по предмету на выбор ученика.

Выпускные экзамены по окончании гимназии включают в себя государственные экзамены. В государственный экзамен входят такие предметы, как эстонский язык или эстонский язык как второй язык, математика и иностранный язык. Экзамен считается сданным на удовлетворительную оценку, если ученик получил не менее 20 % от максимальной оценки. Также по завершении гимназии необходимо сдать минимум на удовлетворительную оценку школьный экзамен и учебное исследование или практическую работу, если только школа не была окончена экстерном.

В Сингапуре до 2019 г. все учащиеся начальной школы сдавали школьные экзамены на протяжении всего года и в конце каждого года⁸. С 2019 г. подобные экзамены были отменены в начальной школе для 1-й и 2-й ступени, а в 2021 г. были отменены экзамены в середине года в начальной школе для 3-й и 3-й ступени. Правительство отменило эти экзамены с целью сместить акцент с оценок и конкуренции на обучение ради самого себя. В начальной школе все ученики сдают выпускной экзамен начальной школы (Primary School Leaving Examination — PSLE) по четырем предметам: английскому языку, математике, естественным наукам и родному языку. Ученики сдают экзамены на одном из двух уровней в зависимости от того, как они обучались в течение пяти и шести лет. По окончании средней школы учащиеся сдают предметные экзамены. После четырех лет обучения учащиеся сдают экзамены уровня O по экспресс-программе и экзамены уровня N по обычной (технической) программе. Молодые люди, желающие учиться в университете, сдают экзамены на уровень A после дополнительных двух лет обучения. В Китае самым главным экзаменом в жизни считается Гаокао — это национальный выпускной экзамен, который проводится в формате

---

⁸ Официальный сайт Министерства образования Сингапура. URL: <https://ncee.org/country/singapore/> (дата обращения: 12.11.2021).

письменного тестирования (кроме английского языка). Продолжительность Гаокао обычно составляет 2 или 3 дня. На сдачу обязательных предметов, таких как английский, китайский языки и математика ученику дается по 2 часа на каждый предмет. Кроме того, ученики сдают 2 экзамена по выбору, на сдачу которых отводится по 1,5 часа. По всем 5 экзаменам на Гаокао можно набрать 750 баллов. Результаты экзамена действуют всего лишь год. Но помимо этого экзамена ученики постоянно на протяжении всего обучения проходят различные тестирования, чтобы таким образом подготовиться к Гаокао. В Южной Корее важнейшим экзаменом в жизни каждого школьника является Сунын. Этот экзамен включает в себя четыре обязательных предмета (корейский и английский языки, математика и история Кореи) и два по выбору согласно профилю. В день сдачи экзамена жители всей Южной Кореи подстраиваются под расписание учеников, сдающих этот серьезный экзамен. Например, в этот день на остановках патрулируют сотрудники полиции, и если ученик опаздывает, то может обратиться за помощью к полицейским и ему помогут добраться до школы. В этот день во всех компаниях рабочий день начинается не как обычно с 9:00, а с 10:00, чтобы не создавать пробки и чтобы ученики смогли спокойно добраться к месту сдачи экзамена. А во время проведения на экзамене части аудирования запрещено проводить военные учения и любые воздушные полеты. Так же как и в Китае, ученики на протяжении всего учебного процесса постоянно проходят различные тестирования для подготовки к сдаче Сунына и поступления в вузы.

Общей чертой для всех исследуемых систем образования является то, что развита система инклюзивного образования, т. е. дети с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) имеют возможность посещать общеобразовательные школы наравне с другими, не имеющими проблем со здоровьем [Калугина, Ли, Мартыненко, Син, 2020: 84]. Прежде всего, это было сделано для того, чтобы дети с инвалидностью или ОВЗ могли принимать полноценное участие в жизни своей страны, без каких-либо преград взаимодействовать с другими людьми, а также, чтобы они могли почувствовать себя полноценными личностями, несмотря на возможные ограничения и проблемы со здоровьем.

Требования к ученикам

На этапе обучения в начальной школе к школьникам в некоторых странах предъявляются определенные требования. В Китае, начиная с начальной школы, дети должны строго носить школьную форму, тогда как в других странах такого требования нет. В Южной Корее только со средней школы появляются жесткие требования к внешнему виду учеников: обязательное ношение школьной формы, определенная длина волос как у девушек, так и у юношей, требования к макияжу.

При поступлении в начальную школу в Китае ребенку необходимо пройти тестирование на общее развитие. При переходе в среднюю школу ученики также сдают экзамены, по их результатам определяется, сколько ребенок усвоил знаний и с каким уровнем он приходит в среднюю школу.

В Эстонии по окончании дошкольных образовательных учреждений ребенок получает карту готовности, которую его родители будут предъявлять при поступлении в школу. Одним из требований при переходе из одного класса в другой является получение как минимум удовлетворительных оценок, если же у ученика возникают сложности с освоением программы, то на время летних каникул такому ученику предоставляют репетитора и организывают дополнительные занятия.

Во всех системах существует такое правило, что при поступлении в начальную школу детей отдают в школы по месту жительства.

В китайской и южнокорейской системах предъявляются требования к соблюдению строгой дисциплины, уважению учителей и ответственному отношению к учебе и образованию.

Заключение

Проанализировав системы образования зарубежных стран, таких как Финляндия, Эстония, Сингапур, Китай и Южная Корея, можно прийти к выводу, что у этих систем есть много как общих направлений, так и отличных друг от друга.

Можно наблюдать четкое различие в подходах к организации системы образования западных (Финляндии и Эстонии) и восточных (Китай и Южная Корея) стран. В западных странах применяется личностно-ориентированный подход к обучению,

при котором у каждого ребенка может быть свой индивидуальный план развития и обучения. При этом учитываются интересы ребенка, развиваются такие навыки, как критическое и креативное мышление, применяется проектное обучение. Учитель призван только направлять учеников, учить их мыслить самостоятельно, а не бездумно следовать за точкой зрения учителя. В восточных школах вектор образования смещен на воспитание коллективного человека. Ключевой ценностью образования является успешная сдача выпускного экзамена. В школах действует принцип натаскивания на его сдачу. Благодаря этому у школьников хорошо развита память и аналитические способности, но слабо развиты творческие навыки. Следует отметить, что ученики очень трудолюбивы: помимо того, что в школах они проводят около 12 часов в день, после занятий они посещают еще дополнительные учебные учреждения. В восточных системах также преобладает наличие жесткой конкуренции среди учеников, постоянное состояние стресса и давления, оказываемого на учащихся со всех сторон. Сингапур включает в себя черты как и западной, так и восточной систем. В Сингапуре в настоящий момент начинают преобладать черты западной системы, такие как индивидуальный подход к обучению, смещение ориентира с оценок и конкуренции среди учеников на обучение ради самого себя, ради знаний. Главный принцип в сингапурском обучении: «Обучай меньше, учи больше».

В этих странах профессия учителя является очень уважаемой в обществе и высокооплачиваемой. Государство оказывает всестороннюю социальную поддержку молодым и уже со стажем педагогам. Чтобы стать учителем, необходимо получить бакалаврскую или магистерскую степень. На протяжении всей своей профессиональной деятельности педагоги должны совершенствоваться и обновлять свои знания, проходя различные курсы повышения квалификации, обмениваться с другими преподавателями знаниями и опытом в преподавании.

Однозначно определить, какая из систем является самой лучшей и эффективной, невозможно, так как у каждой есть свои как положительные, так и отрицательные стороны. У каждой из рассматриваемых в статье зарубежных систем можно позаимствовать полезный опыт и эффективные практики для совершенствования систем других стран.

Список источников

- Аксенова Э. А.* Новые научные подходы к пониманию учебного процесса в системе школьного образования Финляндии // Школьные технологии. 2016. № 6. С. 23—30.
- Булатова А. В., Богунова О. В.* Система школьного образования в Южной Корее // Общество, педагогика, психология: теория и практика: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 28 мая 2021 г. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2021. С. 42—44.
- Ван Б.* Роль Интернета в современном образовании Китая // Человек и образование. 2021. № 2. С. 157—166.
- Дубаков А. В., Оларь Ю. В., Кузьменкина Е. В.* Образование в Финляндии: феномен успеха // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46322860_88675515.pdf (дата обращения: 12.11.2021).
- Дудко С. А.* Основные факторы повышения качества школьного образования в Финляндии и Эстонии // Образовательное пространство в информационную эпоху: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 8 июня 2021 г. М.: Институт стратегии развития образования РАО, 2021. С. 161—171.
- Еремеева Т. С., Кальнищия Я. В.* Особенности системы образования в Китае: историческая ретроспектива и современное состояние // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 3. С. 27—35.
- Зазнобина П. А.* Современные системы общего образования в зарубежных странах // Актуальные вопросы публичного управления — 2021: сборник работ молодых ученых Ивановского филиала РАНХиГС при Президенте РФ / под ред. Н. Г. Юркина. Иваново: РАНХиГС, 2022. С. 70—81.
- Ильевич Т. П., Никитовская Г. В., Щепул С. Ю.* Анализ образовательных моделей подготовки педагогических кадров в зарубежных системах непрерывного образования // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46540031_80659615.pdf (дата обращения: 29.11.2021).
- Калугина Н. А., Ли Н. В., Мартыненко О. О., Син С. Б.* Развитие инклюзивного образования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Известия Восточного института. 2020. № 4. С. 76—89. doi: 10.24866/2542-1611/2020-4/76-89.
- Коврижных О. А., Гаврилова Ю. В.* Последствия трансформаций систем образования стран восточно-азиатского региона (на примере Южной Кореи и Японии) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 2. С. 127—132.

- Лесин С. М., Шевелёва Н. Н. Феномен Сингапура: гибкость, разнообразие, гражданственность // Образовательная политика. 2019. № 1—2. С. 24—32.
- Ли Б., Игна О. Н. Профессионально-методическая подготовка учителей в Китае: история и текущее состояние // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 6. С. 172—182.
- Матвеева Е. Ф. Статус учителя в азиатских странах-лидерах: социокультурный фактор или особенности государственной политики? // Восточная Азия и изменения глобального миропорядка: доклады, представленные на V Междунар. конф. молодых востоковедов в Ин-те Дал. Востока РАН, Москва, 16—17 нояб. 2017 г. М.: Ин-т Дал. Востока РАН, 2018. С. 240—248.
- Медведев Я. В., Чекулаева Ю. А., Якушкина М. С. Анализ особенностей систем повышения квалификации работников образования за рубежом // Человек и образование. 2020. № 3. С. 148—154.
- Патронова И. А. Зарубежный опыт дополнительного образования педагогов // Учен. зап. Орл. гос. ун-та. 2021. № 1. С. 240—244.
- Столярова Н. Г., Канцер Н. А. Школьная система образования в Китае: история и современность // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXXIV Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 5 февр. 2020 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 69—77.
- Сухин И. Г. Методическое обеспечение общего образования в ведущих восточноазиатских странах в условиях глобальных рисков // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 4. С. 97—108.
- Хавенсон Т. Е. Интеграция школ в Латвии и Эстонии через реформу содержания образования // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 77—100.

References

- Aksenova, E. A. (2016), 'New scientific approaches to understanding the educational process in the Finnish school system', *Shkol'nye tekhnologii* [Journal of School Technology], no. 6: 23—30.
- Bulatova, A. V. and Bogunova, O. V. (2021), 'The school system in South Korea', *Obshchestvo, pedagogika, psikhologiya: teoriia i praktika: sbornik materialov vs Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Society, pedagogy, psychology: theory and practice: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation], Cheboksary, Russia, 28 May 2021, Izdatel'skii dom "Sreda", Cheboksary: 42—44.

- Dubakov, A. V., Olar, Ju. V. and Kuzmenkina, E. V. (2021), 'Education in Finland: the phenomenon of success', *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], vol. 9, no. 2, available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46322860_88675515.pdf (Accessed 12 November 2021).
- Dudko, S. A. (2021), 'The main factors of improving the quality of school education in Finland and Estonia', *Obrazovatel'noe prostranstvo v informatsionnoi epokhu: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Educational space in the information age: a collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference], Moscow, Russia, 8 June, 2021, Institut strategii razvitiia obrazovaniia RAO, Moscow: 161—171.
- Eremeeva, T. S. and Kalnitskaya, Ya. V. (2019), 'Features of the education system in China: historical retrospective and current state', *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], vol. 19, no. 3: 27—35.
- Havenson, T. E. (2019), 'Integration of schools in Latvia and Estonia through educational content reform', *Voprosy obrazovaniia* [Educational Studies Moscow], no. 3: 77—100.
- Ilyevich, T. P., Nikitovskaya, G. V. and Shchepul, S. Yu. (2021), 'Analysis of educational models of teacher training in foreign systems of continuing education', *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern Problems of Science and Education], no. 4, available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46540031_80659615.pdf (Accessed 29 November 2021).
- Kalugina, N. A., Li, N. V., Martynenko, O. O. and Sin, S. B. (2020), 'Development of inclusive education in the countries of the Asia-Pacific region', *Izvestiia Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], no. 4: 76—89. doi: 10.24866/2542-1611/2020-4/76-89.
- Kovrizhnykh, O. A. and GavriloVA, Y. V. (2021), 'Consequences of transformations of education systems in the countries of the East Asian region (on the example of South Korea and Japan)', *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], no. 2: 127—132.
- Lesin, S. M. (2019) and Sheveleva, N. N. 'Singapore Phenomenon: flexibility, diversity, citizenship', *Obrazovatel'naiia politika* [The Educational Policy], no. 1—2: 24—32.
- Li, B. and Igna, O. N. (2020), 'Professional and methodological training of teachers in China: history and current state', *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* [Pedagogical Review], no. 6: 172—182.

- Matveeva, E. F. (2018), ‘Teacher status in Asian leading countries: socio-cultural factor or features of state policy?’, *Vostochnaia Aziia i izmeneniia global'nogo miroporiadka: doklady, predstavlennye na V Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh vostokovedov v Institute Dal'nego Vostoka RAN*, [East Asia and Changes in the Global World Order: Reports Presented at the V International Conference of Young Orientalists at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences], Moscow, Russia, 16—17 November 2017, Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk, Moscow: 240—248.
- Medvedev, Ya. V., Chekulaeva, Yu. A. and Yakushkina, M. S. (2020), ‘Analysis of the features of professional development systems for education workers abroad’, *Chelovek i obrazovanie* [Man and Education], no. 3: 148—154.
- Patronova, I. A. (2021), ‘Foreign experience of additional education of teachers’, *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], no. 1: 240—244.
- Stolyarova, N. G. and Kancer, N. A. (2020), ‘The school system of education in China: history and modernity’, *Sovremennye tekhnologii: aktual'nye voprosy, dostizheniia i innovatsii: sbornik statei XXXIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern Technologies: Topical Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles of the XXXIV International Scientific and Practical Conference], Penza, Russia, 5 February 2020, Nauka i Prosveshchenie, Penza: 69—77.
- Sukhin, I. G. (2020), ‘Methodological support of general education in leading East Asian countries in the context of global risks’, *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy], vol. 1, no. 4: 97—108.
- Van, B. (2021), ‘The role of the Internet in modern education in China’, *Chelovek i obrazovanie* [Man and Education], no. 2: 157—166.
- Zaznobina, P. A. (2022), ‘Modern general education systems in foreign countries’, in Yurkin, N. G. (ed.), *Aktual'nye voprosy publichnogo upravleniia — 2021: sbornik rabot molodykh uchenykh Ivanovskogo filiala RANKhiGS pri Prezidente RF* [Topical issues of public administration — 2021: a collection of works by young scientists of the Ivanovo branch of the RANPEA under the President of the Russian Federation], Ivanovskii filial Rossiiskoi akademii narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF, Ivanovo, Russia: 70—81.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Информация об авторе / Information about the author

П. А. Зазнобина — магистр, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Иваново, Россия.

P. A. Zaznobina — master, Ivanovo branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Ivanovo, Russia.

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

FROM ARCHIVAL FUNDS

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 124—154.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 124—154.

Из архивных фондов

УДК 811.161.1

DOI: 10.46725/IW.2023.1.6

СТРАНИЦЫ ДРУЖБЫ СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО С СЕМЬЕЙ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА (на материале документов Ереванского Музея литературы и искусства им. Е. Чаренца и семейного архива Нвард Туманян)

Сусанна Гургеновна Ованесян

Институт литературы Национальной академии наук Республики Армения,
Ереван, Армения, sushovh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8718-6079>

Аннотация. В статье рассматриваются малоизученные страницы дружбы видного русского поэта и переводчика Сергея Городецкого с семьей великого армянского поэта Ованеса Туманяна. Русский поэт был особенно близок с сыном Туманяна Артаваздом и дочерью поэта Нвард. С ними его сближали общие интересы, совпадение вкусов и оценок в искусстве и литературе. Дружба эта началась в годы Первой мировой войны, когда Сергей Городецкий и Артавазд Туманян совместными усилиями спасали армянских детей-сирот в истекающей кровью Западной Армении. Продолжалась дружба Городецкого с семьей Туманяна и после трагической гибели Артавазда и смерти Ованеса Туманяна: уже в виде дружбы и переписки русского переводчика с дочерью Туманяна Нвард, которая на протяжении всей своей земной жизни сохраняла теплые, дружеские отношения со всеми близкими друзьями своего отца. Для современного литературоведения и туманяноведения многолетняя дружба Сергея Городецкого и Нвард Туманян имеет особенно важное значение.

© Ованесян С. Г., 2023

Ключевые слова: Ованес Туманян, Сергей Городецкий, Первая мировая война, Кавказский фронт, Тифлис, русско-армянские литературные взаимосвязи, воспоминания современников, перевод поэзии

Для цитирования: Ованесян С. Г. Страницы дружбы Сергея Городецкого с семьей Ованеса Туманяна (на материале документов Ереванского Музея литературы и искусства им. Е. Чаренца и семейного архива Нвард Туманян) // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 124—154.

From archival

**PAGES OF FRIENDSHIP OF SERGEY GORODETSKII
WITH HOVHANNES TUMANYAN'S FAMILY
(based on the documents of the Yerevan Museum
of Literature and Art named after Y. Charents
and the family archive of Nvard Tumanyan)**

Susanna G. Hovhannisyan

Institute of Literature of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia, sushovh@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8718-6079>

Abstract. The article examines the little-studied pages of friendship between the prominent Russian poet and translator Sergei Gorodetsky and the family of the great Armenian poet Hovhannes Tumanyan. The Russian poet was especially close to Tumanyan's son Artavazd and the poet's daughter Nvard, with whom he was brought together by common interests, coincidence of tastes and appreciations in art and literature. This friendship began during the First World War, when Sergei Gorodetsky and Artavazd Tumanyan worked together to save Armenian orphans in bleeding Western Armenia. Gorodetsky's friendship with the Tumanyan family continued even after the tragic death of Artavazd and the death of the poet — already in the form of friendship and correspondence between the Russian translator and Tumanyan's daughter Nvard, who throughout her earthly life maintained warm, friendly relations with all her father's close friends. The long-term friendship between Sergey Gorodetsky and Nvard Tumanyan is of particular importance for contemporary literary criticism and Tumanyan studies.

Keywords: Hovhannes Tumanyan, Sergey Gorodetsky, World War I, Caucasian Front, Tiflis, Russian-Armenian literary relations, memoirs of contemporaries, translation of poetry

For citation: Hovhannisyan, S. G. (2023), 'Pages of friendship of Sergey Gorodetskii with Hovhannes Tumanyan's family (based on the documents of the Yerevan Museum of Literature and Art named after Y. Charents and the family archive of Nvard Tumanyan)', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 124—154 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Одной из важных областей литературоведения является история литературных взаимосвязей, существование и развитие которых невозможно без художественных переводов, без рассмотрения различных больших и малых исследований по контактным связям между писателями, по переводной литературе, в том числе по теории и практике перевода. Культурные влияния и взаимосвязи обусловлены эстетическими требованиями разных эпох. Роль литературных связей в развитии художественной культуры всех народов мира огромна и очевидна. Изучение этих отношений во многом связано с выявлением особенностей разных этапов историографических процессов, что невозможно без рассмотрения культурно-исторических особенностей, без знания реалий жизни творческой интеллигенции, вовлеченной в литературную жизнь.

В этом смысле, с одной стороны, примечательна переписка семьи Ованеса Туманяна, его сына Артавазда и дочери Нвард с Сергеем Городецким, с другой стороны, переписка Нвард Туманян с русскими переводчиками произведений Ов. Туманяна и исследователями его творчества, его литературного наследия. Богатая и многообразная эпистолярная литература, связанная с Ов. Туманяном и его дочерью Нвард, представляет собой панораму философских размышлений и гуманистических идей известных деятелей науки, культуры и литературы, писателей и художников первой половины XX века, представителей армянской и русской творческой интеллигенции, потребность изучения которых актуальна во все времена.

В годы Первой мировой войны армянская и русская интеллигенция, солдаты и офицеры сражались вместе, плечом к плечу — как в искусстве, так и на поле боя. Творческая интеллигенция того периода осознавала свою роль как в служении искусству, так и в осуществлении общественной деятельности, спасении конкретных человеческих жизней. Принимая участие в литературных и общественных процессах, писатели и интеллигенты, не оставляя своего призвания, окунулись в общественную жизнь, держа в одной руке перо и кисть, а другой протягивая руку помощи осиротевшим детям и беженцам, спасая и защищая их, причем нередко ценой собственной жизни. Сергей Городецкий и Артавазд Туманян, с одной стороны, спасали детей-сирот в истекающем кровью Ване, с другой стороны, рисовали прекрасные пейзажи Армянского нагорья, продолжали заниматься творчеством: писали пьесы, романы и стихи. Популяризация такого поведения в экстраординарных, экстремальных ситуациях также актуальна во все времена.

Письма переводчиков имеют большое функциональное значение для литературы каждого народа, в частности, для теории и практики художественного перевода. Как междисциплинарная область литературный перевод связан с различными областями науки и культуры, к которым относятся вопросы истории, языкознания, филологии, эстетики, художественного восприятия. В этом смысле документальная направленность эпистолярной литературы приобретает особенно важное значение. Именно в письмах переводчиков можно найти ответы на вопросы, связанные с творческими задачами переводческой лаборатории, литературного вкуса, работы со словом, превращения художественного образа армянского оригинала в состоявшийся факт русской поэзии. Приводимые в публикации письма дают представление об историографических реалиях данного этапа литературы, текущей литературной жизни и личных отношениях армянской и русской творческой интеллигенции, а также о дружбе конкретных деятелей культуры, что, в свою очередь, способствовало появлению новых высокохудожественных переводов, обогащению литературных взаимосвязей двух народов.

Постановка вопроса. Цель публикации — посредством архивных документов, хранящихся в Ереванском музее литературы

и искусства им. Е. Чаренца и семейного архива Нвард Туманян, представить новые и малоизвестные подробности из истории дружеских отношений семьи величайшего армянского поэта Ованеса Туманяна с русским поэтом и переводчиком Сергеем Городецким.

Дружеские взаимоотношения Ов. Туманяна и С. Городецкого в той или иной степени рассмотрены в армянском литературоведении, но отношения Городецкого с сыном Туманяна Артаваздом и дочерью поэта Нвард пока еще не стали предметом специального исследования. В своей публикации мы представляем как неопубликованные, так и напечатанные во второй половине минувшего столетия письма с учетом того, что они в ряде случаев приводились с сокращениями, и к тому же не сопровождались необходимыми примечаниями, комментариями и научно-справочным аппаратом. Иными словами, публикации эти не соответствовали требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Представляемые нами письма и архивные материалы, по нашему убеждению, имеют важное значение не только в контексте русско-армянских литературных взаимосвязей. Это также интересные и примечательные страницы из истории дружбы ярких представителей русской и армянской творческой интеллигенции.

Методология и методы исследования

Готовя материал к публикации, мы использовали биографический метод и в хронологическом порядке рассматривали приводимые ниже письма на основе биографического материала, в контексте вызовов времени, конкретно-исторической эпохи, периодов Первой мировой войны и советских лет, реалий действительности и обстоятельств литературной жизни.

Основная часть

Ованес Туманян и Сергей Городецкий

Дружеские отношения С. Городецкого и Ов. Туманяна начали складываться в годы мировой войны и геноцида коренного армянского населения в Османской Турции. В апреле 1916 г., отправляясь из Тифлиса на Кавказский фронт в качестве полномочного представителя Кавказского комитета Всероссийского

союза городов и военного корреспондента газеты «Русское слово», С. Городецкий писал: «Величие души Ованеса Туманяна выразилось в том, что для спасения и благополучия своего народа он нашел в своем сердце теплый уголок для труда и творческого вдохновения, для меня, немного запутавшегося в те времена русского поэта» [Туманян в воспоминаниях..., 1969: 857]¹.

В Тифлисе Городецкий познакомился с Туманяном в тот момент, когда поэт пытался убедить Ал. Хатисяна² организовать всестороннюю помощь армянскому населению города Ван [Там же]. Узнав, что Городецкий командирован в Ван, Туманян в первый же день знакомства попросил его: «Соберите и спасите детей. Они разбросаны тут и там. Они живут в руинах, в ущельях. Мы здесь организуем детский дом» [Там же]. С первой же минуты знакомства перед молодым русским писателем предстал обаятельный, чарующий образ всенародно известного армянского поэта и великого гуманиста. Обратившись к отправлявшемуся на фронт Городецкому с просьбой оказывать помощь армянским беженцам и сиротам, Туманян добавил: «Не забывайте также о курдских детях. Они такие же беспризорные, как и наши» [Там же: 875].

Потрясенный и воодушевленный этой первой встречей и знакомством с Туманяном, Городецкий написал свое первое стихотворное посвящение «Армении», строки которого послужили вступлением к его книге «Ангел Армении» (1918 г.), посвященной «ангелу-хранителю Армении» — Ованесу Туманяну³.

В свою очередь, Ов. Туманян, и особенно его сын Артавазд, с большим энтузиазмом приняли русского друга армянского народа, оказали ему конкретную помощь в изучении армянской

---

¹ В цитируемых текстах сохранена авторская орфография и пунктуация.

² Александр Иванович Хатисян (Хатисов) (17 февраля 1874, Тифлис — 10 марта 1945, Париж) — армянский политический и общественный деятель. В 1910—1917 гг. — городской голова Тифлиса. В 1912 г. выступал свидетелем на судебном процессе по делу партии «Дашнакцутюн» в Петербурге. Во время Первой мировой войны Хатисов в качестве председателя Кавказского комитета Союза городов консультировал главнокомандующего Кавказской армией графа И. И. Воронцова-Дашкова, армянского епископа Тифлиса Месропа Тер-Мовсисяна и д-ра Акопа Завриева по вопросу организации армянских добровольческих дружин.

³ Кавказское слово. 1918. 3 янв. С. 3.

литературы и ее истории. При каждом удобном случае Городецкий обращался к Туманяну либо к его сыну Артавазду, или дочери Нвард с целью расширения своих познаний в области армянской литературы, языка, культуры и искусства. В декабре 1917 г. он пишет Туманяну: «Очень прошу, если можно, книгу об армянском театре. Мечтаю получить сегодня вечером и Вашу статью на эту тему — очень мечтаю, хоть краткую!»⁴

Городецкий в первую очередь рассчитывал на поддержку семьи Туманяна в ознакомлении и популяризации армянской культуры. Об этом же свидетельствуют представляемые ниже письма. Письма русского поэта свидетельствуют также о его четкой жизненной позиции, об активной общественной деятельности, направленной на оказание помощи чудом спасшимся от кровавой резни и геноцида армянским беженцам и детям-сиротам.

Близкие, дружеские отношения Ов. Туманяна и С. Городецкого изучены в литературе по истории армяно-русских литературных взаимосвязей. Не случайно Ов. Туманян, обеспокоенный уходом русской армии из Южного Кавказа, в своем известном открытом письме за 3 января 1918 г. обратился именно к Городецкому. Последний, в свою очередь, попытался как-то поддержать своего друга обнадеживающим ответом [Закарян, 1984: 144]. Эта переписка, невзирая ни на что, безотносительно к вызовам погрязшей в хаос и смуту исторической эпохи, взрывоопасной неопределенности политической ситуации и неясности завтрашней судьбы армянского народа, является убедительным доказательством русской ориентации Туманяна. Сетую по поводу того, что русские войска из-за неразберихи революционного времени оставили Кавказ, поэт в письме Городецкому поднимает несколько вопросов: «Верить ли, что русские могут так легко оставить поля своих побед и Кавказ?»

Верить ли, что русские только по воле царей шли на Кавказ, и ныне из-за отсутствия этой воли, возвращаются домой?

---

⁴ Письмо хранится в Ереванском Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца. Фонд Ов. Туманяна, № 1098 (далее: ЕМ Ф. Ов. Т). Впервые письмо было опубликовано в сборнике: Городецкий С. Об Армении и армянской культуре / под ред. и с предисл. акад. Г. Б. Гарибджаняна; сост., ком. И. Р. Сафразбекян. Ереван: Айастан, 1974. С. 181.

Разве Россия представляет собой одну лишь резиновую массу, которую растянули далеко и теперь на свободе она стягивается обратно, или же в этом историческом поступательном движении русского народа был свой внутренний смысл, обусловленный великим духом народа?

При завоевании Кавказа и вообще Ближнего Востока лучшие русские люди выражали ту мысль, что Россия призвана создать в этих странах свободную гражданскую жизнь, укрепить справедливый правопорядок и быть носительницей культуры и просвещения.

Как вы думаете, всё это были лишь пустые фразы, и мы, верившие до сих пор, ошибались?

Россия за столетие с лишним положила миллиарды денег и миллионы жизней в бесчисленных героических войнах и создала обширнейшее государство, представляющее ныне великую российскую республику.

Как вы думаете, нет никакой связи между теми миллионами русских людей и нынешними? И свободные русские люди наших дней, стоящие ещё на исторических братских могилах, разве ныне отказываются от своего наследства, от своего положения на Востоке и от исполнения своей великой национальной миссии?

Разве развал этого нового третьего Рима не отдается с болью в сердцах его сынов, и великая родина не найдет защиты в многотысячных своих полках и не создастся новое мощное движение для защиты величия, свободы и чести России?» [Туманян, 1995: 346—348].

В тот же день в тифлисской русскоязычной газете «Кавказское слово» было опубликовано стихотворение С. Городецкого «Ангел Армении» с посвящением — «Ованесу Туманяну»⁵. В стихотворении армянский поэт предстает в образе орла, пытающегося защитить свое разоренное гнездо.

Он мне явился в блеске алых роз,
Над той страной, что всех несчастней стран,
Одним крылом он осенял Масис⁶,
Другим — седой от горьких слез Сипан.

---

⁵ Кавказское слово. 1918. 3 янв.

⁶ Армянское название горы Арарат.

Завершается стихотворение в мажорной интонации, в оптимистическом духе.

Встань, страна! Воскресни, Айастан!
Вот раду я поднял над тобой!
Ты всех земных была несчастней стран,
Теперь счастливой осенись судьбой!⁷

Ответ Городецкого на «Открытое письмо» Туманяна не заставил себя долго ждать. Через неделю, 9 января 1918 г., в газете «Кавказское слово» публикуется статья русского поэта «Ответ Ованесу Туманяну». В статье, в частности, читаем: «Русское дело на Кавказе переживает только кратковременный кризис.

И если нас сейчас жгут и гонят, если вместо вчерашнего подобострастия мы начинаем встречать опыты пренебрежительного к нам отношения, то это только начальное недоразумение, которое не замедлит рассеяться.

Кавказ не может жить без России, как и Россия без Кавказа.

Понимание этого пробивало даже толщу золотых корон прежних наших правителей. Но, понимая дело по существу, они непростительно вели себя по отношению к народностям Кавказа: ценою мирного развития под русской эгидой была утрата национальной самостоятельности.

Конечно, Российская республика не повторит этих варварских ошибок. Ни в одном конгломерате народов на земле не будет такой свободы самоопределения наций, как в Российской федерации. Но тем теснее будет внутренняя спайка наций.

...Прежде она [Россия — С. О.] была первой среди угнетенных, теперь она будет первой среди равных. Раньше она насильно водворяла свою казенную культуру. Теперь она... понесет кавказским народам все блага культуры, которыми мы владеем: энтузиазм своей интеллигенции, сокровища своей литературы, музыки и искусства, свои молодые технические силы, свою впервые

---

⁷ Кавказское слово. 1918. 3 янв. С. 3. См. также: Հովհաննէս Թումանյանի կյանքի և ստեղծագործութեան տարեգրություն (1915—1919). Երևան: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ, 2019. էջ 488 (на арм. яз. — Летопись жизни и творчества Ованеса Туманяна (1915—1919). Ереван: Изд-во НАН РА «Гитутюн», 2019. С. 488).

получившую возможность раскрываться культуру. И это новое русское дело уже началось.

Все жалкие слова про Россию уже сказаны: и развал, и распад, и гибель, и смерть, и колония, и Московия, но не держатся они как-то рядом с Россией. И есть другие слова, которые незаметно, но очень крепко с ней связались: республика, федерация»⁸.

А еще через месяц С. Городецкий написал новое стихотворное посвящение Ов. Туманяну — «Мудрецу».

Когда зажгутся звездные лампы,
Мой вещий друг, в час Рока, перед сном,
Подумай обо мне, в ком жизни яды,
Горя, змеятся гибельным клубком.

И что увидишь, мудрый, расскажи мне,
Чтоб знал, чего мне ждать: расцвета мук
И мести неба, иль в хвалебном гимне
Прекрасных Муз ко мне простертых рук⁹.

Спустя тридцать лет, в стихотворении 1947 г. «Беседа с Ованесом Туманяном», С. Городецкий вновь вернется к своим раздумьям о той трагической для Армении и армянского народа эпохе, в стихотворной форме расскажет о том, о чем в свое время говорил в публицистических статьях и письмах.

В пропотелой коросте сукна
Я приехал из дымного Вана,
Где в развалинах тлела страна,
Дорогая душе Туманяна.

Сын его, мой дружок Артавазд
Пал, зарубленный саблейю вражьей.
Знал об этом отец. И рвалась
Нить беседы о том, что не скажешь.

---

⁸ Кавказское слово. 1918. 9 янв. См. также: Հովհաննէս Թումանյանի կյանքի և ստեղծագործութեան տարեգրութիւն, էջ 489—491 (на арм. яз. — Летопись жизни и творчества Ованеса Туманяна. С. 489—491).

⁹ Рукопись хранится в ЕМ Ф. Ов. Т. № 1100.

Где он взял, Ованес, столько сил,
Чтоб слезою не вспыхнуть ни разу?
Не о сыне своем говорил,
О судьбе всех народов Кавказа.

Встал поэт. Из замученных глаз
Проблеснули зарницы тугие.
Он спросил: «Неужели Кавказ
Покидает навеки Россия?»

Ведь она лишь одна помогла
Нам в далекие черные годы
И от шахского рабства спасла
Закавказские наши народы.

Правда в сердце российском живет —
Это знают века и народы.
Неужели же русский народ
Позабудет нас в трудные годы?»

Я, неграмотный в судьбах людей,
В гимнастерке своей запотелой
Задыхался под вихрем идей,
Мудрецу отвечая несмело:

«Буря мчится над нами теперь,
Вольно сердце московское бьется,
И в Россию открытая дверь
Пред Кавказом навек не замкнется».

Вспыхнул взором седой Туманян.
И душа распахнулась поэта,
О свободе, о дружбе всех стран
Убежденной мечтою согрета

[Городецкий, 1974: 18—19].

Ов. Туманян всегда ставил различительную черту между правительствами и народами, между чиновниками и деятелями культуры и никогда не взваливал вину одних на плечи других. Обращаясь к С. Городецкому, он руководствовался этим своим принципом. И между двумя поэтами часто завязывались долгие беседы о пагубной роли правителей в судьбах народов. В своей программной статье «Близкий сосед и дальний родственник» Туманян пишет:

«По-моему, это неправда, когда говорят, что каждое правительство заслуживает своего народа. Наоборот, правительства вообще не заслуживают своих народов; и в мире очень мало правительств, заслуживающих того, чтобы быть со своим народом, и находящихся с ним. Например, так, как поэт» [Туманян, 1995: 505]. Поэт был уверен, что «решения и действия народов более ценны, чем решения их правительств... Правительства временны и изменчивы, народы постоянны и неизменны» [Там же: 399].

Вот почему Туманян не прекращал сотрудничества с дружественными армянскому народу зарубежными деятелями культуры и писателями, в том числе с Сергеем Городецким. Вместе они продумывали способы поддержки армянской интеллигенции в трудные послевоенные годы. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Городецкого от 6 апреля 1919 г., в котором он подробно излагает свое видение решения этой проблемы [Хроника жизни..., 2019: 740—741].

Как мы уже отмечали, С. Городецкий был особенно близок с сыном Туманяна Артаваздом и дочерью поэта Нвард Артавазд (Артик) Туманян оказался в круговороте мировой войны в двадцатилетнем возрасте. Городецкий познакомился с Артаваздом в квартире Туманяна во время первого своего посещения, затем подружился с ним в Васпуракане, во время оказания помощи армянским беженцам и детям-сиротам. Артавазд продолжал оставаться в осажденном регулярными турецкими войсками и жаждающими легкой наживы бандами курдских головорезов городе Ване в должности коменданта. Он покинул Ван одним из самых последних, после окончательного падения города, и трагически погиб весной 1918 г., попав в пограничном с Ираном поселке Гёй-Тапа (Синий Холм) в коварную засаду, устроенную отрядом курдских разбойников. Ему тогда не исполнилось и 24-х лет.

Примечательно, что в отступавшей из Вана группе рядом с Артаваздом Туманяном находился и сам Сергей Городецкий, который спасся чудом. Поэт рассказывает об этом, не вдаваясь в подробности, в одном из своих поздних писем к Нвард Туманян: «Я не погиб с ним [Артаваздом — С. Г.] и друзьями только потому, что 6 ноября во время набегов чуть не слетел в пропасть и, сломав ногу, был эвакуирован» [Городецкий, 1974: 189].

Артавазд Туманян был очень талантливым, разносторонне одаренным юношей, яркой личностью. Литературное наследие его отличается жанровым многообразием. Он писал стихи, прозаические произведения: рассказы, сказки, писал публицистические статьи, научные исследования, занимался художественным переводом. Значительную часть прозы Артавазда составляют переводы и переложения из Л. Толстого, А. Куприна, Д. Мамина-Сибиряка, Г.-Х. Андерсена и других авторов. Но самыми большими его страстями были драматургия и живопись. Артавазд пытался самореализоваться и как актер, и как драматург, и как живописец, и как музыковед. Даже в смутные, полные опасностей дни ужасов и кошмаров, начавшихся кровавых погромов и геноцида армянского народа юношу не покидает живой интерес к художественному творчеству. Находясь в местах военных действий, он разъезжал по регионам Западной Армении и рисовал древние армянские монастыри и крепости. По просьбе С. Городецкого Артавазд стал обучать его армянскому языку и письменности. С первых дней 1918 г. он был назначен комендантом Вана, став, таким образом, последним в истории города армянским комендантом. Когда в городе началась паника, связанная со всеобщим отступлением защищавшей Ван русской армии, Артавазд остался в городе. Он реально мог спастись, но принял решение оставить Ван только вместе с последним защитником города.

Ов. Туманян узнал о трагической смерти сына из газет, с большим опозданием. В своей телеграмме с соболезнованием С. Городецкий называл Артавазда незабываемым другом с прекрасным взглядом и душой. «Как много творческих сил погубили в нем, жаль его сердца, которое было переполнено горячей туманяновской кровью. Артавазда ожидало процветание. Вся юношеская неуравновешенность, которая была в нем, непременно должна была превратиться в прекрасное произведение... Смерть выбрала в качестве своей последней жертвы самых лучших, самых преданных, самых необходимых, и только их светлые тени будут парить над Арменией — в дни ее возрождения»¹⁰. Впоследствии С. Городецкий описал свою поездку в Западную Армению в оставшемся незавершенным романе «Сады

---

¹⁰ ЕМ Ф. Ов. Т. № 1102.

Семирамиды»¹¹, в котором уделил значительное место «сыну самого любимого поэта Армении», сделав Артавазда одним из главных персонажей своего произведения. Артавазд характеризуется как большой патриот, как стройный и благообразный юноша, наделенный огромной любовью к искусству, прекрасно разбирающийся в литературе, живописи и музыке и умеющий оригинально мыслить.

Дружба Сергея Городецкого с Нвард Туманян

Для туманяноведения особое значение имеет многолетняя дружба Сергея Городецкого и Нвард Туманян.

Именно по просьбе и настоянию Нвард русский поэт написал теплые и очень ценные воспоминания об Ов. Туманяне. В своих воспоминаниях он по достоинству оценил и отдал дань уважения Поэту всех армян, усмотрев «кровную близость» между Туманяном и Пушкиным. В творчестве Туманяна Городецкий отметил «скорость повествования», «обворожительность песенной ритмики», «оптимизм, неотделимый от трагизма». Городецкий пишет: «Понять Ованеса Туманяна означает понять Армению с ее древними идеями мирной земной жизни, с ее стремлением к пасторали сотрудничества природы и людей — вопреки трагическому ходу истории» [Туманян в воспоминаниях ..., 2020: 501]. По свидетельству Егише Чаренца, Городецкий в узком кругу писателей сказал: «Побывать в Тифлисе и не увидеть Туманяна это то же, что побывать в Москве и не увидеть колокольню Ивана Грозного» [Там же: 511].

Нвард Туманян пользовалась большой любовью и уважением в литературной среде как при жизни отца, так и после его смерти. Ее дружба и сотрудничество с Сергеем Городецким восходят к 1916 г., к первой встрече русского поэта с Ов. Туманяном и его семьей. В 1915 г. в Тифлисе функционировал «Комитет армянских девушек», одним из самых активных членов которого была Нвард Туманян. Она сотрудничала с тифлисским центральным комитетом по делам беженцев, а также с Всероссийским союзом городов,

---

¹¹ Произведение это, так и оставшееся необработанным и незавершенным, опубликовано в сборнике: *Городецкий С. Указ. соч. С. 103—181.*

представителем которого на Кавказском фронте и в Западной Армении являлся Городецкий. Более того, еще в 1915 г. указанный комитет решил направить в Игдыр группу сестер милосердия во главе с Нвард — «без оплаты», то есть на волонтерских началах¹², и с той же миссией, с которой Городецкому предстояло отправиться в Западную Армению.

Нвард и Городецкого сближали также общие интересы, совпадение вкусов и оценок в искусстве и литературе. Нвард была одной из самых образованных и развитых женщин своего времени. Она, как и Городецкий, любила живопись и скульптуру. Городецкий был также большим ценителем изобразительного искусства. Он неплохо рисовал, сам оформлял свои книги. Нвард посещала Тифлисскую художественную школу параллельно с 4-м классом гимназии Овнаняна. Среди дочерей Туманяна Нвард была ближе всех остальных к отцу, всегда находилась в окружении армянских и зарубежных деятелей культуры, музыкантов и художников. А после знакомства с Городецким, уже в 1917 г., по инициативе Нвард в Тифлисе был организован «Армянский студенческий культурный союз», обязанности председателя которого взяла на себя Нвард.

В письмах Городецкого к Туманяну также часто упоминается имя Нвард, что лишний раз подтверждает дружеское отношение русского поэта к самоотверженной и патриотичной дочери армянского поэта. В письме Туманяну 6 мая 1919 г. Городецкий писал: «Дорогой Ованес Фаддеевич... Не забудьте про сегодняшний вечер. Просим прийти и Нвард».

---

¹² В тифлисской газете «Оризон» за 14 августа 1915 г. было опубликовано сообщение «Центрального комитета помощи беженцам», в котором, в частности, говорилось: «Имея в виду необходимость участия сил интеллигенции в деле доставки помощи беженцам, Армянский центральный комитет организовал три группы. Первая группа, которая действует в Игдыре, состоит из шести человек, представляющих комитет армянских девушек, под руководством барышни Н. Туманян; вторая группа — в Эчмиадзине, под руководством барышни Капанакян; третья группа — в Дилижане, под руководством д-ра Язмачяна и д-ра Туманяна» // Տե՛ս «Հորիզոն». 1915. 14 օգոստոսի, էջ 3 (на арм. яз. — Оризон. 1915. 14 авг. С. 3).

Наглядным доказательством многолетней большой дружбы русского поэта с Нвард Туманян является их переписка. Сохранились одиннадцать писем Сергея Городецкого, адресованных Нвард¹³. Дружба эта началась в 1916 г. и продолжалась до конца жизни Нвард (переписка велась с 1916 по 1955 гг.). В своих письмах русский поэт, в частности, рассказывал о неопишуемой красоте природы Западной Армении и о разрушающей ее идиллию и гармонию человеческой трагедии; делился своей мечтой «побывать еще на первозданных скалах Армении, где так остро чувствуется связь человека с породившей его природой»¹⁴; рассказывал об ужасах Первой мировой войны; писал об актуальных задачах текущей литературной жизни; вспоминал эпизод, когда они вместе с Нвард выкрали цветы из тифлисского ботанического сада. Почти во всех своих письмах Сергей Митрофанович выражает свое безграничное восхищение творчеством и человеческим образом Ов. Туманяна, говорит о том «огромном впечатлении», которое произвела на него Армения. И каждый раз при этом русский поэт отождествлял Туманяна с Арменией. Писал он и о том, что никак не может забыть тех бесчисленных армянских детей-сирот, которых он спас в Западной Армении от верной гибели, и интересовался их дальнейшими судьбами; писал о пожарах в Ване. А в заключительных строках его последнего письма к Нвард, датированного 1955 г., он называет новые поколения армянских детей «зерном будущего Армении»¹⁵.

Нвард была наделена большим женским обаянием, а ее природный ум и прекрасное по тем временам образование делали ее еще более привлекательной. Она стала «вдохновляющей музой» для многих известных деятелей литературы, искусства, культуры и науки эпохи. Ей посвящали стихи Вагаршак Норенц, Егише Чаренц, известный ученый-языковед Рачия Ачарян¹⁶,

---

¹³ Письма эти опубликованы в сб.: *Городецкий С.* Указ. соч. С. 184—191.

¹⁴ Там же. С. 187.

¹⁵ Там же. С. 191.

¹⁶ Рачия Акопович Ачарян (1876—1953) — выдающийся армянский языковед, филолог, этимолог, полиглот, действительный член Академии наук Армянской ССР (1943). Известен своими работами в области диалектологии, лексикологии, лексикографии, истории языка и т. д.

Ованес Шираз, Ованес Карапетян, Дереник Демирчян, Иосеб Гришашвили и др.¹⁷ Стихотворные посвящения Нвард написаны на армянском, русском, грузинском, а Р. Ачарян написал свое посвящение на древнеармянском языке — грабаре¹⁸. Конечно, особняком в этом ряду стоит Ваан Терьян, который посвятил Нвард Туманян целый ряд прекрасных стихотворений, в том числе цикл триолетов. В июле 1915 г. Терьян пишет из Петербурга: «Я написал несколько триолетов для Вас, моя дорогая и хорошая Нвард... Мне хотелось, чтобы это было “ожерельем триолетов”» [Терьян, 1979: 214].

С большой симпатией и человеческой теплотой относилась к Нвард жена Валерия Брюсова Иоанна Матвеевна. В одном из своих 22-х писем, адресованных Нвард Туманян, она выразила сожаление, что не умеет писать стихов, а если бы умела, то непременно посвятила бы Нвард сонет. Иоанна Матвеевна называла Нвард «гением всего самого хорошего и доброты», и признавалась, что из всех своих родных и близких только Нвард она любит «как прежде» [Ованесян, 1985: 433].

В заключение отметим, что Нвард Туманян на протяжении всей своей земной жизни сохраняла теплые, дружеские отношения со всеми близкими друзьями своего отца. До конца жизни она сохраняла контакты с каждым из них. И очень важное, свое особое место среди этих людей, конечно же, занимал Сергей Городецкий.

***

Публикуемые ниже письма Сергея Митрофановича Городецкого Ованесу Туманяну и Нвард Туманян, а также стихотворные посвящения русского поэта являются убедительными

---

¹⁷ Указанные стихотворные посвящения хранятся в семейном архиве Нвард Туманян, который нам в свое время любезно предоставила младшая дочь поэта, директор Ереванского музея Ов. Туманяна Тамара Ованесовна (Ивановна) (10.05.1907—19.09.1989).

¹⁸ Семейный архив Нвард Туманян. В настоящее время находится у внучки поэта Ирмы Сафразбекян. Она любезно предоставила нам некоторые материалы, за что мы выражаем ей свою благодарность.

документальными свидетельствами высоких человеческих отношений, большой и искренней дружбы и творческого сотрудничества этих видных деятелей культуры.

1. Письмо С. Городецкого Ов. Туманяну¹⁹

Гой-Джюльфа — Тифлис

24 апреля 1916 г.

Дорогой мой и прекрасный друг.

Я все еще не в Армении, не у вулканов, Сипан и Нимруд²⁰ еще не радуют моих глаз. Но и Персия как сказка — нелепая, смешная, очаровательная, жуткая. В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном Вашем доме. Шлю всем привет, ангелу Тamarочке²¹ целую черную головку.

Преданный Вам и любящий Вас

С. Городецкий.

Адрес: Джюльфа, Контора Всеар.[мянского] Союза Гор.[одов]

---

¹⁹ Письмо хранится в ЕМ Ф. Ов. Т. № 1095. Письмо в полном объеме публикуется впервые. С незначительными сокращениями и без научно-справочного аппарата письмо приводится в сборнике: *Городецкий С.* Указ. соч. С. 181.

²⁰ Горы Армянского нагорья. Гора Сипан находится на северном берегу озера Ван и является одним из крупных вулканов Армянского нагорья. Высота горы составляет 4058 метров. В свое время была одной из самых сакральных гор Армении. Немрут находится неподалеку от озера Ван и является потухшим вулканом Армянского нагорья. На горе расположена древнейшая армянская святыня — гробница царя Коммагенского царства Антиоха Первого Ервандуни. Святылище горы Немрут представляет из себя комплекс сооружений, в который помимо гробницы Антиоха Первого на вершине горы входят огромные каменные статуи, расположенные вокруг захоронения. Согласно древним армянским легендам, Сипан является символом Айка, а Немрут — символом Бела.

²¹ Речь идет о самой младшей дочери поэта Тamar, которой на тот момент было девять лет.

2. Письмо С. Городецкого Ов. Туманяну²²

Ван — Тифлис

11.05.1916 г.

Дорогой друг!

Вот я вижу их, воспетые Вами вулканы; и огромные чувства волнуют меня, жуткие и печальные, в цветущих садах Вана. Но среди этих чувств есть одно, ясное, как утро сейчас, — это воспоминание о Вас. Оно меня не покидает.

Сына Вашего я очень полюбил²³.

---

²² Письмо хранится в ЕМ Ф. Ов. Т. № 1096. Письмо в полном объеме публикуется впервые.

²³ Имеется в виду Артавазд (Артик) Туманян. Подробнее о дружбе С. Городецкого и А. Туманяна см.: Չարսրյան Անուշավան, Ռուս գրողները Անդրկովկասում և հայ գրական կյանքը. Երևան: «Սովետական գրող» հրատ, 1984. Էջ 101 (на арм. языке — *Закарян Ан.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь. Ереван: Советский писатель, 1984. С. 101; *Ованесян С.* Артавазд Туманян:

Будучи в Персии, я сочинил, шутя и любя, здравицу Вам. Переверните эту страницу и прочтите:

Здравица

Ованес, Ованес, Ованес,
Ты пивал ли персидский бекмес²⁴?
Туманян, Туманян, Туманян,
Ты курил ли душистый кальян?
За здоровье, за славу твою
Ало-черную влагу я пью.
И курю я, дыша, словно вол,
За здоровье твое! Чох сагол!²⁵

Крепко жму Вашу руку. Всей Вашей райской семье приветы. Тамарочке целую черные кудри.

Ваш душевно. С. Городецкий

3. Письмо С. Городецкого Ов. Туманяну²⁶

Тифлис — Тифлис

3.12.1918 г.

Дорогой Ованес Фадеевич.

Сейчас Вартгез²⁷ перевел мне из «Оризона» печальные строки о гибели в бою наших общих друзей и в их числе нашего нежного темнокрылого голубя Артика²⁸.

добровольная жертва геноцида // Историко-филологический журнал. 2015. № 2. С. 72—73).

²⁴ Бекмес (дошаб) — пищевой продукт, получаемый из фруктов, ягод и овощей, густой сироп.

²⁵ Чох сагол (тур.) — большое спасибо.

²⁶ Письмо хранится в ЕМ Ф. Ов. Т. № 1102. Впервые без научно-справочного аппарата опубликовано в сборнике: Городецкий С. Указ. соч. С. 182.

²⁷ Речь идет о литературоведе Вардгесе Аветисовиче Агароняне (1988—1965), сыне известного армянского писателя и государственного деятеля Аветиса Агароняна.

²⁸ С. Городецкий имел в виду заметку в газете «Нор Оризон», в которой сообщалось о трагической гибели Артавазда Туманяна. В этот день Туманян просматривал утреннюю почту и случайно прочитал в тифлисской газете «Нор Оризон» извещение об убийстве сына Артавазда.

Слезы мне застилают глаза, я его любил как единокровного брата, но мое горе кажется мне маленькими сумерками по сравнению с огромной ночью вашей скорби.

Я не смею утешать вас, отца героя, но я так близко-близко стою около вас и смотрю вместе с вами в опустевший мир и жду минуты, чтобы поднять вместе с вами глаза к вечным звездам, где теперь душа Артика.

Обнимаю вас и целую вас крепко.
Всею душой Ваш Городецкий.

4. Письмо С. Городецкого Ов. Туманяну²⁹

Тифлис — Тифлис

6 апреля 1919 г.

Дорогой Ованес Фаддеевич.

За один день я не успел составить сколько-нибудь подробного проекта распределения продуктов среди интеллигенции. Поэтому разрешите мне сейчас изложить только основные положения проекта, которые мне представляются целесообразными. Если они будут приняты вашим совещанием, я в кратчайший срок разработаю проект.

Проект имеет три части:

1. Администрация.
2. Транспорт.
3. Распределение.

1. Администрация. Во главе всего дела стоит Бюро. Его состав: 1) представители Америки; 2) представители местных финансистов; 3) представители общественных деятелей, литераторов и т. д.

Его функции: 1) Высшая администрация; 2) Финансы; 3) Контроль; 4) Ревизия.

2. Районные комитеты:

а) Получают продукты из районных складов.

В небольшой заметке говорилось: «По дороге, ведущей из Беджара в Хамадан, курдами были убиты доктор Варданян, Микаэл, Туманян Артавазд и барышня Саакян (служащая “Союза городов”)». Նոր Հորիզոն, թերթ, Թիֆլիս, 1918, № 12, դեկտեմբերի 3, էջ 1 (на арм. языке — Нор Оризон. 1918. № 12, 3 дек. С. 1. Թումանյան Նվարդ. Հուշեր և գրույցներ. Երևան: Սովետ. Գրող, 1987. էջ 167 (на арм. языке — Туманян Н. Воспоминания и беседы, Ереван: Советский писатель, 1987. С. 167).

²⁹ Письмо хранится в ЕМ Ф. Ов. Т. № 1103. Публикуется впервые.

б) Выдают продукты домовым комитетам по карточкам, предъявляемым последними.

2. Домовые комитеты:

а) Составляют карточки получателей;

б) Получают продукты из районных комитетов;

в) Выдают продукты получателям.

Такая организация представляется мне наиболее гибкой. Буду ждать Вашего ответа.

Крепко жму руку.

Ваш Сергей Городецкий.

5. Стихи-посвящения С. Городецкого Н. Туманян³⁰

Москва — Ереван

20 июня 1949 г.

НВАРД ТУМАНЯН

Твою любовь сравнить не смею
С моею нежностью к нему,
Но песнь спою я, как умею,
Его таланту и уму.

Он был глашатаем свободы,
Когда над миром мрак стоял,
И все кавказские народы
К содружеству с Россией звал.

Как быстро годы пронеслися!
Как много унеслось друзей!
Так пусть откроется в Тбилиси
Наш Ованесовский музей!

Сергей Городецкий

---

³⁰ Рукописные подлинники стихотворений хранятся в семейном архиве Ованеса Туманяна и в необработанном виде находятся у внучки поэта Ирмы Сафразбекян. Она любезно предоставила их нам, за что мы выражаем ей свою благодарность.

Москва
1949
20/VI

Игорь Тумени

Твоего лобка срастить бы с мен
С моей петлюшкою к ремню,
Но не в слух, а, как у меня,
Сюда галстук и ушу.

Он был машает светом,
Когда над миром мрак стел,
И все кавказские корды
К содружеству с Россией звал.

Как быстро годы пролетели!
Как много изменилось друзей!
Там встал откряк в Рейнхисе
Наш Обваловский музей!

Эмиль Володарский

Москва, 20/06 1949

НВАРД ТУМАНЯН

В Москве дымился март туманный,
Снега волну еще не гнали.
Еще грачи свой говор странный
В моем саду не начинали.

Я ждал весны. И вдруг осенний
Привет летит из Эривана:
Плоды ореховых растений,
Тугой кишмиш благоуханный.

О диалектика! Я понял
Твои таинственные нити!
Осенний плод держу в ладонях,
Когда весна поет: цветите!

Дочь мудреца, мудра ты тоже.
Благодарю за твой привет.
Он время в сердце уничтожил,
Как будто времени и нет.

Твой дар как будто бы сорвался
С богатой трапезы отца.
Как будто и сейчас касался
Уст незабвенного певца.

Как будто ты пугливой ланью
Промчалась... Кофе принесла
И, взором ночи сердце ранив,
К несбывшемуся позвала.

Сергей Городецкий.

Москва

4. III. 50

39

Ивард Туманян.

В Москве длилась март туманки,
Снега волну еще не знали.
Еще граги свои говор странники
В моем саду не начинали.

А ждал весны. И вдруг осенний
Привет летит из Эривана:
Плоды ореховых растений,
Тугой кивком белоуханьи.

О диалектика! Я понял
Твои таинственные кити!
Осенний плод дерну в ладошках,
Когда весна поет: улетите!

+

Дочь мудреца, мудра ты тоже.
Благодарю за твой привет.
Он время в сердце уничтожил,
Как будто времени и нет.

Твой дар как будто бы сорвался
С богатой трапезы отча.
Как будто и сейчас касался
Уст неразвенно пелча.

Как будто ты пугливой ланью
Пронмалась... Козе приносил
И, взором ноги сердце ранив,
К несбытвенной позвала.

Евгений Евтушенко

6. Письмо С. Городецкого Н. Туманян³¹

Москва — Ереван

23 марта 1950 г.

Дорогой друг Нвард!

Сейчас разыскал Ваше письмо от 15 сентября 1949 года, при котором Вы любезно прислали мне мою статью и, действительно, на ней нет отметки, что я на него ответил.

Не примите это за неблагодарность. В небольших отрезках времени, которые мне остаются от текущей работы, не нашлось, очевидно, щели, чтоб заглянуть в прошлое.

Отвечаю на Ваши вопросы:

С Тифлисом я связан с 1902 года, когда я, кончив гимназию, приехал к своей сестре — жене городского архитектора Алексея Константиновича Васильева, которому грузины обязаны благодарностью за постройку гимназий, больниц и других зданий, сооруженных в строгом стиле — вопреки тогдашним вкусам армянских богачей, строивших Тифлис и склонных к декадентскому стилю (почта в Боржоми).

Одно из замечательных, новаторских сооружений архитектора Васильева — мостик в Ботаническом саду под ущельем — чудо техники и красоты и смелости замысла.

Брату Ал. К. Васильева, Ивану Константиновичу, грузины обязаны сохранением многих лесных заповедников, беспощадно тогда вырубаемых промотавшимися князьями...

После этого я много раз бывал в Тбилиси.

Потом был перерыв.

С 16 года (или с конца 15-го) я бывал в Тбилиси проездом на фронт в Турецкую Армению, где я работал корреспондентом «Русского слова» и собирал, как Вы знаете, сирот-армян, которых вывез через Бегрикальское ущелье в Игдыр из Вана несколько сот.

В Ереване, наверно, работают сейчас эти мои дети или кое-кто из них.

В эти годы я и подружился с Ованесом Фадеевичем и Вашим братом Артаваздом, работавшим со мной и погибшем за Ваном в декабре 1918 года (я не погиб с ним и друзьями только потому, что 6 ноября во время набегов чуть не слетел в пропасть и, сломав ногу, был эвакуирован).

В начале февраля 1917 года, после лечения в Петрограде, я вернулся в Тифлис, но Ван был уже не наш, и я поехал в Персию, откуда незадолго до Шамхорского предательства вернулся в Тифлис, где и пробыл до конца

---

³¹ Письмо без научно-справочного аппарата впервые опубликовано в сб.: Городецкий С. Указ. соч. С. 189—190.

1919 года, когда меня груз.[инские] меньшевики выслали за работу в сатирическом большевистском журнале «Нарт» (найдите эти номера — их вышло 5 или 6!) Я переехал в Баку, где с первого утра прихода Красной Армии стал работать зав. худ. отд. Этой работой я горжусь. Не раз получал указания лично от тт. Кирова и Орджоникидзе. Нимфа³² была директором и организатором Сатирагиттеатра.

Помню вечер в Баиловском театре, где шла первая моя инсценировка на тему освобождения народов... В 21 году я с семьей вернулся в Москву, в тот дом, где Вы меня посетили.

Цех поэтов организован мною и Гумилевым (название дала Нимфа) в Петербурге в 12-м, кажется, году.

Гумилев предложил назвать наше поэтическое мерцание «адамизмом» или «акмеизмом». Удержалось второе название. Этот первый цех дал одного лауреата — М. Лозинского. После моего отъезда на фронт цех разложился, но технический стиль его живет до сих пор в творчестве сегодняшних ленинградских поэтов. Второй цех³³ я организовал в Тифлисе

---

³² Анна Алексеевна Городецкая (урожд. Козельская, литературный псевдоним Нимфа Бел-Конь Любомирская) (1889—1945) — поэтесса Серебряного века, актриса, жена поэта Сергея Городецкого.

³³ 20 февраля 1919 г. на торжественном заседании тифлисского «Цеха поэтов», которое состоялось в квартире Ов. Туманяна и было посвящено 50-летию юбилею поэта (группа русских поэтов Тифлиса в полном составе посетила Туманяна, чтобы лично поздравить его), Ов. Туманян был принят почетным членом организации. См.: ЕМ Ф. Ов. Т. № 2658. Подробнее о деятельности тифлисского «Цеха поэтов» см.: Չարարյան Անուշավան. Ս. Գորոդեցկու հիմնած Թիֆլիսի «Բանաստեղծների համարությունը» և նրա «Ակմե» ժողովածուն // ՀՄՄՀ ԳԱ Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 1982, № 12, էջ 44—56 (на арм. языке — *Закарян Ан.* Тифлисское «Общество поэтов» Городецкого и его сборник «Акме» // Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1982. № 12. С 44—56); см. также: Չարարյան Անուշավան. Ռուս գրողները Անդրկովկասում և հայ գրական կյանքը. Երևան: Սովետական գրող հրատ, 1984 (на арм. языке — *Закарян Ан.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь. Ереван: Советский писатель, 1984); Չարարյան Անուշավան. Մերգեյ Գորոդեցկին Արևմտյան Հայաստանում և Անդրկովկասում (1916—1921), Երևան: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2015 (на арм. языке — *Закарян Ан.* Сергей Городецкий в Западной Армении и Закавказье (1916—1921). Ереван: Изд-во «Наука» НАН РА, 2015); см. также:

при журнале «Агс», который издавала А. Антоновская. Она — вторая лауреатка из моих учеников. Кроме нее, участвовал в тифлисском цехе «Голубые ночи» и еще один лауреат — Валериан Гаприндашвили³⁴.

Друзьями были и сегодняшние лауреаты Иосиф Гришашвили³⁵ и (не знаю, лауреат ли?) Сандро Эули³⁶. Подробней напишу Вам позже.

Направление тифлисского цеха было романтичней, чем петербургского, но поскольку идеология в обоих была не осознана, оба по существу оставались формалистическими.

Третий цех в 22—24 годах я организовал в Москве. Отсюда вышли два лауреата — Антокольский и Вера Инбер. Надеюсь, что ученики его Луговской и Сельвинский тоже будут лауреатами.

Я сейчас еду на краткий отдых на воздух. Постараюсь записать, что сохранила память и, особенно сердце, об Ованесе Фадеевиче.

Преданный Вам
Городецкий

Список источников

Городецкий С. Об Армении и армянской культуре / под ред. и с предисл. акад. Г. Б. Гарибджаняна, сост., коммент. И. Р. Сафразбекян. Ереван: Айастан, 1974. 220 с.

Никольская Т. Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917—1921). М.: Пятая страна, 2000. 193 с.

Ованесян С. Артавазд Туманян: добровольная жертва геноцида // Историко-филологический журнал. 2015. № 2. С. 72—96.

Никольская Т. Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917—1921). М.: Пятая страна, 2000. С. 134—147.

³⁴ Валериан Гаприндашвили (1888—1941) — грузинский поэт, переводчик. Писал на грузинском и русском, переводил также на оба языка. Один из основателей символистской группы «Голубые роги», позднее вынужденно отошел от символизма. Автор работ по теории литературы, также переводов на грузинский язык произведений русских и западноевропейских поэтов.

³⁵ Иосиф Григорьевич Гришашвили (настоящая фамилия — Мамулашвили) (1889—1965) — грузинский советский поэт. Народный поэт Грузинской ССР (1959). Заслуженный деятель искусств Армянской ССР (1945). Лауреат Сталинской премии второй степени (1950).

³⁶ Сандро Эули (настоящее имя и фамилия Александр Кишвардович Куридзе) (1890—1965) — грузинский советский поэт.

Ованесян С. Г. Переписка Иоанны Брюсовой с Нвард Туманян // Брюсовские чтения 1983 года: сб. ст. / редкол.: Я. И. Хачикян и др. Ереван: Советский писатель, 1985. С. 418—451.

Ջարարյան Աննա շարյան, Ռու գրողները Անդրկովկասում և հայ գրական կյանքը, Երևան, 1984, «Սովետական գրող» հրատ. 144 էջ. (на арм. языке — *Закарян Ан.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь. Ереван: Советский писатель, 1984. 144 с.).

Ջարարյան Աննա շարյան Ս. Գրողեցկու հիմնած թիֆլիսի «Բանաստեղծները համարները» և նրա «Այս է» ժողովածուն. ՀՄՀ ԳԱ Լրարեր հասարակական գիտություններ, 1982. № 12. Էջ 44—56 (на арм. языке — *Закарян Ан.* Тифлисское «Общество поэтов» Городецкого и его сборник «Акме» // Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1982. № 12. С 44—56).

Ջարարյան Աննա շարյան Սերգեյ Գրողեցկին Արևմտյան Հայաստանում և Անդրկովկասում (1916—1921), Երևան, ՀՀ ԳԱ Գիտություն հրատ., 2015. 230 էջ (на арм. языке — *Закарян Ан.* Сергей Городецкий в Западной Армении и Закавказье (1916—1921). Ереван: Изд-во «Наука» НАН РА, 2015. 230 с.).

Թումանյան Ժամանակակիցները հուշերում. Երևան: ՀՀ ԳԱ հրատ., 1969. 1004 էջ (на арм. языке — Туманян в воспоминаниях современников. Ереван: Изд-во АН РА, 1969. 1004 с.).

Թումանյան Ժամանակակիցները հուշերում. Հ. 2. Երևան: ՀՀ ԳԱ Մանկաքրեղանի և գրականության ինստիտուտի հրատ. 2020. 576 էջ (на арм. языке — Туманян в воспоминаниях современников (испр. изд-е). Ереван: Изд-во Ин-та лит-ры им. М. Абегаына НАН РА., 2020. 576 с.).

Թումանյան Հովհ. Երկերի լիակատար ժողովածու: 10 հատորով. Երեւան: ՀՀ ԳԱ հրատ., հ. 7: Քննադատություն և հրապարակախոսություն (1913—1922), 1995. 721 էջ (на арм. языке — *Туманян Ов.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7: Критика и гласность (1913—1922), Ереван: НАН РА. 721 с.).

Թումանյան Հովհ. Երկերի լիակատար ժողովածու: 10 հատորով. Երեւան: ՀՀ ԳԱ հրատ., հ. 10: Նամակներ 1905—1922, 1999. 771 էջ (на арм. языке — *Туманян Ов.* Полн.

собр. соч.: в 10 т. Т. 10: Письма 1905—1922. Ереван: НАН РА, 1999. 771 с.).

Հ ն վ հ ա ն ն է տ Թ ռ ւ մ ա ն յ ա ն ի Շ յ ա ն ք ի և
u տե դ ծ ա գ ռ թ ճ ռ ւ թ յ ա ն տ ա թ է գ ռ ռ ւ թ յ ռ ւ ն (1915—
1919), Երևան, 2019, ՀՀ ԳԱԱ “Գիտնությունի” հրատ.
867 էջ (на арм. языке — Хроника жизни и творчества Ованеса
Туманяна (1915—1919). Ереван: НАН РА, 2019. 867 с.).

Թ ռ ւ մ ա ն յ ա ն Ն. Հ ն ւ շ է թ և գ ռ ռ ւ յ ց ն է թ. Երևան: Լ ռ ւ յ ւ,
1987. 335 էջ (на арм. языке — Туманян Н. Воспоминания и
беседы. Ереван: Луйс, 1987. 335 с.).

Տ է թ յ ա ն Վ ա հ ա ն, Երկերի ժողովածու 4 հատորով, հ. 4,
Երևան., 1979, “Մովսես Գրեկ” հրատ., 464 էջ (на арм. языке
— Терян В. Сб. соч.: в 4 т. Т. 4. Ереван: Советский писатель, 1979.
464 с.).

References

- Gorodetsky, S. (1974), *Ob Armenii i armianskoi kul'ture* [About Armenia and Armenian culture], in Garibdzhaniana, G. B. (ed.), *Aiastan*, Yerevan, Armenia.
- Hovhannisyan, S. (2015), ‘Artavazd Tumanyan: a voluntary victim of the genocide’, *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal], no. 2: 72—96.
- Hovhannisyan, S. (1985), ‘Correspondence between Joanna Bryusova and Nvard Tumanyan’, in Khachikyan, Ya. I. *Briusovskie chteniia 1983 goda: sbornik statei* [Bryusov’s readings of 1983: a collection of articles], *Sovetskii pisatel’*, Yerevan, Armenia: 418—451.
- Hovhannes Tumanyani Kyanki ev steghagorcutyan taregrutyun (1915—1919)*, (2019) [Chronicle of the life and work of Hovhannes Tumanyan (1915—1919)], Publishing House of NAS RA, Yerevan, Armenia.
- Nikolskaya, T. (2000), *Fantasticheskii gorod. Russkaia kul'turnaia zhizn' v Tbilisi (1917—1921)* [Fantasy city. Russian cultural life in Tbilisi (1917—1921)], *Piataia strana*, Moscow, Russia.
- Teryan, V. (1979), *Yerkeri zhoghovacu 4 hatorov* [Collection of works in 4 volumes], vol. 4, Soviet grogh, Yerevan, Armenia.
- Tumanyann zhamanakacicneri husherum* [Tumanyan in the memoirs of contemporaries] (1969), Publishing house Gitowt’yown, Yerevan, Armenia.
- Tumanyann zhamanakacicneri husherum (Iramshakvac hratarakutyun)* (2020), [Tumanyan in the memoirs of contemporaries (revised edi-

- tion)], M. Abeghyan Literature Institute Publishing House of NAS RA, Yerevan, Armenia.
- Tumanyan, N. (1987), *Husher ev zruicner* [Memoirs and conversations], Publishing house „Luys”, Yerevan, Armenia.
- Tumanyan, Hovh. (1995), *Yerkeri liakatar zhoghovatsu: 10 hatorov* [Complete works: in 10 vols], vol. 7: Criticism and journalism 1913—1922, Publishing house of NAS RA, Yerevan, Armenia.
- Tumanyan, Hovh. (1999), *Erkeri liakatar zhoghovatsu: 10 hatorov* [Complete works: in 10 vols], vol. 10: Letters 1905—1922, Publishing House of NAS RA, Yerevan, Armenia.
- Zaqaryan, An. (1984), *Rus groghnern Anderkovkasum ev hai grakan kyankn* [Russian writers in Transcaucasia and Armenian literary life], Sovetakan grogh, Yerevan, Armenia.
- Zaqaryan, An. (1982), ‘S. Gorodecku himnac Tiflisi “Banasteghneri hamkarutyunn” ev nra “Akme” zhoghovacun’ [Tiflis “Society of Poets” Gorodetsky and his collection “Akme”], in *Vestnik obshchestvennykh nauk* [Bulletin of social sciences], no. 12: 44—56.
- Zaqaryan, An. (2015), ‘S. Gorodeckin Arevmtyan Hayastanum ev Andrkovkasum (1916—1921)’ [Sergei Gorodetsky in Western Armenia and Transcaucasia (1916—1921)], Publishing house of NAS RA, Yerevan, Armenia.

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 06.07.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Информация об авторе / Information about the author

С. Г. Ованесян — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней армянской литературы, Институт литературы им. М. Абегиана Национальной академии наук Республики Армения, Армения.

S. G. Hovhannisyán — Doctor of Science (Philology), Leading Researcher, Department of Ancient Armenian Literature, Institute of Literature named after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Armenia.

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 155—178.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 155—178.

Из архивных фондов

УДК 94(47).084.3

DOI: 10.46725/IW.2023.1.7

**КОНФЛИКТЫ И КОМПРОМИССЫ:
ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО
СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОБМЕНЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ
24 ИЮНЯ 1918 г.
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК**

Александр Юрьевич Ватлин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, vatlin_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6673-7633>

Аннотация. Подписание Брестского мира поставило перед советской дипломатией, находившейся на раннем этапе становления, огромное количество проблем, казавшихся неразрешимыми. Одной из них была борьба за возвращение около полутора миллионов военнослужащих Русской армии, оказавшихся в германском плену. Документы из Архива внешней политики РФ дают основу для реконструкции предыстории и заключения соглашения (протокола) об обмене военнопленными 24 июня 1918 г. После того как двусторонние переговоры в Москве завершились крахом, вопрос был перенесен в Берлин. За дело взялся советский полпред А. А. Иоффе, установивший прочные контакты с дипломатами германского МИДа. В решающий момент переговоров он лишился связи с Москвой, что заставило его действовать на свой страх и риск. Приняв немецкие предложения, он отказался от формулы «все или ничего», обеспечив начало массового обмена пленными. Его самовольное решение вызвало конфликт с наркомом по иностранным делам В. Г. Чичериным, в который был вовлечен и Ленин. Разрешение этого конфликта стало примером нахождения взаимоприемлемых дипломатических решений с учетом не только политических факторов, но и личных качеств двух крупнейших деятелей советской внешней политики 1918 г.

Ключевые слова: советско-германские отношения, Брестский мир, военнопленные, Центропланбеж, полпредство в Берлине, В. Г. Чичерин, А. А. Иоффе, Министерство иностранных дел Германии

Для цитирования: *Ватлин А. Ю.* Конфликты и компромиссы: заключение советско-германского соглашения об обмене военнопленных 24 июня 1918 г. Документальный очерк // *Интеллигенция и мир.* 2023. № 1. С. 155—178.

Documentary essay

CONFLICTS AND COMPROMISES: SIGNING OF THE SOVIET-GERMAN AGREEMENT ABOUT EXCHANGE OF PRISONERS OF WAR 24-TH JUNE, 1918. DOCUMENTS AND COMMENTS

Alexander Yu. Vatlin

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia, vatlin_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6673-7633>

Abstract. The Soviet diplomacy just coming into being faced a lot of problems that seemed to be insoluble because of the signing Brest peace treaty. One of them was the returning of about a million and a half military men being in the German captivity. The documents from the Foreign Affairs Archive RF give the basis for reconstruction of prehistory and signing of the agreement (protocol) about exchange of prisoners of war on the 24-th of June 1918. After failure of bilateral talks in Moscow the problem was transferred into Berlin. The Soviet diplomat A. Ioffe, who had good contacts with the representatives of German Foreign Affairs Office, got down to business. At a decisive moment of the talks he lost the connection with Moscow that made him act at his own risk. Having accepted the German proposals he refused from the formula “everything or nothing” that provided the beginning of the mass exchange of the war prisoners. His unauthorized decision provoked the conflict with People’s commissar for Foreign Affairs V. Chicherin and V. Lenin was involved too. The solution of this conflict became the example of finding mutually acceptable decisions that took into account not only political factors but also personal traits of the two most influential figures of the Soviet Foreign policy in 1918.

Keywords: Soviet-German relation, Brest peace treaty, prisoners of war, Centropenbez, embassy in Berlin, V. Chicherin, A. Ioffe, German Foreign Affairs Office

For citation: Vatlin, A. Yu. (2023), 'Conflicts and compromises: signing of the Soviet-German agreement about exchange of prisoners of war 24-th June, 1918. Documents and comments', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 155—178 (in Russ.).

К моменту революционного захвата власти большевиками Россия и Германия находились в состоянии войны уже более трех лет. Важной частью военной повседневности являлись пленные, которых противники согласно международному праву могли удерживать у себя вплоть до завершения боевых действий и подписания мирного договора. Их число росло с каждой новой битвой, всего в эту категорию в годы Первой мировой войны попало около 8 млн чел. Треть этих потерь приходилась на Русскую армию, только в германских лагерях для военнопленных содержалось до полутора миллионов человек. Число же немецких пленников на территории подконтрольной большевикам к началу 1918 г. составляло около 140—150 тыс. человек [Doegen, 1921; Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs, 2006].

В Дополнительном договоре к Брестскому миру, подписанном 3 марта 1918 г., была достигнута лишь предварительная договоренность о возвращении на родину российских и немецких военнопленных: «обмен последует возможно скорее в определенные промежутки времени, подлежащие точному определению путем соглашения» [Документы внешней политики СССР. Т. 1: 175]. Правовой основой для реализации этого положения стал короткий протокол о взаимном обмене пригодными к службе военнопленными, подписанный в Берлине советским полпредом Адольфом Иоффе и главой правового отдела МИД Иоганном Криге. Хотя этот документ давно известен специалистам [Советско-германские отношения... Т. 1: 560—561], специальных исследований, посвященных этому соглашению, до сих пор не проводилось.

Не претендуя на полный охват проблемы обмена военнопленными [Черноперов, 2022: 513—527; Щеров, 2000; Wurzer, 2005: 97—125], мы обратим внимание на роль личного фактора

в ходе его подготовки, подписания и ратификации. Документы из Архива внешней политики РФ, впервые вводимые в научный оборот, показывают, насколько драматичной была предыстория его заключения, дают возможность проанализировать перипетии внутренней борьбы в Наркоминделе, сопровождавшие этот процесс.

Актуальность избранной темы исследования определяется прежде всего тем, что вопрос о гарантиях прав военнопленных в XX в. с появлением массовых войн армий приобрел особую остроту. Формально их статус был определен Гаагской конвенцией, однако на практике воюющие страны не могли выполнить взятых на себя обязательств из-за огромного количества военнопленных, попавших в плен. В то же время сами пленные (как показывает «другой военный опыт» россиян, оказавшихся в германском плену) стали важной частью хозяйственного механизма страны, приобрели новую идентичность и уникальный жизненный опыт [Нагорная, 2010]. Их возвращение на родину предусматривалось только после завершения Первой мировой войны, однако Российская революция и заключение сепаратного Брестского мира породили надежду на ускорение этого процесса. Его перипетии представлены в настоящем документальном очерке.

Вторым аспектом актуальности темы является отстаивание интересов пленных в ходе дипломатической деятельности, чем пришлось заняться советскому полпреду в Германии весной-летом 1918 г. Действуя наугад, используя метод «проб и ошибок», испытывая на себе давление со стороны германских партнеров, он нашел выход из ситуации, казавшейся безвыходной. Опыт согласования интересов и принятия решений в чрезвычайных условиях ситуации «ни войны, ни мира» имеет важное значение для практики современной дипломатии.

Методологической базой исследования является сравнительно-исторический анализ, понимаемый в двояком ключе. Речь идет, прежде всего, о сопоставлении приемов и методов советской и германской дипломатии, причем «реальполитик» последней противостоял крайне идеологизированный взгляд на перспективы формирования нового международного порядка, нашедший свое отражение в большевистском Декрете о мире. Здесь большую помощь окажет междисциплинарный подход,

включающий в себя политологические инструменты оценки потенциала сторон, участвующих в переговорах, а также методы нахождения компромисса в условиях, когда эти стороны занимают антагонистические позиции.

Второе измерение сравнительно-исторического анализа, использованное в работе, касается субъективных факторов выработки внешнеполитической линии лидерами Советской России. С использованием методов социальной психологии будет проведено сопоставление личных качеств и характеров наркома В. Г. Чичерина и полпреда А. А. Иоффе, поскольку в качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается тезис о том, что в экстремальных политических ситуациях, в условиях цейтнота их значение выходит на первый план.

Механизм подготовки соглашения 24 июня 1918 г. советской стороной состоял не только из двух полюсов, которые можно отождествить с Москвой и Берлином. Скорее, он выглядел как условная пирамида, в основании которой, располагались нарком по иностранным делам В. Г. Чичерин и советский полпред в Германии А. А. Иоффе, а на вершине — В. И. Ленин. Причем последний выступал не как лидер победившей партии и даже не как глава Совнаркома, а как бесспорный надведомственный авторитет, который приводил в движение громоздкую и неэффективную бюрократическую машину Советской России, находившуюся в процессе становления. Только Ленин мог добиваться компромиссов между вчерашними соратниками по партии, в один миг превратившимися в крупных государственных деятелей. Его роль также будет упомянута в настоящем очерке, хотя главными его героями станут Чичерин и Иоффе, а предметом исследования — их личный и служебный конфликт, на фоне которого готовилось соглашение, подписанное 24 июня 1918 г.

Для германской стороны скорейшее возвращение на родину своих пленных обладало высшим приоритетом. И дело было не только в гуманитарных соображениях, хотя этот вопрос был одной из болевых точек, будораживших общественное мнение страны. Свои интересы были и у Верховного главнокомандования. Подразумевалось, что вернувшиеся на родину солдаты еще успеют принять участие в сражениях Первой мировой на Западном фронте: Германия испытывала большую нужду в свежих

пополнениях, да еще и имевших боевой опыт. Но не меньшее значение для страны имели и солдаты Русской армии, находившиеся в немецких лагерях для военнопленных. Иоффе писал об этом Ленину через два месяца после своего прибытия в Берлин:

«О военнопленных я телеграфировал Чичерину. Он не учитывает важности вопроса. На наших пленных держится нынешнее хозяйство Германии, без наших пленных они не могли бы воевать ни одного дня. Конечно, они этого не признают, доказывают, что до окончания войны на Западе они не могут дать нам 1 млн 200 тыс. лучших солдат, не имея уверенности, что мы опять не вступим в войну. Ясно, что они не хотят выпустить и не выпустят наших пленных»¹.

Действительно, для Наркомата по иностранным делам вопрос о российских солдатах и офицерах, томившихся в германском плену, не имел первостепенного значения: в структуре советских учреждений им занималась Центральная комиссия по делам военнопленных (Центропленбеж) во главе с влиятельным членом большевистского руководства И. С. Уншлихтом. Напротив, Иоффе уделял их судьбе достаточно большое внимание, и не только из гуманитарных соображений. Он видел своими глазами, в каком положении находилась Германия на четвертом году Великой войны. Если немецкое население недоедало, то русские пленные голодали вдвойне, практически не получая помощи через структуры Красного креста. Вопрос о неприемлемых условиях их содержания, равно как и проблема скорейшего возвращения домой немцев являлись важным капиталом, который можно было использовать при переговорах в германском МИД, и Иоффе это прекрасно понимал. Вопреки активному сопротивлению Чичерина он добился назначения на должность уполномоченного по делам военнопленных своего политического соратника Виктора Коппа (который для этого был специально освобожден из плена) [Черноперов, 2006: 66—69].

Уже через две недели после начала своей работы в Берлине Иоффе сообщал в НКВД о том, насколько позитивно его партнеры

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 22—23 (далее: РГАСПИ). Здесь и далее в цитируемых текстах орфография и пунктуация приведены к современной норме.

восприняли его идею прислать из России поезд с подарками от имени полпредства для российских пленных:

«Если продолжать ту же политику в большом масштабе, то можно убить двух зайцев. Я писал уже о военнопленных. Вопрос приобретает все большую остроту. Нас уже начинают поругивать. Со времени нашей власти мы ничего не сделали для этих несчастных, немцы обрабатывают их вовсю, и они грозят стать готовыми кадрами контрреволюции. Нам не удастся скоро переправить их на родину, но мы должны доказать им, что думаем и заботимся о них, ибо последняя надежда их на берлинское посольство. Мы должны снабжать их деньгами, продовольствием, одеждой, ибо они голодны и наги. И тут мы можем убить второго зайца. Если сказать немцам: “хотя Вы на основании Гаагской конвенции обязаны содержать наших военнопленных, но мы знаем, что Вы сами ничего не имеете, поэтому разрешите нам доставить нашим военнопленным пропитание и одежду”.

И если действительно доставить пару сот вагонов сухарей, сахару, масла, консервов, табаку, холста и т. п., то почва, на которой, быть может, можно будет добиться даже постепенного исправления Брестского договора, будет достаточно подготовлена. Примите во внимание заинтересованность финансистов (заклучение через них займа или что-нибудь в этом роде) и Вы поймете, что только при этой политике можно добиться действительной “передышки”»².

Практическое воплощение этого проекта столкнулось с большими трудностями. Первый поезд с продуктовыми посылками, собранными в Петрограде для российских военнопленных в Германии, был отправлен 25 мая³, но уже в черте города остановлен толпой под предлогом того, что советское правительство таким путем вывозит продовольствие из России, выполняя свои тайные обязательства перед немцами⁴. Впоследствии отправка

---

² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 41 (далее: АВП РФ).

³ По сообщению Центропленбежа первый поезд с подарками для русских военнопленных в Германии был отправлен 25 мая 1918 г. из Петрограда (АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 26. Л. 253).

⁴ Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes. RZ 201/1726/9. Лишь через две недели поезд был отправлен вновь и прибыл на демаркационную линию 8 июня 1918 г.

продовольствия была налажена, хотя и осуществлялась мизерными порциями⁵. Но это все же было лучше, чем ничего.

В Брестском договоре предусматривался созыв двусторонней комиссии для определения «деталей обмена, в особенности способа и порядка отправления на родину» военнопленных каждой из стран. Кроме того, шла речь и о том, что «Россия допустит и будет по возможности поддерживать на своей территории германские комиссии, которым будет поручена забота о немецких военнопленных» [Документы внешней политики СССР. Т. 1: 175]. Советская делегация, оказавшаяся в Бресте в положении проигравшей стороны, не смогла добиться разрешения на отправку таких же комиссий в лагеря для русских пленных. Это стало одним из главных требований представителей Центропленбежа в советско-германской комиссии, которая провела свое первое заседание 28 апреля в Москве, в здании Наркоминдела на Спиридоновке (сам Центропленбеж был создан только накануне).

Позиция немецкой стороны, как ее сформулировал участник переговоров майор Карл фон Ботмер, заключалась в том, чтобы добиться скорейшего возвращения немецких пленных [Ботмер, 2010: 97, 115]. Что касается россиян, то их возвращение следовало максимально затягивать, поскольку они являлись дешевой рабочей силой для германской экономики. Следствием такого подхода являлся паритетный обмен по принципу «транспорт на транспорт», и лишь потом можно было вести речь об отправке на родину остальных российских военнопленных. Ботмер записывал в своем дневнике:

«Из собственных источников нам известно, что как только мы откажемся от принципа “транспорт на транспорт”, большевики начнут использовать наших пленных соотечественников в качестве объектов обмена, которых они будут отпускать или задерживать, тем самым поощряя или наказывая нас за тот темп, с которым мы будем освобождать русских пленных». Немцы выступили против допуска комиссий

---

⁵ Об этом свидетельствует письмо Ленина комиссару пограничной станции Орша Д. Е. Иващенко от 4 июля 1918 г.: «Благодарю за пропуск 36 вагонов в Германию: это для наших бедствующих военнопленных» (Ленин В. И. Телеграмма Д. Е. Иващенко от 4 июля 1918 г. // Пол. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 112).

Центропленбежа в лагерь, находившиеся на территории Германии, ссылаясь на то, что их члены займутся там большевистской агитацией. «Хотелось бы надеяться, что в Германии отдадут себе отчет в том, что русские комиссии — опасные гости, за которыми надо строго следить», — отмечал майор Ботмер [Там же: 128, 140].

Самоуверенность одной стороны, чувствовавшей себя победителем, и неуступчивость другой, отказывавшейся признать себя побежденной, сделали невозможным нахождение компромисса. 5 июня 1918 г. состоялось последнее заседание двусторонней комиссии в Москве: делегации зачитали заявления и разошлись, ни в чем не уступив друг другу. Чтобы сохранить окно для последующих переговоров, было решено перенести решение вопроса о военнопленных в столицу Германии: подразумевалось, что дипломаты скорее найдут общий язык, нежели военные.

Хотя в Берлине находилось представительство Центропленбежа во главе с С. М. Семковым, имевшее солидный аппарат⁶, за ведение переговоров взялся лично А. А. Иоффе. Отсутствие надежной телеграфной связи делало его незаменимым участником советско-германских переговоров любого уровня. При прощальном разговоре с Лениным он получил достаточно широкие полномочия, которые последний неоднократно подтверждал [Ленин, 1970: 87—88, 90, 94—95, 112]. В Москве ценили личные качества полпреда, проявившиеся уже во время брестских переговоров: внешняя уравновешенность и упрямство в ведении переговоров, способность подбирать действенные аргументы и принимать самостоятельные решения [Троцкий, 1991: 328—331]⁷.

---

⁶ Согласно отчету С. М. Семкова, в бюро работало до 50 человек, в основном русские студенты, оставшиеся после начала Первой мировой войны в Германии, в его повседневной деятельности «главное внимание было обращено на правовую защиту, продовольственную помощь и эвакуацию». Сотрудники бюро до октября 1918 г. провели объезд 75 лагерей для российских военнопленных из 140, находившихся на территории, подконтрольной германским властям (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3102. Л. 3, 4; АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 21. Д. 84, 88).

⁷ См. отзыв о дипломатическом искусстве А. А. Иоффе, данный его соратником и покровителем: *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М., 1991: 328—331.

Это было крайне важно на фоне дезорганизации государственного аппарата, который находился в положении «между старым и новым». Для того чтобы решить самые простые вопросы, приходилось выходить на самый высокий уровень. Так, заместитель наркома Л. М. Карахан сообщал А. А. Иоффе 24 мая, что ввиду полной дезорганизации местных аппаратов не смог отправить ему 2 млн рублей для поддержки военнопленных: «тщетно добиваемся этого, здесь такая дезорганизация, что ничего не сделаешь. Лично ездил, чтобы нажать, подогнать, но ничего не выходит. Придется через Ильича». В тот же день ему вторил сам Чичерин: «При здешней смеси халатности и формализма я ничего не могу гарантировать»⁸.

Германский ультиматум с требованием вернуть в Севастополь корабли Черноморского флота на несколько недель отодвинул решение вопроса о военнопленных, однако ни в Москве, ни в Берлине о нем не забывали. 6 июня нарком объяснял полпреду причины неуступчивости Центропленбежа:

«Главная комиссия о военнопленных настолько разобиделась, что прекратила работу, хотя даже до разрешения переданных Вам для рассмотрения в Берлин вопросов она отлично могла бы продолжать обсуждать ряд деталей. Они заявляют, что все принципиальные вопросы, не разрешенные в Бресте по отношению к военнопленным, должна разрешить эта самая комиссия и усматривают нарушение своей компетенции в перенесении вопроса в Берлин. Мы пошли на это перенесение потому, что хуже того положения, которое в данном вопросе создает для нас главная комиссия о военнопленных, быть не может. Она стремится к тому, чтобы темп возвращения наших пленных из Германии был приноровлен к темпу по необходимости очень медленного возвращения немецких пленных из России. Их пленных у нас около ста тысяч, а наших пленных у них около полутора миллионов. Это значит, что возвращение наших пленных должно растянуться на какие-нибудь шесть лет»⁹.

Через несколько дней нарком конкретизировал предложение советской стороны:

«Наша формула по данному вопросу заключается в том, что они возвращают наших пленных с максимально возможной для них быстротой, и мы возвращаем их пленных с максимально возможной для нас

---

⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 995. Л. 16; Д. 992. Л. 28—31.

⁹ Там же. Л. 53.

быстротой, хотя бы это означало неодинаковое количество возвращаемых ими и возвращаемых нами пленных, и что тот же темп должен соблюдаться ими и в будущем, тогда, когда все их пленные от нас к ним вернуться... Наши пленные в Германии должны знать, что мы стараемся ускорить их возвращение. Общественное мнение должно знать, что наша формула есть максимально возможная для каждой стороны быстрота возвращения пленных. Это есть, во всяком случае, объект переговоров. Вашему искусству предоставляется дальнейшее»¹⁰.

14 июня Центропленбеж приостановил обмен военнопленными, годными к продолжению воинской службы, что вызвало бурю возмущения в Берлине. Германский посол в Москве Вильгельм фон Мирбах «поднял скандал и грозит репрессиями, — писал Чичерин Иоффе, — Я решил, что надо идти на соглашение и установить провизориум, то есть временный модус обмена до достижения соглашения у Вас»¹¹. Таким образом, продвижение переговоров вперед возлагалось на Иоффе, причем он так и не получил четких указаний на то, какой масштаб свободы маневра ему предоставлен.

После принятия Москвой ультиматума по Черноморскому флоту стороны вернулись к вопросу о военнопленных. За прошедшие недели в полпредстве появился аппарат Юза, что сильно облегчило коммуникацию между Наркоминделом и полпредством, хотя на отработку нового механизма связи требовалось определенное время. Нельзя исключить того, что уступки советской стороны по вопросу о флоте подогрели наступательный порыв германских дипломатов, тактику предъявления ультиматума они решили опробовать и в данном случае. В ночь на 23 июня Иоффе сообщил Чичерину по прямому проводу о том, что произошло накануне вечером:

«Вчера меня пригласили в министерство [иностраннных дел], сообщили, что по полученным из России сведениям германские военнопленные умирают от голода. Возбуждение в Германии страшное, военные власти ставят ультиматум. Министерству путем долгих переговоров удалось добиться [их] согласия со следующими предложениями, которые от меня требовали немедленно подписать: здоровые

---

¹⁰ Там же. Л. 62.

¹¹ Там же. Л. 66.

военнопленные немедленно вымениваются по расчету “голова за голову и степень за степень”, содержание взаимно засчитывается. После размена всеми остающиеся русские военнопленные возвращаются [в соответствии] с политическими условиями и транспортными затруднениями, причем после заключения мира с Францией возвращение русских идет максимально ускоренным темпом. С 1 июля 1918 г. Россия за содержание военнопленных не платит.

Я ответил, что всяким ультиматумам есть предел, что этого протокола я не подпишу, что русские военнопленные должны возвратиться на родину в минимальный срок. Просидел в министерстве полночи, убедился, что дело весьма серьезно, добился следующих уступок. Первое: остается обмен “голова за голову и степень за степень” без уплаты, обязательство, что после возвращения последнего германского солдата продолжается обязательно возвращение русских, считаясь только с транспортными затруднениями. Условия будут выработаны позже дипломатическим путем, но после мира с Францией, во всяком случае, будут напряжены все средства, чтобы все русские возвратились на родину.

С 1 июля никакой уплаты за содержание [военнопленных], и положение наших приравнено к положению германских солдат, работающих на заводах, фабриках и т. п. Инвалиды и гражданские возвращаются на прежних основаниях. Это максимум уступок, неизвестно, согласятся ли [на него] военные. Обещано дойти до кайзера, [но] постараться добиться этого. Передайте Ленину, [что] в случае удачи этот протокол подпишу, худшего не приму, иначе невозможно, курьером подробно»¹².

Обмен записками был прерван Чичериным из-за необходимости передать прямой провод германскому посольству, что вызвало резкое недовольство Иоффе. Впоследствии он неоднократно повторял, что в этот момент был брошен на произвол судьбы и был вынужден действовать на свой страх и риск. На самом деле все было не так драматично. Запрос по военнопленным был передан полностью, и передача прервалась уже тогда, когда на ленте появились иные сюжеты.

Другое дело, что нарком не стал давать «добро», не посоветовавшись с Лениным и не продумав все риски, связанные с принятием или отклонением второго (после севастопольского) ультиматума. Особой телеграммой Чичерин попросил Иоффе ничего не подписывать до решения из Москвы, но он не учитывал темпа,

---

¹² Там же. Ф. 82. Оп. 1. П. 9. Д. 39. Л. 20—21.

который набрал ход событий, и масштаба, который они приобрели в общественном мнении Германии. Очевидно, что его в известной мере успокоила фраза о том, что немецкие дипломаты должны согласовать сделанные уступки со Ставкой Верховного главнокомандования. Здесь он явно недооценил возможности современной коммуникации: телеграфная линия между Берлином и бельгийским Спа действовала бесперебойно. Нарком ответил на вопросы Иоффе лишь через день, его пространное письмо было отправлено в ночь на 25 июля радиogramмой, а затем продублировано по аппарату Юза:

«Завтра будет совещание по поводу Вашей записки о военнопленных. Абсолютно неприемлем и настолько ужасен, что нет слов для его характеристики, пункт о приравнивании наших военнопленных к работающим на фабриках солдатам, ибо таковые получают 50 пфеннигов в день, содержание же, которое дается нашим военнопленным, так ужасно скверно, и притом их работа сопровождается таким варварским обращением, что их жизнь в Германии есть медленная пытка и агония, мимо которой было более чем преступным пройти пассивно»¹³.

Что касается казуса с обрывом связи, то нарком объяснял это следующим образом: «В субботу 22-го вечером у нас было условлено с Мирбахом, что мы будем пользоваться проводом по очереди. Перед этим два дня ни Мирбах, ни мы не имели Берлина вследствие крупных повреждений, вызванных бурей и грозой. Когда вечером Берлин получился, мы получили первую очередь с тем, чтобы потом передать провод снова. Я принужден был оборвать Вас посредине фразы, чтобы не нарушать слова, данного Мирбаху, и не отнять у себя на будущее время возможность таких же соглашений»¹⁴.

Оправданный гуманизм Чичерина в отношении эксплуатируемых военнопленных плохо сочетался с транслированным в Берлин советом наладить надежную связь тем, что «нескольких телеграфистов перестрелять. Это, конечно, гипербола, но по существу это верно». Ответа на главный вопрос о сохранении принципа «один на один» или отказе от него, в его телеграмме

---

¹³ Там же. Ф. 04. Оп. 3. П. 70. Д. 992. Л. 75.

¹⁴ Там же.

так и не появилось. Промедление, вызванное осторожностью наркома, которая граничила с нерешительностью, оказалось роковым. Буквально припертый к стенке, Иоффе не увидел иного выхода, кроме как пойти на уступки германским дипломатам. 24—25 июня 1918 г. в письме Ленину, которое должен был забрать с собой дипкурьер, он так реконструировал ход событий последних дней:

«Меня вечером [22 июня] вызывали в министерство, требовали немедленного подписания протокола, из которого ясно было, что до окончания войны с Францией, нам не дадут ни одного нашего пленного за исключением тех 100 тыс., которых выменяют на своих. У нас был долгий спор, я просидел почти полночи, они доказывали мне, что большего от военных добиться нельзя, и мы опять будем иметь ежедневные ультиматумы, если я не подпишу.

Я им заявлял, что всяким ультиматумам есть предел, что я ни в коем случае не подпишу соглашения, из которого не будет вытекать совершенно явственно, что после того, как последний немецкий солдат вернется домой, русские пленные будут возвращаться в Россию, что я уже очень много беру на себя, если соглашаюсь на обмен по принципу голова за голову. Покончили на том, что протокол будет составлен так, как я настаиваю, что мне будет передано тайное обязательство Германии выпускать после размена не менее 10 тыс. наших в месяц (если удастся у военных провести большую цифру, то больше). Криге был отправлен к военным, должен был дойти до кайзера, но провести это. Пока ответа не имею.

Практически это не очень важно. Пока мы обменяемся этой сотней тысяч, тоже пройдет около 3 месяцев (а после французского мира будут выпущены все наши), если после размена нам будут выпускать даже по 10 тыс. в месяц, мы вряд сможем принять много больше. В протоколе цифра названа не будет, сказано будет: “считаясь с транспортными возможностями”, слова “считаясь с политическими возможностями” по моему настоянию будут исключены. Я считаю необходимым подписать этот протокол, если он будет проведен у военных»¹⁵.

Постскрипtum к письму был написан уже ночью после возвращения из германского МИД: «Вопрос с военнопленными закончен. Я подписал протокол, который посылаю (в копии) по адресу

---

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 24.

Чичерина. Как видите, в тайном обязательстве¹⁶ они согласились на большее, чем обещали: непрерывно, после получения всех своих пленных будут возвращать нам наших с той же скоростью, с которой производился обмен. Ясно, что больше мы все равно даже не могли бы принять. Наконец, нужно иметь в виду, что это *taхітум* того, что можно было от них получить. Одновременно отдается приказ производить обмен инвалидов и цивилично-пленных на прежних основаниях. Такой же приказ должен быть отдан Вами»¹⁷.

В Москве самодеятельность Иоффе вызвала крайнее недовольство, тем более что первые сообщения о подписанном протоколе пришли от германского посольства. Представители Центропленбежа, которые до 5 июня вели переговоры, почувствовали себя обойденными и отказались от их возобновления, грозили отставкой со своих постов [Ботмер, 2010: 160]. Чичерин не мог не учитывать их жесткой позиции. В неменьшей степени его недовольство определялось тем, что полпред подписал протокол без согласования с ним, нарушив азы ведомственной субординации.

Наркома поддержал влиятельный Карл Радек, возглавлявший тогда отдел Центральной Европы в Наркоминделе. Человек, не склонный к дипломатическим тонкостям, он писал Иоффе, что «история с военнопленными возмутила и Центроплен, и нас. Мы ждем неделями ответ немцев. Вы считаете возможным в продолжение двух дней подписать протокол, который делает невозможным борьбу против порабощения наших военнопленных. Мы передали для разрешения в Берлине только один вопрос — вопрос о сроке отправки, не передавали вопроса о положении военнопленных и о вознаграждении труда... Немцам наши военнопленные нужны до зарезу, и если [эти] сволочи не хотят их выпустить, то надо бороться со всей настойчивостью за то, чтобы они платили

---

¹⁶ В отдельном письме Г. В. Чичерину А. А. Иоффе так объяснял секретность этого документа: «Тайным я предполагал его сделать, т. к. публика может быть рассчитывает на большее количество» подлежащих немедленному обмену российских военнопленных (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 1 об.).

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 24—26.

им, как своим рабочим. Мы не считаем себя связанными в этом пункте Берлинским протоколом»¹⁸.

Трагикомизм ситуации заключался в том, что вся дискуссия по вопросу об оплате труда военнопленных велась на пустом месте: в протоколе не было сказано об этом ни слова, а сам он не был передан по телеграфу в Москву, его привез курьер не раньше 28 июня. Теперь уже Иоффе не скрывал своего возмущения в адрес наркома:

«Вы неизвестно на каком основании вообразили, что уравнивание русских военнопленных с германскими солдатами означает понижение их заработной платы на фабриках до жалования солдата, и уже шлете мне по Юзу выговор и шипите по поводу повторных недоразумений из-за якобы моего нежелания ждать Ваших директив. Прежде всего, это формально неверно: я запрашивал Вас по Юзу, но Вы оборвали разговор, заявив, что аппарат нужен немцам, и на мои вопросы (хотя я предупреждал о спешности) не ответили.

Еще более это неверно по существу. О том, что военнопленные получают на фабриках такое же жалование, как немецкие рабочие, никто абсолютно не спорит, и Вы только подаете немцам мысль оспаривать это, если по Юзу так странно, чтобы не сказать больше, толкуете этот пункт... Я понял бы еще, если бы Вы обрушились на принятые мною принципы обмена головы на голову; тут я, действительно, уступил, но я доказал Вам, что не уступить нельзя было и что практически мы не теряем, ибо больше все равно принять не могли. Очевидно, с этим Вы согласились, ибо возражений не было. Зачем же высасывать из пальца новые упреки, совершенно необоснованные? Если мы с Вами будем сводить личные счеты (в чем я совершенно неповинен) и стараться улавливать друг друга в ошибках (в чем я также неповинен), то от этого пострадает дело»¹⁹.

Уже после того, как мелкие недоразумения выяснились, Иоффе продолжал отстаивать собственную правоту. В конце июня он направил в Москву очередной политический доклад, адресованный всем членам большевистского руководства, в котором приводил в свое оправдание новые аргументы:

«Два слова о военнопленных. Здесь пришлось уступить. Для всякого, кто хоть мало-мальски понимает нынешнее положение Германии,

---

¹⁸ АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 44-45

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 33. Л. 37.

должно быть ясно, что Германия до окончания войны на континенте не в состоянии выпустить большое количество наших пленных. Это один из таких вопросов, где должно впредь знать, что все требования ни к чему не приведут, добиться большего, чем добился я, было абсолютно невозможно. Мне даны гарантии, что после обмена всех германских пленных по принципу голова на голову и степень на степень, возвращение русских военнопленных в Россию будет проводиться в том же темпе, как это происходило во время обмена. Но что после французского мира²⁰ будут напряжены все транспортные средства, чтобы вернуть всех русских на родину.

Так как немцы заставят нас напрячь все силы при обмене их пленных, то надо полагать, что большего числа наших мы бы все равно не могли принять. Помимо того, возвращение инвалидов и гражданских незамедлительно возобновляется на старых основаниях. Далее, с первого июля мы более не платим немцам за содержание наших военнопленных, и что еще более важно, мне с трудом удалось добиться обязательства содержать их не хуже германских солдат. Это вовсе не значит, что, работая на фабриках, они будут получать солдатское жалование, как это почему-то вообразил т. Чичерин. Заработная плата на фабриках и заводах для военнопленных, по утверждению немцев, во все время войны равна была заработной плате немецких рабочих, за исключением, конечно, случаев злоупотребления, по поводу которых всегда заявляется протест»²¹.

Конфликт наркома и полпреда достиг такой остроты, что стал предметом разбирательства в правительстве — случай, крайне редкий в дипломатической практике любого государства. Получилось, что Наркоминдел, действительно, на какое-то время оказался в Берлине. В решении, принятом 1 июля 1918 г., говорилось, что «Совет Народных Комиссаров принимает к сведению соглашение по обмену военнопленными, заключенное Иоффе (срок возврата) с Германией». Представителям Центропленбежа предлагалось взять обратно свое коллективное заявление об отставке. На следующий день Чичерин сухо сообщил Иоффе об одобрении соглашения, указав, что представляя его, он особо подчеркнул значение тайной ноты о продолжении возвращения наших пленных по окончании обмена «один на один»²².

---

²⁰ Т. е. заключения мира между Германией и Францией по итогам Первой мировой войны.

²¹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 33. Л. 91—93.

²² АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 28. Л. 9.

В том же решении Совнарком указывал полпреду «на желательность и необходимость предварительных сношений с НКВД перед принятием каких-либо серьезных решений и в особенности перед заключением каких-либо соглашений с Германией»²³. В этом угадывалось прямое ленинское воздействие: конфликт грозил подорвать единство внешнеполитической линии страны. Чтобы поставить все точки над «и», Ленин в тот же день отправил с курьером послание Иоффе, выдержанное в отечески-наравоучительном тоне:

«Сердит я на Вас, по правде сказать, до крайности. Людей мало, все переработались до чертиков, а Вы устраиваете такую вещь: много делового пишете в личном письме ко мне (последнем, карандашом)²⁴ и вставляете ряд личных вылазок, выпадок, шпилек и проч. против Чичерина (ненастоящий министр и т. п.)» [Ленин, 1970: 111].

Еще до получения столь мягкого выговора Иоффе почувствовал, что его авторитет в Москве подвергся серьезному испытанию, и начал предпринимать ответные шаги, исходя из того, что лучшей обороной является наступление. Тяжело переболев в эти дни «испанкой» и находясь на грани нервного срыва, он писал 3 июля Ленину:

«Я ничего не имею против разрыва с немцами, но я должен иметь полномочия принять этот разрыв. До тех пор, пока я вынужден вести политику передышки и уступок, я был бы последним идиотом, если бы запрашивал явно неприемлемое для немцев. И тогда с кораблями, и теперь с военнопленными я добился максимально возможного успеха, если бы я запросил больше, зная априори, что немцы этого не примут, то я, во-первых, лишний раз подтвердил бы обоснованность недоверия Ставки к нам, а во-вторых, дал бы военной партии повод предъявить нам новый ультиматум и произвести на нас новое наступление.

Хотите ли Вы этого? Я отлично знаю, что есть уступки, которых мы никак не можем сделать, и мне до сих пор всегда удавалось убедить немцев снять такое требование. Так было с требованием гарантии

---

²³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 2. Л. 92 (далее: ГА РФ).

²⁴ Речь идет о письме от 24 июня 1918 г. (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 16—26).

обязательного признания нашего права собственности на суда, так было и с требованием прекращения выдачи нам наших военнопленных и после обмена (в прежнем темпе).

В первом случае они ни за что не хотели давать указанной гарантии, а во втором случае они нисколько не стеснялись открыто заявлять, что не могут выпустить нам ни одного нашего пленного до окончания войны на континенте сверх тех ста тысяч, за которых получают сто тысяч своих. Всякому мало-мальски смышленому политику заранее могло быть ясно, что Германия, все военное хозяйство которой держится на наших военнопленных, иначе поступать не может. Требовать от Германии немедленной выдачи наших военнопленных можно было бы только в том случае, если Германия была бы разбита»²⁵.

Иоффе подключил к диалогу с Москвой Л. Б. Красина, который с конца июня находился в Берлине и вел вместе с ним переговоры о заключении Добавочного договора. 3 июля Красин направил Ленину личную телеграмму со словами безоговорочной поддержки полпреда: «Могу Вас уверить, что наше берлинское представительство находится в надежных руках, достигаются максимально возможные в данных условиях результаты. Если не хотите крушения всей политики, настоятельно советую энергичным личным воздействием положить конец систематическому дезавуированию здешнего представительства, в частности, по вопросу о военнопленных»²⁶.

Соглашение об обмене военнопленными нельзя отнести к успехам советской дипломатии и Иоффе лично, но его заключение продемонстрировало способность ее главных действующих лиц как к отстаиванию собственных позиций, так и к разрешению личных конфликтов. Секретное приложение к соглашению, подписанное Иоффе и Криге, стало первым примером тайной дипломатии, к которой Советская Россия, а потом и СССР будут прибегать неоднократно [Ватлин, Ланник, 2021: 208—230]²⁷. Большевики или «максималисты», как их называли в Германии, смогли отбросить идеологические шоры ради достижения

---

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 19—20.

²⁶ Там же. Ф. 82. Оп. 1. П. 16. Д. 64. Л. 14.

²⁷ Следующим шагом в этом направлении станет обмен тайными нотами при подписании советско-германского Добавочного договора 27 августа 1918 г.

конкретного результата. Эпоха, когда отношения с враждебным окружением проходили исключительно по ведомству коммунистической пропаганды, закончилась, так и не успев начаться.

Процесс обмена, начатый после 24 июня, затронул лишь малую часть военнопленных. Советские власти не спешили отправлять на родину немцев, понимая, что после этого интерес германской стороны к переговорам с Россией значительно уменьшится. В то же время в лагерях, разбросанных по всей стране, велась активная (хотя и не слишком успешная) пропаганда среди немецких плененных, чтобы превратить их в сторонников мировой революции пролетариата [подр. см.: Lager, Front oder Heimat... 2 Bd., 1994]²⁸.

Поскольку принцип «один на один» соблюдался строго, а еще больше из-за транспортных трудностей, до завершения Первой мировой войны из Германии смогли выехать не более двухсот тысяч военнослужащих Русской императорской армии²⁹. После начала революционных событий в Германии и подписания Компьенского перемирия ворота немецких лагерей были открыты, начался стихийный процесс репатриации. На железнодорожных станциях и особенно на демаркационной границе между Россией и Германией начался настоящий хаос: десятки тысяч голодных и раздетых людей брели на Восток, многие из них гибли в пути. Один из сотрудников полпредства Иоффе, которое было выслано из Берлина по обвинению в революционной агитации 6 ноября 1918 г., так описывал картину, открывавшуюся из окна поезда, подъезжавшего к границе:

«Когда поезд двинулся, нашим глазам представилось невероятное, печальное, незабываемое зрелище. Германия отправила русских

---

²⁸ Майор Ботмер записывал в своем дневнике: «Пропаганда не имеет особого успеха среди военнопленных, большинство из них только делает вид, что принимает большевистскую веру, чтобы добиться человеческого обращения с собой и приблизить отъезд»: *Ботмер К. фон*. С графом Мирбахом в Москве / под ред. Ю. Фельшинского. М., 2010. С. 115.

²⁹ Согласно официальным сведениям, подготовленным для телеграфного агентства РОСТА, с начала обмена и до 1 сентября 1918 г. на родину вернулось 117433 русских плененных (ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 2. Д. 322. Л. 81).

военнопленных до нейтральной зоны, там их высадила и предоставила своей судьбе... По обеим сторонам дороги, по которой проезжал наш поезд, шли нескончаемые ряды людей в лохмотьях, обряженных в самые странные одежды. На дворе был резкий холод. Мы видели, как люди шли в легких штанах, без шинелей, обернутые в пестрые одеяла, в голубых платках. Это была ужасная, фантастическая картина, достойная глубокого сострадания» [Ларсонс, 1930: 49].

Вряд ли подобное зрелище могло оставить равнодушным Иоффе, ехавшего в том же поезде. Ожидая на демаркационной линии обмена с немецкими дипломатическими представительствами, выехавшими из Петрограда и Москвы (в данном случае правило «один на один» не действовало), он неоднократно отправлял Чичерину телеграммы о том, что ситуация с возвращением пленных вышла из-под контроля³⁰. Вспоминал ли он при этом о принятом решении самовольно подписать протокол, регулирующий модус их обмена, нам неизвестно. Но известно, что последние военнопленные вернулись из Германии в Россию только в 1922 году.

Список источников

- Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве / под ред. Ю. Фельшинского. М.: Книговек. 2010. 395 с.
- Ватлин А. Ю., Ланник Л. В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208—230.
- Документы внешней политики СССР: в 26 т. Т. 1—8. М.: Госполитиздат; Т. 9—15: Политиздат.; Т. 22—26: Междунар. отношения, 1957—2010. Т. 1: 7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1918 г. / редкол. И. Н. Земсков, С. М. Майоров, И. В. Садчиков, В. М. Хвостов, Б. Е. Штейн, Госполитиздат, 1957. 771 с.
- Ларсонс М. Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж: La Source, 1930. 284 с.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 50: Письма. Октябрь 1917 — июнь 1919. 623 с.
- Нагорная О. С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914—1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

---

³⁰ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 9. Д. 40. Л. 26—27.

- Паке А.* В коммунистической России. Письма из Москвы / пер. с нем. Н. А. Власова. СПб.: Евразия, 2021. 288 с.
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: сб. документов в 2 т. Т. 1: 1917—1918 / редкол. С. Дернберг и др. М.: Изд.-во полит. лит., 1968. 735 с.
- Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М.: Моск. рабочий, 1991. 364 с.
- Черноперов В. Л.* Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918—1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 435 с.
- Черноперов В. Л.* «...Мы верим, верим всем существом в Вас, наши незабвенные освободители»: представители Советской России в Германии и российские военнопленные, 1918—1919 гг. // На рубеже эпох: русский и немецкий опыт 1917—1919 гг.: сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / ред. А. Чубарьян и Й. Таубер. Т. 10. Berlin: Wissenschafts-Verlag, 2022. С. 513—527.
- Щеров И. П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918—1922 гг. Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т, 2000. 92 с.
- Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917 bis 1920 / hrsg. von I. Pardon, W. W. Shurawl'jow; 2 Bde. München: K. G. Saur, 1994. 792 S. Bd. 1: Dokumente 1917 bis 1919; Bd. 2: Dokumente 1920.
- Doegen W.* Kriegsgefangen Völker. Bd. 1. Der Kriegsgefangenen. Haltung und Schicksal in Deutschland. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1921. 263 S.
- Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Hrsg. von J. Oltmer. Paderborn [etc.]: Schöningh, 2006. 308 S.
- Wurzer G.* Die Erfahrung der Extreme. Kriegsgefangene in Rußland 1914—1918 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 2005. 626 S.

References

- Botmer, K. fon (2010), *S grafom Mirbakhom v Moskve* [With Count Mirbach in Moscow] in Fel'shinskiy, Yu. (ed.), *Knigovek*, Moscow, Russia.
- Chernoperov, V. L. (2006), *Diplomaticheskaiia deiatel'nost' V. L. Koppa v Germanii v 1918—1921 gg.* [Diplomatic activity of V. L. Kopp in Germany in 1918—1921], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.

- Chernoperov, V. L. (2022), ‘“... We believe, we believe with all our being in you, our unforgettable liberators”’: representatives of Soviet Russia in Germany and Russian prisoners of war, 1918—1919’, in Chubaryan, A. and Tauber, I. (eds), *Na rubezhe epokh: russkii i nemetskii opyt 1917—1919 gg.: soobshcheniia Sovmestnoi komissii po izucheniiu noveishei istorii rossiisko-germanskikh otnoshenii* [At the turn of the epochs: Russian and German experience 1917—1919: reports of the Joint Commission for the Study of the Recent History of Russian-German Relations], Bd. 10, Wissenschafts-Verlag, Berlin, Germany.
- Dernberg, S. and others (comps.) (1968), *Sovetsko-germanskie otnosheniia ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisaniia Rapall'skogo dogovora: sbornik dokumentov v 2 tomakh, tom 1: 1917—1918* [Soviet-German relations from the negotiations in Brest-Litovsk to the signing of the Treaty of Rapallo: a collection of documents in 2 volumes, vol. 1: 1917—1918], Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Doegen, W. (1921), *Kriegsgefangen Völker*, Bd. 1, *Der Kriegsgefangenen. Haltung und Schicksal in Deutschland*, Verlag für Politik und Wirtschaft, Berlin, Germany.
- Larsons, M. Ya. (1930), *Na sovetskoi sluzhbe. Zapiski spetsa* [In the Soviet service. Specialist's Notes], La Source, Paris, France.
- Lenin, V. I. (1970), *Polnoe sobranie sochinenii, 5-e izdanie* [Full composition of writings, 5th edition], vol. 50: *Pis'ma. Oktiabr' 1917 — iun' 1919*, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Nagornaya, O. S. (2010), *Drugoi voennyi opyt: rossiiskie voennoplennnye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914—1922)* [Other military experience: Russian prisoners of war of World War I in Germany (1914—1922)], *Novyi khronograf*, Moscow, Russia.
- Oltmer, J. von (ed.) (2006), *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*, Schöningh, Paderborn, Germany.
- Pake, A. (2021), *V kommunisticheskoi Rossii. Pis'ma iz Moskvy* [In communist Russia. Letters from Moscow], Translated by Vlasov, N. A., Evraziia, St. Petersburg, Russia.
- Pardon, I. von and Shurawl'jow, W. W. (1994), *Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917 bis 1920*, in 2 Bd., Bd. 1: *Dokumente 1917 bis 1919*; Bd 2: *Dokumente 1920*, K. G. Saur, München, German.
- Shcherov, I. P. (2000), *Tsentroplenbezh v Rossii: istoriia sozdaniia i deiatel'nosti v 1918—1922 gg.* [Tsentroplenbezh in Russia: the history of creation and activity in 1918—1922], Smolenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Smolensk, Russia.

- Trotsky, L. D. (1991), *Portrety revoliutsionerov* [Portraits of revolutionaries], Moskovskii rabochii, Moscow, Russia.
- Vatlin, A. Yu. and Lannik, L. V. (2021), 'Secret notes to the Supplementary Treaty of August 27, 1918: an unknown plot from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War', *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Current History Journal], no. 5: 208—230.
- Wurzer, G. (2005), Die Erfahrung der Extreme. Kriegsgefangene in Rußland 1914—1918 in Oltmer, J. von (ed.) *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieg*, Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, Göttingen, Germany.
- Zemskov, I. N., Mayorov, S. M., Sadchikov, I. V., Khvostov, V. M. and Shtein, B. E. (comps.) (1957), *Dokumenty vneshnei politiki SSSR v 26 tomakh, tom 1, 7 noiabria 1917 g. — 31 dekabria 1918 g.*, [Documents of foreign policy of the USSR in 26 vols., vol. 1, November 7, 1917 — December 31, 1918], Gospolitizdat, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022; одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The article was submitted 06.09.2022; approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Информация об авторе / Information about the author

А. Ю. Ватлин — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

A. Yu. Vatlin — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History of European and American Countries, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia.

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 179—192.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 179—192.

Научная жизнь

УДК 316.334.3(470.317)

DOI: 10.46725/IW.2023.1.8

**ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
В КОСТРОМЕ:
ИТОГИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ**

Алексей Вячеславович Зябликов

Костромской государственной университет, Кострома, Россия,
a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Аннотация. Автор делает обзор основных мероприятий проходившего в Костроме 26—29 октября 2022 г. Международного научного форума «Я глубоко русский человек», посвященного 100-летию мыслителя и писателя Александра Александровича Зиновьева. Анализируются доклады и сообщения, ставшие основой научно-дискуссионной части форума. Рассматривается их тематическое и содержательное разнообразие, выявляется специфика подходов к осмыслению философского и художественного наследия А. А. Зиновьева. Отмечается острая актуальность социально-политической аналитики мыслителя, глубина его наблюдений и обобщений, бескомпромиссность и честность его гражданской позиции.

Ключевые слова: Зиновьевские чтения в Костроме, А. А. Зиновьев, творческое наследие, творческий метод, социально-политический анализ, Россия и Запад, новая геополитическая реальность, глобализм, интеллигенция

Для цитирования: Зябликов А. В. Юбилейные Зиновьевские чтения в Костроме: итоги и впечатления // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 179—192.

ANNIVERSARY ZINOVIEV READINGS IN KOSTROMA: RESULTS AND IMPRESSIONS

Aleksey V. Zyablikov

Kostroma State University, Kostroma, Russia,
a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Annotation. The author gives an overview of the main events of the International Scientific Forum “I am a deeply Russian person” held in Kostroma on October 26—29, 2022, dedicated to the 100th anniversary of the thinker and writer Alexander Alexandrovich Zinoviev. The reports and messages that became the basis of the scientific and discussion part of the forum are analyzed. Their thematic and content diversity is considered, the specificity of approaches to understanding the philosophical and artistic heritage of A. A. Zinoviev is revealed. The acute relevance of the social and political analysis of the thinker, the depth of his observations and generalizations, the uncompromising and honesty of his civic position are noted.

Keywords: Zinoviev readings in Kostroma, A. A. Zinoviev, creative heritage, creative method, socio-political analysis, Russia and the West, new geopolitical reality, globalism, intelligentsia

For citation: Zyablikov, A. V. (2023). ‘Anniversary Zinoviev Readings in Kostroma: results and impressions’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 179—192 (in Russ.).

С 26 по 29 октября 2022 г. в Костромском государственном университете проходил Международный научный форум «Зиновьевские чтения», посвященный 100-летию со дня рождения философа, социолога, писателя Александра Александровича Зиновьева. В название форума вынесены слова мыслителя «Я глубоко русский человек». Это признание в полной мере отражает человеческую, гражданскую, нравственную позицию А. А. Зиновьева, всегда остававшегося патриотом, верным сыном своей Родины. Уроженец чухломской деревни Пахтино, участник Великой Отечественной войны, выпускник Московского университета Александр Зиновьев стал ученым и философом с мировым именем. Литературный талант, глубокое понимание исторических

и общественно-политических процессов, бескомпромиссное стремление к истине, честность и гражданская ответственность сделали Александра Зиновьева ярчайшей фигурой XX столетия, крупнейшим мыслителем современности.

В торжественных мероприятиях, посвященных юбилею философа и писателя, приняли участие Президент Биографического института Александра Зиновьева, глава Международного научно-образовательного центра им. А. А. Зиновьева, сопредседатель Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня» *О. М. Зиновьева*, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе *И. О. Щеголев*, Губернатор Костромской области *С. К. Ситников*, Президент форума БРИКС *П. Ананд* (Индия), вице-президент Биографического института Александра Зиновьева *А. С. Блинов*, ректор Костромского государственного университета *А. Р. Наумов*, члены Зиновьевского клуба, общественные и творческие деятели, журналисты, ученые.

На форуме были подведены итоги конкурса методических разработок Зиновьевского урока для школьников. Событием в культурной жизни региона стало открытие в Костромской областной универсальной научной библиотеке информационно-культурного центра, посвященного А. А. Зиновьеву.

Творческая часть форума включала поэтический концерт «Слово о России» с участием российских писателей и Всероссийский пленэр «Путешествие из Чухломы в Москву», проходивший с 15 по 30 октября 2022 г. на малой родине Александра Зиновьева — в Чухломском районе Костромской области. В течение двух недель известные российские живописцы работали в окрестностях старинного города Чухломы, расположенного на красивейшем Чухломском озере, а также в отдаленных селах и деревнях русской глубинки. 29 октября 2022 г. в Чухломе состоялся творческий отчет: на суд зрителей свои полотна представили художники *Андрей Алехин*, *Вадим Березовский*, *Алексей Иноземцев*, *Антон Иоганн*, *Олег Нефёдкин*, *Анатолий Новгородов*, *Ирина Рыбакова*, *Надежда Северина*, *Александра Тарасова*, *Ольга Тихонова*.

В научной части форума приняли участие более 50 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Донецка, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Ярославля, Тамбова, Иванова,

Костромы. Зиновьевские чтения стали хорошей возможностью еще раз прикоснуться к творческому наследию крупного философа и писателя, в дискуссиях и в обсуждении очертить свое понимание многих актуальных проблем. Конечно, Александр Александрович не из тех мыслителей, чьи идеи требуют от всех благостного согласия и приятия. Главная миссия Зиновьева в том, чтобы побудить нас думать. Подвигнуть на размышление, критический анализ, поиск лучших вариантов принятия решений.

Главное впечатление от научной части форума: Зиновьев очень нужен нам сегодня. Нужны его умственные уроки, некоторые из которых, мы, судя по всему, недоучили. Во многих выступлениях справедливо обращалось внимание на удивительное созвучие многих зиновьевских идей вызовам и запросам нашего времени.

О прогностическом даре А. А. Зиновьева размышлял *Г. Е. Васильев* (НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, г. Москва), ставя автора «Зияющих высот» в один ряд с такими мыслителями-пророками, как Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев, которые точно обрисовывали будущее России и человечества вопреки господствовавшим умственным стереотипам: «и удавалось им это именно потому, что они вполне ясно и очевидно прозревали те основополагающие тенденции и закономерности, которые имели место в тогдашней социокультурной системе, — причем эти тенденции и закономерности отнюдь не лежали на поверхности, не прозревались большинством “аналитиков”, кумиров “общественного мнения”, — и, чтобы их, эти тенденции и закономерности, раскрыть и понять, нужно было, действительно, выйти на совершенно иной уровень понимания социокультурного устройства мира в его, этого мира, сущности и основаниях». Одним из таких явлений, которые А. А. Зиновьев смог разглядеть в «мерцании» горизонта истории, стал «глобальный человек». Эта технология тотального контроля и системного подавления творческих ресурсов человека к началу XXI столетия обрела самодовлеющее значение, вооружившись к тому же современными электронными, цифровыми средствами.

Свой анализ русской мысли второй половины XIX столетия предложила *Л. Н. Смирнова* (Костромской государственный университет), охарактеризовавшая содержание дискуссий

полуторавековой давности о взаимоотношениях России и Европы как «сбывающееся пророчество».

То, что жизнь подтвердила основные прогнозы А. А. Зиновьева, отмечал *Ю. Н. Солодухин* (Москва). Реальность XXI столетия вновь побуждает Россию взять на себя «миссию спасения мира от глобальной угрозы, как она это делала неоднократно в истории. На этот раз — от угрозы глобального тоталитаризма и дегуманизации, расчеловечивания. Мы видим, что наша страна развернула такую борьбу». Важно, подчеркивал докладчик, что страна окончательно определилась в отношении своего будущего: «российское общество связывает его не с западнизмом, а с поиском модели, адекватной сложившейся новой исторической и национальной идентичности».

О поразительной точности социально-политической диагностики А. А. Зиновьева рассуждал *А. В. Зайцев* (Костромской государственный университет), анализирувавший современные геополитические процессы, характеризующиеся все более активным стремлением так называемого коллективного Запада к мировому доминированию. А. А. Зиновьев был в числе немногих, кто, в противовес прекраснородушной идеализации и романтизации отношений посткоммунистической России и Запада, предложил совершенно иное понимание сути происходящего на переломе XX—XXI вв. А. А. Зиновьев назвал навязываемый Западом миропорядок «колониальной демократией», ведущей к превращению незападного жизненного пространства в экономическую периферию, к полной утрате им политического суверенитета. Докладчик отметил инволюционный характер этих тенденций и подчеркнул необходимость активного противостояния неокOLONиализму, рядящемуся в красивые одежды демократии и борьбы за права человека.

Во многих выступлениях звучала мысль об экзистенциальной природе отчуждения России и Запада. Так, *А. В. Зябликов* (Костромской государственный университет), размышляя о причинах кризиса 2022 г., отметил, что мотивы его кроются не в социально-политических или иных мировоззренческих различиях, а в глубинных основаниях культуры. Запад нацелен на уничтожение России безотносительно к существующей там государственной идеологии, социальному строю и типу власти. В 10—20-е гг. XXI в. мир вступил в фазу открытого политического,

экономического и военного противостояния двух миров. Причины этих глобальных процессов связаны с кризисом европоцентричного мира и крушением западофильской модели российского общества, которая на протяжении многих лет и даже десятилетий предлагалась в качестве образцовой. События 2022 г. показали, что извечный конфликт Запада и России не умоление, не фигура речи — он является исторической реальностью, обусловленной не только — и не столько — политическими или социальными причинами, сколько факторами культурно-цивилизационного и экзистенциального свойства.

В. Ю. Яковлев (Костромской государственный университет) высказал свою убежденность в том, что ориентация России на западную модель мироустройства является основой «воспроизводства экзистенциальных проблем», ведущих к поражению: «Вписаться в западную систему, не уничтожив культурно-цивилизационный код России, не получится. В игре, где правила установлены соперником, победить нельзя. Победа возможна только в том случае, если играть по собственным правилам. И только на этом пути возможно преодоление тенденций саморазрушения». При этом фундаментальные преобразования необходимы на всех уровнях: в сфере государственного управления, экономики, идеологии, культуры и образования. Отмечается, что совершающийся слом социально-политических иллюзий и стереотипов невозможен без участия российской интеллектуальной элиты, а понимание идей А. А. Зиновьева может служить надежным критерием ее компетентности и ответственности.

О цивилизационных моделях, отличных от американоцентричной, размышлял *И. В. Михайлов* (Гамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина). Исследователь полагает, что появление такого рода альтернатив исторически мотивировано, оно объясняется издержками монополярного мироустройства и появлением новых центров влияния. Однако мультиполярная и полицивилизационная модель должна еще доказать свою конкурентоспособность: даже в России она имеет немало критиков. По мнению И. В. Михайлова, кризис 2022 г. рожден не претензиями России на мировую гегемонию, не попыткой бросить вызов американоцентричному порядку, а объективным ходом событий, естественной трансформацией системы международных отношений. Россия лишь

ускорила эти глобальные изменения, а то, какова будет посткризисная реальность и в какой мере она соответствует нашим стратегическим планам, зависит прежде всего «от степени консолидации общества на основе традиционных ценностей и решимости российской власти отстаивать национальные интересы».

На опасность для человечества безвариантного, безальтернативного развития обращала внимание *С. А. Смирнова* (Костромской государственный университет). Собственно, гениальное предвидение *А. А. Зиновьева* — «глобальный человеконик» — и есть апофеоз безвариантности, в силу чего он становится особенно зловещим.

Куда более категоричен в своих оценках и выводах *С. А. Денисов* (Гуманитарный университет г. Екатеринбург). По мнению исследователя, отказ от модели монополярного мира и вхождения в пространство либеральной «конституционной» цивилизации неизбежно отбросит Россию на задворки истории, приведет к полному технологическому и экономическому банкротству. Утверждается, что декларируемая российской властью идея суверенного государства камуфлирует политику изоляционизма и обрекает страну на возврат к доконституционной архаике. К сожалению, в сообщении уральского ученого нет ни слова об издержках и рисках тотальной западнизации, чему, к слову, посвятил не одну свою работу *А. А. Зиновьев*. «Уже сегодня можно расстаться с мечтой о включении страны в состав развитых стран мира (в состав «золотого миллиарда»), — сетовал докладчик, в очередной раз озвучивая одно из самых губительных, по мысли *А. А. Зиновьева*, заблуждений. Принципиально важно прояснить, на каких условиях Запад готов — и готов ли вообще? — допустить включение России в свой «клуб избранных», но ответа на этот вопрос оратор, к сожалению, не дал. Ответственность за отклонение от «правильного» исторического курса *С. А. Денисов* — опять же следуя устоявшейся традиции — возложил на интеллигенцию и правящую верхушку.

Примечательны сообщения, посвященные исследованию технологий развязанной Западом гибридной войны. К их числу следует отнести такой феномен, как культура отмены (*cancel culture*), применяющийся сегодня для формирования идеологически выигрышной информационной повестки за счет безапелляционной дискредитации оппонента или попытки вовсе «упразднить»

его. Культура отмены направлена на вытеснение или подавление неудобного, не вписывающегося в политический мейнстрим мнения, позиции, точки зрения. *Т. Ю. Рудницкая* (Костромской государственный университет) рассматривает названный феномен в контексте возможностей диалоговой коммуникации. Констатируется, что все попытки «отменить» Россию, запретить ее культуру, подвергнуть сомнению ее вклад в мировую историю обречены на провал. С другой стороны, признается, что в современных условиях возможностей для равноправного, партнерского взаимодействия остается всё меньше, поскольку «культура отмены не предполагает, не предусматривает диалога в принципе, она его исключает». *К. В. Маслова* (Московский государственный институт международных отношений), анализируя содержание программ культурного обмена, констатировала фактический крах политики «отмены», поскольку даже на фоне введенных ограничений Россия «сохранила присутствие в глобальном культурном поле», развивая международное сотрудничество с теми, кто в таком сотрудничестве заинтересован. Более того, культурные программы выходят на новый уровень развития и обретают прочную национальную почву.

Предметом размышлений *С. В. Заец* (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова) стали санкции как инструмент политического давления Запада на Россию. Анализируя современный медиа-контент Польши и других европейских стран, исследователь пришел к выводу, что пока санкции в большей степени вредят населению Европы, вступившей в режим жесткой экономии ресурсов. Однако ради сохранения мирового доминирования и в целях нанесения максимального ущерба России Запад готов частично пожертвовать собственным благополучием и пойти на легкое «экономическое кровопускание». Вопрос в том, чья хозяйственная система окажется более устойчивой и жизнеспособной.

Проблемы геополитики не заслонили внимания исследователей к социальной аналитике *А. А. Зиновьева*, к размышлению о концептах, из которых вырастает зиновьевское миропонимание. *Е. Н. Давыдов* (Костромской государственный университет), размышляя о «суверенности» человека в контексте зиновьевской антропологии, выделяет четыре «уровня» личности: телесный или животный; социальный или «гражданский»; суверенный,

ценностный, или собственно личностный; душевный. Если первый уровень подразумевает такое качество сознания, на котором я осмысляет себя на границе с *мы* — коллективом, обществом, то третий — индивидуальный — аспект бытия личности ознаменовывает собственно ее рождение, переход из пассивного эмбрионального состояния в деятельно-активную фазу, которая в творчестве Зиновьева соответствует концепту *я* как «суверенного государства». Надо сказать, что сам мыслитель дает нам образец суверенного существования, является своего рода каноном суверенной личности. Личности, которая не зависит от чужих оценок, чужих амбиций, чужих директив. А. А. Зиновьев стремился формировать в самом себе те интеллектуальные и духовные качества, которые защищают человека от ложных авторитетов, от суеверий и суемудрия, от идейного раболепия и нравственной аморфности. Зиновьевская суверенность проистекает из самоуважения и внутренней свободы, из глубочайшего понимания культурных оснований, социальных законов, исторических процессов.

С зиновьевским пониманием суверенной личности тесно связан концепт «отщепенства», над которым размышляли С. М. Усманов и В. Л. Черноперов (Ивановский государственный университет). Модели отщепенства вписаны исследователями в широкий исторический контекст — от XV столетия до украинского кризиса 2022 г. Какими обстоятельствами рождена репутация русского интеллигента как вечного оппозиционера, политического нигилиста, а то и вовсе национал-предателя? С. М. Усманов и В. Л. Черноперов обращают внимание на качественное отличие отщепенца «печеринского» типа, оторванного от истории своей страны, игнорирующего ее долговременные интересы, и «зиновьевского» отщепенца, чей «абсолютный ум» позволяет прозревать то, что пока недоступно пониманию многих, а потому его жизненная позиция оказывается дисгармоничной мнению большинства: это сродни судьбе «прозорливца-юродивого, часто не понимаемого миром и скрывающего под рубищем пудовые вериги. Для такого человека отщепенство сродни духовному подвигу, поэтому самоидентификация таким человеком себя как отщепенца не несет негативной коннотации и тем более не имеет ничего общего с отмеченным выше печеринским типом». Ученые предлагают свое видение путей преодоления

российской интеллигенцией «социального одиночества» — при условии сохранения этой частью социума неангажированного, не привязанного к интересам власть имущих собственного мнения. Интеллигенция может и должна сыграть свою позитивную роль в преодолении разрушительных для страны процессов.

С особым вниманием присутствующие слушали выступления представителей Донецкой Народной Республики: сопредседателя Зиновьевского клуба «Новороссия» *Н. И. Бухтеева*, отметившего особую роль *А. А. Зиновьева* в становлении теории социального познания, и ректора Донбасской юридической академии *М. Н. Кушакова*, рассказавшего о том, как университеты ДНР интегрируются в законодательное и образовательное поле Российской Федерации.

В жизни и в книгах *А. А. Зиновьева* отразилась новейшая история нашей страны — с ее кризисами и достижениями, переломами и взлетами. Остро критическое отношение философа ко многим историческим событиям и социальным явлениям не должно вводить нас в заблуждение. Александр Александрович всегда глубоко ощущал свою сопричастность судьбе народа, чувствовал его боль, понимал его надежды и сомнения. Люди и обстоятельства обрекали мыслителя на непонимание и осуждение, на вынужденную разлуку с Родиной, но никогда Зиновьев не отрекался от звания русского человека, с достоинством носил его в себе. Никогда не изменял он долгу гражданина и патриота своей страны.

Не случайно многие выступления участников форума были посвящены ключевым эпизодам и сюжетам отечественной истории. *А. В. Новиков* (Костромской государственный университет) объяснил такое внимание необходимостью национального самопознания и «самоуглубления», помогающего понять истинную природу патриотизма. *А. М. Белов* (Костромской государственный университет), размышляя о двух поворотных точках отечественной истории (1917 и 1991 гг.), выразил надежду на то, что революции, политические перевороты и реформы, определявшие содержание этой эпохи, не разрушили «корневую систему» русского народа.

В центре внимания *А. Н. Шигаевой* (Костромской государственный университет) — события Великой Отечественной войны и размышления *А. А. Зиновьева* о причинах Победы. Ее цену мыслитель понимал лучше и глубже других, поскольку сам

был фронтовиком, боевым летчиком. А. А. Зиновьев — при всей неоднозначности его подходов и оценок — истоки Великой Победы видит в преимуществах советской социальной системы, культуры и образования. «Реальный коммунизм», выстоявший в условиях тотальной войны, доказал свою жизнеспособность и эффективность перед лицом хорошо подготовленного и агрессивного противника. О сталинизме как эпохе «великого социального творчества» размышлял *В. Н. Тарковский* (Костромской государственный университета), призывавший отказаться от крайностей в оценках этого исторического явления.

Взгляд на российскую историю через призму конкретной человеческой судьбы предложили *М. О. Антонова* (Кострома), приоткрывшая одну из трагических страниц коллективизации, и *А. А. Рыбин* (Костромской государственный университет), который проанализировал и обобщил воспоминания участников освоения целинных земель. *И. С. Наградов* (Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник) представил участникам форума коллективное исследование «Перестройка: pro et contra. Трансформация советского общества и государства в середине 1980-х — 1991 г.», которое в значительной степени опирается на данные анкетирования и анализ воспоминаний современников. Исследователь отметил амбивалентное отношение участников событий и к уходящему в историческое небытие русскому коммунизму, и к перестроечным реформам: от надежд на улучшение и обновление жизни до крайне негативного восприятия таких явлений, как социальная агрессия, беззаконие и беспринципное стяжательство.

Проблеме социального иммунитета и устойчивости постсоветской России посвятил свое выступление *О. Ф. Шабров* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). По убеждению исследователя, неспособность или нежелание понять происходящие в социальном организме изменения угрожает не только стабильному развитию российского общества, но и самой возможности его существования в исторической перспективе. В докладе *Н. П. Сащенко* (Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва) был предложен анализ рискогенных факторов, вызванных трансформацией ценностной структуры постсоветской России под влиянием новых социальных сдвигов.

Выводы автора о многомерности возникающих угроз опираются на эмпирические исследования онлайн-коммуникации.

Несомненный интерес представляют сообщения и доклады, прозвучавшие на заседании секции, посвященной творческому методу Александра Зиновьева и художественным особенностям его произведений.

П. Б. Корнилов (Костромская областная универсальная научная библиотека) поделился своими воспоминаниями о личном общении с А. А. Зиновьевым, во время которого обсуждались литературные предпочтения мыслителя и круг его чтения.

Глубокое и тонкое исследование *Н. Н. Емельяновой* (Донецкий национальный университет) посвящено проблематике и поэтике романа А. А. Зиновьева «Зияющие высоты». Автор размышляет над зиновьевской «метафизикой смеха», рождающей яркое трагикомическое полотно советской действительности. Абсурдность этого жизненного пространства соткана из вопиюще извращенного и фальсифицированного понимания свободы, долга, человеческого достоинства. Н. Н. Емельянова опровергает, увы, по сей день расхожее представление о «Зияющих высотах» как о пасквиле, нашпигованном злобным самоцельным обличительством. Нет, в нем живет и горечь, и надежда! Еще одно распространенное заблуждение, которое попадает под прицел донецкого ученого, — «интеллектофобия» А. А. Зиновьева. Именно в «Зияющих высотах» писатель провел черту, отделяющую представителей подлинной духовной элиты от одержимой тщеславием «интеллектиподобной среды». Трагикомедия А. А. Зиновьева, делает вывод исследователь, «по-прежнему учит нас преодолевать узость мышления, концентрироваться на своем внутреннем ядре, нацеливает на самодисциплину разума и творческую решимость».

В докладе *Е. А. Колобовой* и *А. Э. Павловой* (Костромской государственной университет) рассматривались языковые средства выражения парадоксальности в творчестве А. А. Зиновьева. На ряде примеров были раскрыты способы, позволившие писателю выразить абсурдность, противоречивость определенных социальных феноменов: замена слов устойчивого сочетания, сопровождающаяся нарушением лексической сочетаемости, контаминация, каламбур и др. В ходе обсуждения доклада слушатели предложили обратить внимание на фонетические особенности словесной игры,

нередко используемой писателем. Также обсуждался вопрос о том, насколько очевиден для современного поколения смысл парадоксов А. А. Зиновьева.

Предметом исследовательского внимания *Е. В. Цветковой* (Костромской государственной университет) стали топонимы, встречающиеся в произведениях А. А. Зиновьева. Особое внимание уделено комониму Пахтино, названию родной деревни писателя. Докладчик показал, как в «Исповеди отщепенца» раскрывается отношение А. А. Зиновьева к родным местам, как в языке писателя отражаются речевые традиции и особенности Костромской земли.

Неподдельный интерес слушателей вызвали выступления поэта *М. И. Лаврентьева* (Москва), поделившегося размышлениями о качествах Зиновьева-стихотворца, и писателя *А. А. Бугрова* (Кострома), который сделал сравнительный анализ стихотворений Александра Зиновьева и Бориса Слуцкого: оба текста были созданы под впечатлением юбилейной речи И. В. Сталина и его тоста во славу русского народа. А. А. Бугров не только раскрыл художественное своеобразие каждого из двух поэтических откликов, но и показал, как в них отразилась личность каждого поэта, их нравственная, человеческая позиция.

В сообщении *А. Е. Якимова* (Костромской государственной университет) был рассмотрен процесс варваризации современного речевого пространства. Автор привел яркие примеры проникновения в речевой социум неверно истолкованных или искаженных иноязычных терминов, раскрыл связь этого явления с общим оскудением словарного запаса носителей русского языка, особенно молодежи. А. Е. Якимов предметно показал, как возникают далекие от истины представления, нелепые лексемы, бессмысленные высказывания в средствах массовой информации, как нарушается межпоколенческая коммуникация.

В докладе *А. Н. Романовой* акцентировалось внимание на важности «восточного вопроса» и темы отношений России с Европой для русской литературы второй половины XIX в. На примере стихотворения Н. А. Чаева «Больше Бога не будешь» демонстрировалось стремление русского поэта отразить злободневную политическую повестку в народнопоэтических образах, выразить историософский смысл происходящих событий в форме сказки.

Юбилейные Зиновьевские чтения в Костромской области не затерялись в обширной программе российских и зарубежных форумов, посвященных 100-летию мыслителя. Как заметила О. М. Зиновьева, Зиновьевскому году суждено перетечь в Зиновьевское столетие, а тому — в Зиновьевское тысячелетие. Сегодня, когда мир вовлечен в решающее столкновение различных цивилизационных ценностей и моделей, идеи Александра Зиновьева убедительно доказывают свою актуальность и востребованность. Размышления философа о сложной и многомерной эволюции человечества, о содержании коммунизма и либерализма, о новой информационной, высокотехнологичной реальности помогают нам сориентироваться в решении непростых задач современности. Особый интерес представляет зиновьевская аналитика, посвященная западному устроению, из которого вырастает маниакальная тяга Запада к мировому господству. Ценны размышления о глобализме, который философ трактует как форму неокOLONиализма и тоталитаризма. Юбилейные торжества в Костромской области стали данью уважения и признательности Александру Александровичу Зиновьеву, великому русскому мыслителю и гражданину.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 29.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 29.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

А. В. Зябликов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственной университет, Россия.

A. V. Zyblikov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Culturology and Social Communications, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, Russia.

**Поздравление члену международной редакционной кол-
легии журнала «Интеллигенция и мир»
Зориславу Паунковичу**

**Congratulations to Zorislav Paunkovich,
member of the International Editorial Board
of the “Intelligentsia and the World” magazine**

Уважаемый Зорислав, коллектив журнала «Интеллигенция и мир» сердечно поздравляет Вас с высокой и заслуженной наградой — премией Андрея Белого в номинации «За заслуги перед русской литературой». Искренне желаем Вам крепкого здоровья и успешной реализации новых творческих замыслов. Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество в изучении проблем интеллигентоведения.

Коллектив журнала «Интеллигенция и мир»

**ПРЕМИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО
за 2022 год**

*в номинации
ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ
присуждается*

ЗОРИСЛАВУ ПАУНКОВИЧУ

– переводчику русской литературы на сербский язык
(Газданов, Берберова, Вагинов, Добычин, Богданов),
издателю журнала переводов «Руски алманах»

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторские заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

В соответствии с новым ГОСТ Р 7.07-2021 начиная с 2022 г. требования к оформлению публикаций изменились.

3. Комплект документов должен состоять **из двух файлов**:

3.1. В первом файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.1.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.1.2. На следующей строке для статьи, обзора, сообщения, рецензии и т. п. в левом верхнем углу указывается **УДК**.

3.1.3. На следующей строке по центру — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом** название работы.

3.1.4. На следующей строке — **полужирным шрифтом** имя, отчество, фамилия автора / авторов (полностью).

3.1.4. Далее через пробел следует публикация.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте рубриками: *актуальность, постановка вопроса* (приветствуются также краткие *историкографический и источниковедческий обзоры*);

методология и методы исследования;

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Обзорные материалы, сообщения или рецензии строгой внутренней структуры не имеют.

Ссылки в статье, обзоре, сообщении или рецензии **двух видов**.

Первый вид — *подстрочные*: ссылки / сноски *только* на архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа; они оформляются автоматически со сквозной постраничной нумерацией; фамилии авторов выделяются *курсивом*, кегель 11, через 1 интервал.

Второй вид — *внутритекстовые* ссылки: на издания из «Списка источников». В квадратных скобках указывается [фамилия автора] (без инициалов), далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия (:), страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую.

Различные варианты оформления библиографических ссылок / ссылок можно посмотреть на сайте журнала в разделе «Правила публикации», далее — «Образцы оформления».

Библиографическое описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- переносы в тексте только автоматические;
- при цитировании используются кавычки « » , при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: Ctrl + Alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг.; С. 258—259.

3.2. Во втором файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.2.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.2. На следующей строке по центру — название публикации.

3.2.3. На следующей строке слева — фамилия, имя, отчество автора / авторов, ученая степень, ученое звание.

3.2.3. На следующей строке слева — наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.4. На следующей строке слева через запятую — адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (город и страна), электронный адрес автора / авторов (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.5. На следующей строке по ширине — аннотация объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.6. На следующей строке по ширине — ключевые слова (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.7. На следующей строке по ширине — (при необходимости) слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:»).

3.2.8. На следующей строке слева *на английском языке* тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.9. На следующей строке по центру — *на английском языке* название публикации.

3.2.10. На следующей строке слева — *на английском языке* имя и фамилия автора / авторов, ученая степень, ученое звание (имя и фамилию автора / авторов приводят полностью, отчество сокращают до одной буквы; в отдельных случаях, обусловленных особенностями перевода, — до двух букв). Англоязычное написание фамилии и имени следует приводить в форме, которую автор публикации ранее сам прописал в международных индексах цитирования или которую использует чаще всего.

3.2.11. На следующей строке слева — *на английском языке* наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.12. На следующей строке слева — *на английском языке* через запятую адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор /

авторы (город и страна); электронный адрес автора (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.13. На следующей строке по ширине — *на английском языке* аннотация (Abstract) объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.14. На следующей строке по ширине — *на английском языке* ключевые слова (Keywords:) (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.15. На следующей строке по ширине — (при необходимости) *на английском языке* слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводятся с предшествующим словом «Acknowledgments:»).

3.2.16. На следующей строке по центру — **Список источников**.

Описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

«Список источников» включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем — на иностранных. Для переводных изданий необходимо указывать авторов переводов. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В «Список источников» не включаются архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа. На все подобные источники делаются постраничные сноски в тексте статьи.

3.2.17. На следующей строке по центру **References**.

Список «References» (латинизированный список) оформляется в соответствии с Harvard referencing guide и содержит все публикации «Списка источников» в латинизированной форме, расположенные по латинскому алфавиту. Транслитерация изданий в «References» выполняется в системе, принятой Библиотекой Конгресса США (Library of Congress; LG). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <https://translit.ru/ru/lc/> или www.convertcyrillic.com/Convert.aspx.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в транслитерации курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации,

— в [квадратных скобках] — перевод работы на английский язык,

— издательство в транслитерации,

— место издания в переводе на английский язык,

— страна в переводе на английский язык;

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в переводе на английский язык в кавычках (‘ ’)

— в транслитерации курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в [квадратных скобках] — перевод на английский язык названия журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в транслитерации издательство для сборников статей, материалов конференций, глав из книг,

— место издания в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или книге.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в «Списке источников» и в «References».

Для латинизированных источников в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации;

— издательство, кроме диссертаций и авторефератов диссертаций,

— место издания,

— страна (для США при необходимости указание штата);

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (‘ ’),

— курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

—издательство для сборников статей, материалов конференций или книги,

—место издания для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна (для США при необходимости указание штата),

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или главы в книге.

Если цитируемая статья имеет DOI (Digital Object Identifier), необходимо указывать его как завершение описания.

В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления ссылок, «Списка источников» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты, если:

— содержат ранее опубликованный материал;

— имеют оригинальность текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;

— представлены без соблюдения правил оформления публикации;

— представляют собой отдельные этапы незавершенных исследований;

— авторы отказываются от технической доработки публикации;

— авторы не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2023. № 1

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *Э. В. Кромер*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.03.2023 г.

Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 100 экз. Заказ № 105. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5

Факс: (+7920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

Сущностные
черты

Роль
в современном
обществе

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР